

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 10 (220)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 10 (220). – 146 с.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Иноземцев. Модернизация России и глобализация.....	4
Е. Брагина. Модернизация и экономический рост в России не совпадают.....	14
Илья Левяш. Есть ли у России союзники?.....	18
Ирина Орлова. Этнозация исторического знания на постсоветском пространстве.....	31
С. Аккиева. Ислам в Кабардино-Балкарской Республике.....	44
Виталий Белозеров. Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе.....	54
К. Ланда, С. Алибекова. Современный терроризм в Каспийском регионе.....	74
И. Бубнова. основополагающие принципы политики России в Центральной Азии в начале 2000-х годов.....	84
Салтанат Ермаханова. Социокультурные особенности населения Казахстана.....	88
Ч. Койчуманова. Формирование политических движений в Киргизстане.....	92
Халимахон Хушкадамова. Семейно-брачные отношения в Таджикистане.....	96
С. Лузянин. Россия и Китай в Центральной Азии: Конкуренция или сотрудничество?.....	105
А. Курбаналиев. Турецко-дагестанские отношения в XXI в.....	118
В. Ахмедов. Военный и политический ислам на Ближнем Востоке.....	120
А. Бочковская. «Суфийский ренессанс» в современной Индии (на примере Панджаба).....	132
Ю. Матвеев. Этноконфессиональные проблемы развития индийского штата Джамму и Кашмир.....	134
Вячеслав Белокреницкий. Прерывание демографического перехода, взрыв агрессии и экстремизма... не исключаются	137

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

В. Иноземцев,

доктор экономических наук,
руководитель Центра исследований
постиндустриального общества

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Проблема модернизации имеет два аспекта: глобальный, связанный с тем, что происходит в мире в последние десятилетия, и локальный – с тем, чего не происходит в России. В последние годы она идет противоположным остальным странам путем и стремится, похоже, не к промышленному развитию, а к деиндустриализации. Я думаю, что 2000-е годы в этом отношении стали еще более потерянными временем, чем 1990-е, потому что приоритетом стало максимальное использование энергетического сектора, где мы наблюдали восстановительный рост в первой половине этого десятилетия, замедлившийся или фактически прекратившийся в последние два года. В то же время в промышленности – за исключением строительства, некоторых подотраслей металлургии и сферы коммуникаций – серьезных прорывов не было сделано, и на повестке дня они до сих пор не стоят. Я изложу ряд тезисов относительно модернизации, затем скажу несколько слов о России и закончу темой модернизации в общемировом контексте, в контексте глобализации.

Что касается понятия модернизации, я придерживаюсь очень узкой его трактовки. Для меня модернизация – это мобилизационный процесс, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания от государственных конкурентов. Я не отрицаю того, что были модернизации, осуществлявшиеся по внутренним причинам и имевшие пионерский характер, – промышленная революция в Великобритании, быстрое развитие экономики в США на рубеже XIX–XX вв. Они были порождены логикой развития этих стран, не преследовали цели кого-

либо догнать или перегнать, но такого рода модернизационные усилия остаются исключением. Поэтому для целей теоретического анализа можно оставить их без внимания и говорить только о тех стратегиях, которые направлены на сокращение отставания от лидера. В рамках такого подхода можно выявить много общих черт, провести классификацию модернизаций, и такой подход, на мой взгляд, более отвечает интересам теоретического анализа, чем рассмотрение в качестве модернизации любого быстрого хозяйственного развития.

Если подходить к вопросу таким образом, можно еще более сузить рамки исследования и констатировать, что модернизации, как воплощение модели догоняющего развития, были особенно плодотворны там, где соревновались схожие по типу экономики. Я излагаю это в категориях индустриального и постиндустриального типа хозяйства и хочу отметить, что модернизации были успешными и достигали большинства поставленных целей тогда, когда модернизирувавшаяся страна соперничала или конкурировала с другими индустриальными державами. Истории неизвестны примеры постиндустриальных модернизаций. Постиндустриальная экономика не рассчитана на то, чтобы ее развитие могло быть ускорено с помощью каких-то мобилизационных усилий. Творческая активность, которая лежит в основе постиндустриальных экономик, зиждется на мотивах, связанных с максимизацией свободного времени и с самореализацией на рабочем месте; она не предполагает той мобилизационной парадигмы, которая существовала и проводилась в жизнь фактически всегда, когда мы имели дело с ускоренным промышленным развитием.

Если под модернизацией подразумевается то, что происходило в Японии и Германии конца XIX в., в СССР 1930-х годов, Японии после Второй мировой войны, Южной Корее начиная с 1960-х годов, то – в рамках постиндустриальных систем хозяйствования и ценностей – такого рода мобилизации, основанные либо на административном ресурсе, либо исключительно на экономической заинтересованности, по моему мнению, невозможны. К тому же в информационной экономике не прослеживается пропорциональная зависимость затрат и отдачи и поэтому мобилизация ресурсов не всегда дает результат, который можно предположить в индустриальной экономике.

Однако в рамках индустриальной системы хозяйствования модернизации были успешны много раз. Целый ряд стран, особенно в те времена, когда индустриализм был всеобщей парадигмой

(как в конце XIX – начале XX в.), доказывали своим примером, что индустриальная модернизация может выводить вперед ранее отстававшие страны и смещать с первых строчек рейтинга прежних лидеров. Мы все знаем об опыте Германии, которая стала первой промышленной державой Европы, отодвинув Великобританию; мы знаем об опыте США, ставших крупнейшей экономической державой в начале XX в.; мы знаем об опыте Японии, которая после Второй мировой войны сумела потеснить все остальные страны, за исключением Америки. Многие даже говорили в 1980-е годы, что Япония обречена стать первой экономикой мира, чего, однако, не случилось. Таким образом, в ситуации, когда и догоняющие страны, и страны-лидеры действуют в рамках индустриальной парадигмы, индустриальная модернизация, безусловно, может помочь догнать и перегнать лидеров.

В конце XX в. ситуация изменилась ввиду того, что многие государства Запада стали постиндустриальными экономиками. За теми превращениями, которые произошли там в эти годы, скрывается радикальная смена воспроизводственной парадигмы. Переход к постиндустриальной парадигме привел к тому, что западное общество начало эксплуатировать нематериальный фактор производства, т.е. сектор экономики, который создает информационные, символические ценности. В этой новой ситуации, когда, например, Microsoft, изготовитель компьютерных программ, или, допустим, Dior, изготовитель косметики, экспортирует свои товары (диск с программным продуктом или флакон духов), оказывается, что продается не сам продукт, который был разработан и произведен этой корпорацией, а его копия. При этом тиражирование копий стоит гораздо дешевле, чем выпуск оригинального изделия. Тем самым западные страны/компании переходят к такому типу товарного экспорта, который не подрывает их монополию на технологии, применяемые ими при создании продуктов. Здесь нет неэквивалентного обмена, о котором часто говорят антиглобалисты, но есть фактор, который приводит и будет в дальнейшем приводить к углублению глобального неравенства.

Я думаю, не случаен тот факт, что именно с 70-х годов, когда на Западе утвердились постиндустриальные тенденции, масштабы мирового неравенства начали расти. Стало увеличиваться неравенство и внутри развитых стран между теми, кто принадлежит к креативному сектору, и работниками массового производства. Мне кажется, что с переходом Запада к постиндустриальной модели развития попытки индустриально развитых держав догнать

его стали бессмысленными, так как в настоящее время это невозможно сделать. Именно этим я объясняю проблемы Японии. Она приложила огромные усилия в 1960–1970-е годы для своего развития как мощной индустриальной страны, но после выдающегося старта надежды на достижение мирового лидерства рухнули в конце 80-х. Тогда Япония не смогла перейти от копирования и доработки технологий к креативному постиндустриальному развитию – и в итоге осталась страной с «потерянным десятилетием» 90-х и низкими темпами роста.

Япония не перешла к продуцированию технологий, как этого не сделали и другие азиатские страны. Вплоть до 2000-х годов объем экспорта технологий из Японии приблизительно в четыре раза уступал ее импорту технологий; Япония – это один из лучших примеров того, что индустриальная парадигма не может соперничать с постиндустриальной тогда, когда эта последняя вполне оформилась. В связи с этим мне кажутся крайне преждевременными рассуждения о том, что Китай станет первой экономикой мира. Да, он станет лидером по абсолютному объему производимого ВВП, но никак не по качеству жизни или по душевому объему ВВП. Я думаю, что в течение 10–15 лет мы увидим затухание экономического роста в этой стране и выход ее на некое экономическое плато, когда китайская экономика станет более крупной, чем американская, по объему, но мировым лидером с точки зрения каких-то инноваций, передовых социальных технологий Китай не сделается.

Почему развитие шло описанным образом, и почему XX в. стал временем, когда мы видели огромное количество догоняющих модернизаций? Полагаю, это связано с тем, что в рамках индустриальной парадигмы технологии перенимались достаточно легко, а эффект их применения в разных регионах был приблизительно одинаковым. Если на ранних стадиях индустриального развития огромное значение имели территория государства, количество населения, его квалификация, наличие ресурсов, выходы к морю и многие другие подобные обстоятельства, то позднее их значение существенно уменьшилось. Пример Японии показывает, как страна, фактически лишенная природных ресурсов, добилась выдающихся результатов. На примере Китая видно, как страна, имеющая в качестве единственного ресурса рабочую силу, также достигает замечательных успехов. Проблема, однако, состоит в том, что для модернизации в ее варианте конца XX в. необходимы иные, чем прежде, главные ресурсы. Это – грамотность управле-

ния, четкость в постановке задач, эффективный менеджмент со стороны политического класса и людей, отвечающих за развитие национальной экономики, ясное позиционирование страны в системе мирового хозяйства и понимание цели, к которой стремятся. Ниже я остановлюсь на этом подробнее, так как в России, к сожалению, не присутствует ни один из этих элементов.

Указанные элементы крайне необходимы для проведения модернизации нашей страны, потому что иных ограничителей я сегодня просто не вижу. Доступ к ресурсам в настоящее время в мире никем не лимитируется, сырьевой рынок достаточно конкурентен. Рынок технологий также открыт. Более того, в последние 20 лет технологии – единственное, что дешевет постоянно и в мировом масштабе. Вопрос заключается скорее в политической воле и в способностях элиты. Мы видим это на многих примерах. Легко заметить, насколько разнятся результаты модернизаций в странах, которые мало чем отличаются друг от друга своей историей, региональной принадлежностью, наличием ресурсов и т.д. Мы видим, сколь не схожи экономические ситуации в Малайзии и Бирме, в Венесуэле и Бразилии. Думаю, эти примеры не нуждаются в комментариях. Суть дела в том, насколько руководство страны на деле привержено не болтовне о модернизации, а реальным политическим усилиям, направленным на достижение этой цели.

Что же касается Российской Федерации, то считаю, что сегодня перед нами стоит крайне сложная задача, которая вряд ли может быть успешно решена по целому ряду причин. Прежде всего, в стране бытует множество мифов и предрассудков, касающихся модернизации. Например, говорят о том, что у России нет альтернативы модернизации. Эта точка зрения стала распространяться как идеологический штамп, но она крайне опасна, потому что альтернатива модернизации у России есть – все наше развитие последних десяти лет как раз и было такой альтернативой. Идя по этому пути, мы вполне можем стать новой Венесуэлой, которая, по данным Всемирного банка, имела самый высокий душевой ВВП в 1977 г. Мы вполне можем пополнить немалую группу стран, в которых политический авторитаризм сочетается с экономическим неразвитием. Можно ли переломить эту тенденцию? Задастся ли она «ресурсным проклятием», как об этом иногда говорят? Полагаю, переломить ее можно, «ресурсное проклятие» тут практически ни при чем, для этого нужны политическая воля и четкое понимание того, что мы хотим получить.

А в России отсутствует реальная воля к переменам. Это обусловлено тем, что современная российская элита – самый крупный бенефициант отката к сырьевой модели экономики. Ее экономические интересы в решающей мере лежат в сфере эксплуатации природных ресурсов и отчасти определяются сферой финансовых спекуляций, где совершаются мифические сделки по слиянию и поглощению, на чем сейчас и делаются состояния людей, близких к политической власти. И у этой элиты нет никаких стимулов менять статус-кво. Сегодня, даже несмотря на экономический кризис, властная верхушка достаточно прочно контролирует ситуацию, и я не вижу вероятности утраты ею рычагов политической власти в ближайшие несколько лет. И именно поэтому я не верю в то, что в обозримой перспективе модернизация в России возможна.

В то же время потенциал для перемен имеется. Во-первых, несмотря на потери, которые Россия понесла за первые полгода экономического кризиса, она сохраняет серьезные финансовые ресурсы. И можно было бы принудительно «конвертировать» гигантские заимствования отечественных корпораций в инвестиции, передав часть акций этих корпораций кредиторам и сделав возможным привлечение огромного объема иностранных технологий в страну.

Во-вторых, сами технологии в условиях кризиса на мировом рынке подешевели в разы за последние несколько месяцев, и время для начала модернизации оказывается очень подходящим.

В-третьих, глубина кризиса побуждает к тому, чтобы признать курс восьми путинских лет ошибочным и переориентировать развитие с сырьевого клона на промышленный прорыв.

На мой взгляд, индустриальная модернизация должна стать объективным приоритетом разумной российской власти. Если мы хотим выйти из положения сырьевого придатка Европы и не стать при этом сырьевым придатком Китая (к чему наше правительство сейчас упорно стремится), мы должны идти по пути промышленной модернизации. Не верится в то, что в России есть масса оригинальных технологий и через несколько лет она сможет снабжать ими весь мир, совершив прорыв в будущее на основе постиндустриального развития.

Это нереально, ибо технологии на уровне идей ничего не стоят. Технологии ценны при возможности их прикладного использования, когда они опробованы, проверены и приспособлены к выпуску полезных и конкурентоспособных товаров. Без всего

этого технологии не продаются. Я не верю, что какая-либо страна может «проскочить» индустриальный этап развития и перейти в постиндустриальное будущее. Да, многие государства, например США или страны Западной Европы, уже несколько десятков лет занимаются глобальным аутсорсингом, перенося свои производства в развивающиеся страны, но все они задолго до этого создали свои индустриальные комплексы и довели их до высокой степени совершенства. И Великобритания, и другие государства Западной Европы, и США были в свое время крупнейшими промышленными центрами мира – и только пройдя этот этап, выучив его уроки, они имеют возможность переносить массовые производства в развивающиеся страны. Это как люди, окончившие школу, идут в вуз и забывают часть школьной программы. Мы же надеемся, что неучи, выгнанные из четвертого класса, способны сразу поступить в колледж. Я убежден: без превращения страны в промышленно развитую державу разговоры о постиндустриальном будущем попросту не имеют смысла.

Вернемся к нашей непосредственной теме. Для осуществления модернизации России важны не только технологические заимствования, но и экономические, и организационно-политические, социальные заимствования. Более всего России необходимы даже не поточные линии, конвейерные системы, новые корабли, программы, а те социальные инновации и правовые нормы, которые привели в большинстве развивающихся стран к тем качественным скачкам, которые мы сегодня видим. Речь идет и о хозяйственном законодательстве, и об отказе от того стиля организации российской бюрократии, который сегодня вообще не нацелен на достижение результатов. Нужно быстрее забывать о всякого рода финансовых показателях, которые не связаны с объемом производства, с долей на рынке, с обновлением модельного ряда. Надо оценивать состояние реального производства, а не разговоры о реформах. Следует строить нашу стратегию исходя из возможной доли наших предприятий на рынке, из их конкурентоспособности, перспектив их экспорта. Я думаю, что та сверхприбыль, которая генерируется в нефтяном секторе, должна направляться не в резервный фонд, а в специальные фонды индустриальной модернизации, хотя этот вопрос очень сложный и я не буду останавливаться на нем подробно.

Все, однако, проваливается из-за отсутствия политической воли, которая могла бы осуществить такой прорыв. Мы имеем дело с низкопробной демагогией, которой увлекаются как сама эли-

та, так и многие наши коллеги из экспертного сообщества. Последние либо пытаются доказать, что мы можем напрячься и опередить индустриально развитые страны на основании якобы имеющихся у нас технологий, либо занимаются апологетикой существующего порядка вещей, либо ищут внешних врагов, которые якобы мешают нам провести модернизацию.

Коснувшись вопроса о внешних врагах, я хочу рассмотреть его в контексте глобализации. Дело в том, что не только в России, но и во многих странах-неудачниках в последние годы заметно глубокое неприятие идей глобализма. Мне печально наблюдать, как Россия – страна, которая в советскую эпоху показала миру один из вариантов глобализации, – вторит хору недоумков, утверждающих, что глобализация виновна в проблемах развивающихся стран. Я категорически не согласен с этой точкой зрения. Нужно очень четко разделять позиции или вопросы, определяемые глобализацией как объективным явлением, и то, как на нее реагируют правительства тех или иных государств. На мой взгляд, глобализация – это безусловно позитивный феномен. Никогда прежде ни одна из успешно развивающихся ныне стран не прогрессировала так быстро, как в 1960–1970-е годы, когда они начали пользоваться условиями и возможностями глобализации. Ни Южная Корея, ни Тайвань, ни Сингапур, ни Малайзия, ни Бразилия не достигли бы сегодняшних результатов, не имей они в своем распоряжении открытые внешние рынки. Если бы в 1960–1970-е годы в международной торговле существовала такая же таможенная закрытость, как перед Первой мировой войной или в конце XIX в., то любые надежды Кореи или Китая на промышленный прорыв были бы абсолютно бесплодными. Именно открытие рынков, приток инвестиций, возможности для заимствования технологий, перенос предприятий из-за рубежа в эти страны позволили им совершить индустриальный прорыв. Власти государств, которые не озаботились такого рода политикой, не выработали позиции по этому вопросу, а сейчас пытаются оправдать собственное фиаско рассказами о том, что им кто-то помешал, заслуживают, на мой взгляд, даже не осуждения, а презрения. Мы видим, кто сейчас является неудачниками в сфере глобализации. Большинство из них – это не обязательно авторитарные, недемократические режимы, но режимы, у которых не существует иных методов управления, кроме самых допотопных, и иных мотивов руководства, кроме увеличения собственного благосостояния через коррупцию. И прислушиваться к такого рода мнениям было бы не слишком разумно.

Однако есть и более серьезные аргументы, которые противники глобализации приводят в обоснование своей позиции. Остановлюсь на двух из них. Первый заключается в том, что в развивающиеся страны переносятся не самые передовые производства и это приводит к экологической деградации и чрезмерной эксплуатации рабочей силы. Я согласен с такой постановкой вопроса, можно считать несправедливой заработную плату, которая платится в Индонезии, Китае, Таиланде и несопоставима с зарплатами в США или ЕС. Однако хочу подчеркнуть, что такого рода проблемы должны решаться правительствами принимающих стран. Я уверен, что если бы власти Китая, Индонезии, Малайзии подняли стандарты минимальной заработной платы, ужесточили бы экологическое законодательство, изменили правила увольнений, не сложно было бы призвать западные компании к исполнению этих минимальных обязательств. Но если в Китае до последних решений ЦК КПК даже не было системы пенсионного обеспечения, то заводить речь о том, что какая-то западная компания, платящая в Китае более низкие зарплаты, чем, скажем, в Англии или ФРГ, в чем-то виновата, – значит заниматься демагогией. То же самое касается и экологии. Скоро Китай станет самым крупным мировым загрязнителем атмосферы, потому что использует дешевый уголь для промышленных целей. И говорить о том, что BMW, Ford или Nike перенесли какие-то экологически не слишком чистые производства в Китай, – верх цинизма, так как самые большие угрозы для глобальной экологии исходят от государственных предприятий Китая.

Да, глобализация не обеспечивает трудящимся периферийных стран тех благ, которые имеют работники в развитых государствах, но решение подобных вопросов лежит в сфере компетенции правительств самих этих стран. Если они не способны защитить собственных граждан, то претензии должны обращаться именно к ним, а не к тем компаниям, которые переносят сюда свои производства.

Последнее замечание касается финансовых потоков, которые, как часто утверждается (особенно после азиатского кризиса 1997–1998 гг.), вызывают дестабилизацию финансовых систем развивающихся стран. Сам данный факт неоспорим. Современная финансовая система далека от идеала, и нынешний кризис показывает, что она требует серьезной перестройки, которая, я думаю, будет проведена в ближайшие 10–15 лет. Но очень странно слышать от представителей периферийных стран, в том числе и России, претензии относительно того, что капитал очень быстро ухо-

дит из страны, а это подрывает стабильность финансовой системы. А почему вы молчали тогда, когда он стремительно притекал в вашу экономику, а не били тревогу? Еще в 2006 г. президент В.В. Путин говорил, что приток иностранных капиталов – огромное достижение России, а рост капитализации отечественных компаний называл «результатом, который возник не сам по себе, а как следствие целенаправленных действий со стороны государства». А теперь, когда капитал уходит, возникает недовольство. То же самое происходило и в Азии. Никто не был озабочен тем, что азиатские банки занимали огромные средства за границей и вкладывали их в спекулятивные проекты. Когда же все рухнуло, то виноватыми называются не те, кто занимал, а те, кто давал. Это, я еще раз подчеркну, не самый правильный подход.

Глобализация открывает возможности для модернизационных успехов, и она должна быть регулируема. Но регулятором глобализации должны стать правительства тех стран, которые выступают реципиентами финансовых потоков и новых технологий, потому что компании и государства, являющиеся экспортерами технологий и капитала, по объективным причинам абсолютно не заинтересованы в регулировании своей деятельности. В нем должен быть заинтересован тот, кто недоволен. И здесь существуют большие возможности для развивающихся стран совершенствовать свое законодательство и следить за его исполнением не только иностранными, но и своими собственными компаниями.

Повторю: я абсолютно уверен в том, что если бы таможенные тарифы находились на уровне межвоенного периода, то ни Китай не достиг бы тех результатов, которые он имеет сегодня, ни большинство азиатских и латиноамериканских экономик не вышли бы на нынешний уровень развития. Я последовательный сторонник глобализации и убежден: этот процесс не остановить, и речи о том, что глобализация надломилась из-за нынешнего кризиса, крайне преждевременны, а утверждения, что этот кризис похож на Великую депрессию, неосновательны. Думается, уже к концу 2009 г. мы увидим восстановление роста в западных экономиках. Насколько он будет значителен в России и других развивающихся странах, покажет время, однако для меня очевидно: не стоит ждать серьезного перемещения центров экономической мощи по итогам этого кризиса. Он не принесет кардинальных перемен, которых сегодня многие ждут. Это мощное финансовое потрясение, и не более того. Оно, наверное, будет забыто не так

быстро, как азиатский финансовый кризис, но все же в сопоставимые сроки.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2010 г., № 2, с. 95–103.*

Е. Брагина,

доктор экономических наук
(ИМЭМО РАН)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ НЕ СОВПАДАЮТ

В вышеуказанном докладе В.Л. Иноземцева поставлены проблемы, ответы на которые стали болезненно острыми на фоне экономического кризиса. Высказаны в нем и весьма интересные, неординарные идеи, заслуживающие внимательного анализа и дальнейшего развития. Вместе с тем категоричность некоторых суждений вызывает возражения. Дать определение модернизации весьма трудно; наверное, оно и не может быть исчерпывающим. Но все же провозглашаемое в докладе равенство между модернизацией и догоняющим развитием кажется преувеличением. Напомню в связи с этим общепринятое ныне различие между ростом и развитием. Экстенсивный рост экономики реализуется в ряде стран Юга, не приводя, в отличие от развития, ни к ее модернизации, ни к догоняющему развитию. В лучшем случае, если страна (правительство) не продает и не разворовывает средства, получаемые от экспорта сырья, она может медленно накапливать средства для диверсификации структуры хозяйства в отдаленном будущем.

Тезис В.Л. Иноземцева о том, что глобализация существенно расширяет возможности модернизации на национальном уровне, не вызывает сомнения. Но это теоретически. По сути же глобализация – одновременно и возможность, и угроза. Ее выгоды становятся очевидными, доступными не только при наличии в стране финансовых ресурсов для закупки иностранных технологий. Это как раз самый несложный метод продвижения к модернизации, не всегда приносящий успех. Догоняющее развитие, даже если считать его синонимом модернизации, возможно только при определенных предпосылках. Проблема в том, что в большинстве стран Юга внешние заимствования, начиная от технологий и кончая современными ноу-хау, попадают в такую бизнес-среду, которая

способна, в лучшем случае, лишь частично адаптировать их к местным социально-экономическим условиям. Вследствие этого преобразование хозяйства может быть лишь ограниченным. Только при широкой адаптации названных заимствований они могут стать импульсами обновления производства, а не обернутся потерей средств и времени.

Экономическая история России в начале XX в. и в годы предвоенных пятилеток знала периоды активного импорта современной техники, привлечения иностранных инвестиций и специалистов к строительству крупных предприятий в тяжелой промышленности. При всей важности появления последних это – скорее точки роста, классический вариант «стальной индустриализации», а не модернизация народного хозяйства. Такая политика лишь в незначительной степени затронула отрасли легкой промышленности, тогда как внутренний спрос населения на потребительские товары, импорт которых был практически запрещен, хронически не удовлетворялся. Это была типичная мобилизационная экономика. В годы «холодной войны» СССР практически проводил курс на автаркию, дистанцируясь от индустриально развитого Запада. Созданная трудо-, капиталоемкая и ресурсоемкая промышленность, не получая новых стимулов развития, начала отставать от мировых стандартов. Исключение составляли лишь несколько отраслей, в первую очередь космическая, а также производство вооружений.

Ориентация на крупные предприятия – типичное наследие социалистического периода – устарела. Но гигантомания и тяга к возведению больших престижных, псевдоимиджевых сооружений сохраняют привлекательность в сознании разных политических страт, в том числе правящих кругов РФ. Достаточно, наверное, лишь упомянуть всевозможные деловые центры в столице, проект небоскреба Газпрома в исторической части Петербурга, объекты Олимпиады 2014 г. в Сочи и саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке. Эта «игра в престиж» обойдется очень дорого в экономическом и социальном плане, но не подтолкнет модернизацию как способ подъема страны на новый уровень. Его достижение крайне осложнено, пока в России существует качественная неравномерность ее западных и восточных регионов, связанная, в том числе, с неразвитостью и моральной, и физической устарелостью инфраструктуры, в первую очередь железных и шоссейных дорог, трубопроводных систем. Как следствие – низкая мобильность рабочей силы, удорожание себестоимости национальной продукции, ее

низкая конкурентоспособность, что ярко проявилось в условиях экономического кризиса.

В докладе не выделено основное препятствие модернизации – неустойчивость российской бизнес-среды, ее непрозрачность, незащищенность прав собственности. Государственные институты не обеспечивают их защиту и реализацию. Слабость институтов, иерархия административной вертикали позволяют российской чиновничьей элите не соблюдать правила игры, на которых зиждется здоровый бизнес, перераспределять в свою пользу собственность, заниматься рейдерством, извлекать рентные доходы из статусного положения в бюрократических структурах.

Недееспособность институтов государства в огромной мере снижает эффективность законов, которые могли бы помочь, например, мелкому бизнесу. О нем на фоне кризиса активно заговорили на правительственном уровне, признав его важную роль в поддержании занятости. Впрочем, можно сколько угодно законодательно запрещать бесконечные проверки малых предприятий, но их владельцы, особенно в российской глубинке, крайне редко рискуют обращаться в суд или органы прокуратуры за защитой от местной милиции, регулярно берущей дань без всяких проверок, или от чиновников, затягивающих предоставление лицензий и разрешений без оплаты их «услуг». Это самая массовая «демократическая» коррупция, которая, став системообразующей, мучает предпринимателей на всех уровнях. В результате в экономике замедляются трансакции, нарушаются контракты, усиливается недоверие к государственным органам управления. Самое главное – ослабевает мотивация к предпринимательству, без коего модернизация немыслима.

В докладе хорошо сказано о мифах, заполняющих массовое сознание в сегодняшней России. В частности, популярен тезис о нашей квалифицированной рабочей силе, которую мы якобы можем дать Европе. На деле в стране ощущается ее нехватка, снижается качество образования (особенно школьного), подготовки рабочей силы и специалистов. К тому же тендерная и возрастная структура россиян крайне неблагоприятна. Постоянные политические и экономические катаклизмы современной России измотали людей, это – усталое, физически и психически надломленное население. И еще – алкоголизм. Потребление алкоголя за последние 18 лет выросло втрое, это влечет за собой нарастание ранней смертности, травматизма на производстве и в быту, неспособности

к систематическому физическому и умственному труду. Возможно ли в таких условиях говорить о мобилизационных усилиях?

Встать на путь мобилизационной экономики было бы опасно, и можно предположить, что оживление интереса к соответствующей политике со стороны политиков и экономистов означает продолжение недоброй традиции отношения к народу как расходному материалу для непонятого будущего за счет настоящего. Опять люди рассматриваются как винтики. В том же ключе звучит заявление вице-премьера России С. Иванова: «Люди – вот наша вторая нефть», «они вскоре займут заслуженное первое место». Как всегда – в будущем времени, когда-нибудь потом. Но если людям отведено второе после углеводородов место, едва ли можно рассчитывать на трансформацию российской экономики в современную инновационную. На такой основе не складывается соответствующая модернизационному процессу трудовая этика, а она – важнейший компонент наукоемкого производства, требующего компетентности и ответственности, а не второсортности.

Насколько оправданны надежды на глобализацию, в частности на то, что Россия может дать Европе рынки? В контексте мобилизационной политики это означало бы концентрацию финансов на импорте средств производства за счет потребления, которое и так в РФ невысокое. Растущая безработица и инфляция заметно снижают покупательную способность и внутренний спрос, который увеличивался во многом благодаря работникам, занятым в финансово-банковской сфере с их высокими по российским меркам зарплатами. И они же подверглись в первую очередь массовым увольнениям, превратившись в презрительный «офисный планктон». Какие рынки ныне привлекут частный иностранный капитал?

Доклад интересен постановками проблем в острой открытой форме. Это безусловная заслуга автора. Но большинство предложений предваряют слова «нужно», «необходимо» и другие их синонимы. Но кто будет делать в стране то, что нужно? В.Л. Иноземцев выдвигает два фактора, которые, по его мнению, требуются для быстрой модернизации, – современные производственные технологии и элиты. В условиях глобализации при наличии финансовых средств технологии доступны. А вот где взять ответственные и дееспособные элиты – бесспорно, самый жгучий вопрос.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2010 г., № 2, с. 95–103.

Илья Левяш,
доктор философских наук
(Институт экономики НАН Белоруссии)
ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ СОЮЗНИКИ?

Вопрос, сформулированный в названии статьи, является продолжением темы о современной России между роком геополитики и фортуной глобализации. Различие между ее ролями в этих координатах и, соответственно, концептуальное выражение их сути имеют принципиальный характер. В канонической Realpolitik союзником является внешний субъект общих интересов, и в этом смысле лорд Пальмерстон был прав, отметив: «У Британии нет друзей и врагов, есть общие интересы». Такие интересы, как правило, провозглашаются de jure, в институциональных договоренностях, включая гарантии достижения целей, но всегда полезно «не любить ушами» и знать, что нередко «спят в одной постели и видят разные сны». Но сны скоротечны, и в конечном счете оказывается, к примеру, что «у России есть только два союзника – армия и флот». Это признание не из легких. Не проще оказалось с разнообразными «союзами единомышленников». Если мысль – одна, а не единство в многообразии, то результат тоже один – диктатура. Вот почему, вопреки революционным романтикам, последний такой союз оказался сталинским «орденом меченосцев». Теперь – время новояза, и на mainstream'e общественной мысли, а также практики новое понятие – «партнер». В паранаучной Википедии союзник предстает как самоочевидный «партнер в каких-либо отношениях, имеет сходный интерес. Союзники имеют, как правило, общую цель, для достижения которой и объединяются». Такое неопределенное, «размытое» определение исключает вычленение из совокупности взаимосвязей субъекта с другими международными партнерами такого типа отношений, которые определяются понятием «союзник» в качественно новой парадигме глобализации.

Во-первых, любой субъект волен воображать, что у него нет «друзей и врагов» во внешнем ему мире, и в порядке компенсации может испытывать манию величия (гигантизма). Для Гулливера лилипуты были скорее не врагами, а чужаками, но, вернувшись в Лондон, он на улицах города кричал экипажам, чтобы они посторонились. Однако это притча. А Тамерлан всерьез полагал, что «все пространство мира не заслуживает того, чтобы в нем было больше одного правителя». Кстати, до сих пор кое-кто подвержен

самогипнозу «самодостаточной» российской цивилизации. Это время безвозвратно кануло в потоке глобализации с ее взаимозависимостью решительно всех субъектов международных отношений в ситуации фактического глобального хаоса. Отныне их вес и влияние прямо пропорциональны способности формировать стратегически долговременные и прочные союзы для противостояния реальным/потенциальным врагам и достижения коллективных целей.

Во-вторых, динамика глобализации постепенно, но неумолимо влечет за собой переформатирование «осевых» культурно-цивилизационных комплексов (КЦК). Отныне субъектность КЦК обусловлена прежде всего их геоэкономическим и геокультурным весом и влиянием, борьбой за гегемонию или лидерство. Происходит прощание с пирамидальной архитектурой мира, и на смену ей приходит не «многополярный», а многомерный, сетевой мир. Если же на международных конференциях еще обсуждается вопрос, возможна ли успешная Россия без собственного мирового проекта, то это означает, что его авторы «под собою не чувят» уже ни страны, ни тем более планеты и уповают на фатальный союз с готовыми встать под его неотразимые знамена.

В-третьих, всякий союзник – партнер, но далеко не всякий партнер – союзник. Иначе ими были бы едва ли не все субъекты международных взаимоотношений. К тому же союзников стихийно или осознанно объединяют не только «сходные интересы» и «общие цели», но и ценности. Это взаимосвязанные, но различные ступени зрелости движущих сил человеческой деятельности. Интересы выполняют функцию внешнего стимулирования деятельности, а ценности – внутренней мотивации ее смысла. Тогда «дело идет... об определенной перспективе: о сохранении индивида, общины, расы, государства, церкви, веры, культуры... Разве смысл не есть смысл отношения и перспектива?»

В своих основаниях ценности – всегда интересы, и непреходящая максима в том, что идеи неизменно посрамляли себя, когда отделялись от интересов. Но интересы – не всегда ценности. Они соотносятся как зерно и плод. Интересы субъективируются, а ценности объективируются. Гораздо чаще поступаются интересами, чем ценностями или «принципами». Зрелые субъекты интересами (по обстоятельствам) поступаются, а за ценности готовы умереть независимо от обстоятельств.

С изложенных позиций в статье предпринята попытка анализа проблемы союзников, ныне непосредственно решаемой Рос-

сией. Следует отметить, что практически любое государство в его истории и современности сталкивается с проблемой соотношения национальной и государственной безопасности. Их тождество – это не равенство, а совпадение или несовпадение в одном и том же объекте, но не в структуре его содержания. Логически она соотносится как система (нация) со своей подсистемой (государством), но конкретно-исторически последнее может не совпадать с руссоистской «общей волей», а нередко – и противостоять ей. В последнем варианте характерные для этих режимов государственный гегемонизм и конфронтационная интенция прочно соединяются с мобилизационно удобным «образом врага».

Россия 1990-х годов особенно остро воспринимала коллизии между национальной и государственной безопасностью. В то время в журнале «Вопросы философии» прошла плодотворная дискуссия о соотношении общества и государства и, соответственно, безопасности национальной и государственной. К сожалению, в ней не оказалось места для очевидности: стабильная система национальной безопасности атрибутивно должна включать реальную субъектность общества/государства, в том числе подсистему их союзничества с другими дееспособными международными субъектами.

Такое состояние достижимо при одном условии: если субъекты отношений наделены «smartpower» («разумной силой»). Концепт «smart power» трактуется как синтез двух понятий – «жесткой» и «мягкой силы». Он предполагает рациональное перераспределение ресурсов между ними. «Геополитику никто не отменял» (Д. Тренин), но и такие основные ресурсы «мягкой силы», как культура и политические ценности, имеют непреходящее значение при условии признания их легитимности, морального авторитета другими международными акторами «жесткой» и «мягкой силы».

Эти «своевременные мысли» относятся не только к США, с 1990-х годов начавших утрачивать эффективность своей гегемонистской политики вплоть до отказа таких союзников, как Франция и Германия, принять участие в их иракской авантюре. С переходом от мира биполярного к многомерному концепция национальной безопасности все более дополняется и трансформируется концепцией и практикой коллективной безопасности. Вообще говоря, в принципе такая безопасность – один из архетипов международных отношений. Уже в XX в. сформировались и сыграли в целом позитивную роль военные союзы во имя победы над противником. В Первой мировой войне это была Антанта, во Второй –

Антигитлеровская коалиция («Объединенные нации»). Однако у союзников военного времени был общий интерес, но помимо общего врага, не было единых ценностей, и это предопределило немедленное начало «холодной войны» сразу после Победы. Она была отмечена духом непримиримой конфронтации, и недавно союзный Запад полностью, хотя по-своему и латентно, разделял откровенную угрозу Н. Хрущёва «Мы вас закопаем». Не случайно СССР, который некогда опирался на своих союзников не только *de jure* (ОВД), но и *de facto* (рабочее, коммунистическое и национально-освободительное движение), в период заката перестал быть «знаменосцем прогресса», утратил эти фундаментальные факторы стабильности и оказался в изоляции – без союзников.

Самое печальное в другом: такая «псевдоморфоза» (в терминологии О. Шпенглера – превращение, неадекватное природе вещей) происходила в принципиально новых обстоятельствах становления глобального мира с его взаимозависимостью. Всеобщая повестка – отказ от концепции и практики «нулевой суммы», «безопасность для всех», или «всеобщая безопасность». В таких условиях безопасность одной страны основана на безопасности другой. Это кардинальная смена парадигмы безопасности.

Отчетливая новизна выявилась уже не столько в российском контексте парадигмы, сколько в отношении к ней. Уместно начать с официальной оценки. По словам президента Д.А. Медведева, приведенным в его известной статье «Россия, вперед!», адресованной «городу и миру», «Россия, вне всякого сомнения, великая страна. Мы действительно велики и своей историей, и своей территорией... Страна, имеющая тысячелетнюю историю, занимающая шестую часть суши, не может не быть великой по определению. И в прямом, и в переносном смысле этого слова. Но этим величием нельзя упиваться». В этих словах, по сути, верна лишь последняя фраза. Все, ей предшествующее, далеко от автоматизма. Тысячелетняя история и географические масштабы пятой части планеты – это высокая вероятность величия страны, но еще не его реальность, и Россия, как и любая другая страна, на величие вовсе не обречена. Автор обращения далее признает: «...на уровне глобальных экономических процессов влияние России, прямо скажем, не так велико, как нам бы хотелось... Но возможности нашей страны должны быть более значительными, подобающими исторической роли России».

«Историческая роль России» – это не индульгенция, а «влияние России не так велико» – лексика из арсенала оруэллов-

ского «новояза», которая микширует реальную картину. Это особенно очевидно на фоне конкретно-исторической динамики России в еще доглобальном, самодостаточном, за «железным занавесом», не лишенном нарциссизма качестве и ныне, в глобальном, открытом, взаимосвязанном мире, где приходится сравнивать себя не со старорежимным 1913 г., а с ядром высокоразвитых и конкурентоспособных стран. Под таким углом зрения статистика из разных независимых источников не вполне совпадает, но и заметно не различается. Утверждают, будто на Россию приходится 2,4% мирового населения, 2,0% глобального валового продукта и 2,5% экспортных потоков. По другой оценке, российский ВВП составляет 2,5% мирового – по этому показателю на душу населения страна занимает 74-е место в мире. Россия утверждает, что она – «энергетическая сверхдержава», но для страны, поставившей целью модернизацию, это сомнительное достоинство. Более того, за последние годы зависимость от сырьевого экспорта, особенно энергоносителей, существенно увеличилась. Доля углеводородов в российском экспорте постоянно росла: от 28 в 1992 г. до 62% в 2007-м. В целом сырьевой экспорт России в 2007 г. составил $\frac{3}{4}$ всего экспорта, тогда как доля машин и оборудования в экспорте в 2000–2007 гг. снизилась с 8,7 до 5,6%.

В сфере инноваций обостряется хронический недуг невосребованности российских «платонов и ньютонов» в своем отечестве. С одной стороны, сегодня в России ситуация с инновационным предложением не такая уж плохая... По абсолютному уровню расходов на исследования и разработки Россия уверенно входит в группу 25 стран-лидеров. По числу занятых в данной сфере Россия находится на 2-м месте в мире и уступает лишь Соединенным Штатам. С другой стороны, по инновациям Россия занимает 69-е место из 102 обследованных стран. По результативности научной деятельности страна опустилась за последние годы с 6-го на 9-е место в мире, и ее доля в мировом наукоемком экспорте составляет 0,3%. В хозяйственном обороте страны находится всего 1% НИОКР, в то время как в США и Великобритании – 70%.

Сегодня Россия занимает 0,3% в общем объеме мирового рынка высоких технологий, а на США приходится почти 40,0%. Россия находится на 30-м месте в мире по доле затрат на НИОКР в ВВП и в семь-восемь раз отстает по их объему в расчете на одного занятого от Китая, Германии и Южной Кореи.

Вопреки официальному пиару такой мартиролог фундаментальных потерь дает основание включить Россию в число так на-

зываемых развивающихся государств. По сути, такую оценку дал В. Путин, охарактеризовав цель современной России как «баланс между стабильностью и элементами развития». Даже министр Э. Набиуллина констатирует, что «Россия уверенно идет по инерционному пути развития. Пути, который, как достаточно четко показывают наши прогнозы и прогнозы независимых аналитиков, ведет страну в тупик. Работавшая последние восемь лет модель роста себя практически исчерпала». Не утешают и декларации о социальной направленности развития российского государства. Даже по официальным данным, разрыв в доходах между 10% самых богатых жителей страны и 10% самых бедных, составлявший в 1992 г. 8:1, сейчас достиг 17:1.

Некогда Ф. Ницше с горечью заметил: «Мы растем, но не развиваемся». Нынешнее состояние российского общества и государства характеризуется риторическим вопросом: стабильность без развития? Это разрыв между декларацией «Россия, вперед!» и ее стагнацией в лучшем случае – не говоря уж о населении России. Могут ли ее союзники усмотреть в таком состоянии модель действительной модернизации?

Во взаимосвязанном мире Россия остро нуждается в надежных союзниках на так называемом постсоветском пространстве. Но создается впечатление, что «официальная доктрина НБ не содержит не только ответ, но даже постановку ряда ключевых вопросов, без реакции на которые невозможно определить место нашей страны в мире. Кто они, эти «союзники» у наших границ? Насколько перспективны... СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС?»

Однотипность базовых признаков постсоветских государств определяется следующими факторами: общностью исторических корней (не исключая, подобно Европе, нередких «домашних ссор»); однородностью производительных сил средней фазы индустриального общества; взаимно-узнаваемыми структурами государственности, хотя и с различной степенью их «просвещенности»; общим и толерантным культурным полем, в котором классическая русская культура продолжает играть (и уже без навязанного ей имперского прессинга, а также вопреки многоликим этнократам) транснациональную и консолидирующую роль; представительством титульных этносов одних государств в других; родственными связями и смешанными браками десятков миллионов людей; растущей национально-государственной самоидентификацией и вместе с тем осознанием необходимости консолидации сил с целью солидарного исхода из глобального провин-

циализма; созданием гарантий против гегемонизма вестернизации. Этими фундаментальными факторами должен быть обусловлен содержательный ответ на вопрос о смысле региональной самоидентификации: во имя каких высших интересов и ценностей содружество существует и развивается?

В таком ключе смыслообразующим ядром стратегического проектирования и дальнейшей эволюции Содружества Независимых Государств могла бы стать интеграция как способ становления и свободного развития исторически сложившегося суперрегионального альянса новых независимых государств с целью формирования и динамичного воспроизводства высокого качества жизни и достижения глобальной конкурентоспособности на основе синтеза общечивилизационных достижений и уникальных культурных ценностей наших народов. Такая сверхзадача – отчасти «зов предков», общей исторической судьбы, но главное – это зов Современности.

Такова идеал-типическая картина перспективной эволюции постсоветского пространства. Но его реалии пока более *contra*, чем *pro*, этой траектории. Когда размышляешь над вялотекущими метаморфозами СНГ, поневоле вспоминается известный в психологии феномен «расщепленного сознания» – состояния пациента одновременно в разных мирах: реальном и идеальном. Парадокс «расщепленного» сознания в том, что его носитель не знает, какой из этих миров адекватен его интересам и ценностям, и действует по принципу ситуационной пользы «годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

Такой феномен вписывается в более широкую картину противоречивой реальности, в которой действующие факторы уравниваются относительно друг друга. Это «противодействующие влияния», ослабляющие и даже способные парализовать действие общего закона. В конечном счете общественные законы «не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов». Во многом стагнация России на постсоветском пространстве также спровоцировала разнонаправленность и неопределенность интересов его участников. Эти тенденции нашли свое выражение в разноцелевой фрагментации содружества, ограничении его субъектов пределами сотрудничества или «партнерства». Лишь на конференции «Пять лет спустя после распада СССР и будущее содружества» (Минск, 1997) впервые был отме-

чен парадокс: всякая интеграция – сотрудничество, но далеко не всякое сотрудничество – интеграция.

Интеграция (от лат. *integer* – полный, целый, ненарушенный) – ведущий принцип действительно союзных отношений. Это способ достижения общности как целостности или внутренней, органичной взаимосвязи своих составных. Такая целостная взаимосвязь создает так называемый синергетический эффект (греч. *synergeia* – сотрудничество, содружество), который не только намного больше своих слагаемых, но и качественно иной в сравнении с их суммой. Однако реалии самой емкой из евразийских структур – СНГ пока далеки от такого императива. Характерно, что в идеале наиболее «продвинутой» структура – Союзное государство Россия-Беларусь – вообще не называется среди структур СНГ. Такая «фигура умолчания» подтверждает, что «для танго нужны двое». А. Лукашенко заявил о союзе так: это «долгострой, незавершенный проект, но не провал и не утопия»; а 9 мая 2009 г. в речи, посвященной Великой Победе, президент Беларуси впервые говорил об «особых отношениях» Республики Беларусь и России во множественном числе как о «союзных государствах» и предупредил, что «к совершенно обратному эффекту может привести синдром тяжеловесной “державности” в отношениях с близкими». В свою очередь Д.А. Медведев во время выступления в Принстонском университете (2009) на вопрос об отношении России к Беларуси как к «старшей сестре» сдержанно ответил, что она – «просто сестра». Если она просто подобна другим «сестрам» по СНГ, но одновременно поддерживаются иллюзии (и расходы!) Союзного государства – это типичный синдром расщепленного сознания. Фактически (пока опуская военную составляющую) перед нами парадокс союза без союзников. Дилемма такова: или Беларусь – все же не «просто сестра», и тогда проект Союзного государства должен обрести модельную зрелость в наднациональном парламенте, единой валюте и др. вплоть до создания конфедерации двух государств, или союз – жертва «тяжеловесной» великодержавности и должен быть денонсирован.

Дилемма именно такова, и Россия, видимо, решила пойти «другим путем» – в обход валютящего Союзного государства продвинуться в направлении ЕврАзЭС, в перспективе – ЕЭП (Единого экономического пространства) и с этой целью реанимировать Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана. Фактически это уже третья попытка «союза трех», и в принципе видится не только целостная картина его строительства, но и будто бы на-

чат его нулевой цикл. Как отметил В.В. Путин, недавно созданная «Комиссия Таможенного союза – это абсолютно новое качество начала работ по интеграции, это первый наднациональный орган, который создан на постсоветском пространстве».

Оказывается, уже после подписания Таможенного союза Беларусь и Казахстан не поддержали инициативу России по пересмотру формулировок понятий единого таможенного пространства, которые дали бы Кремлю право вводить экспортные пошлины на поставки российской нефти в Беларусь. Министр финансов Казахстана через десять дней после вступления союза в правовую силу заявил, что в проекте «единственное – там, где стоят проценты, там прочерки... Но принцип здесь один – каждая страна не должна ничего потерять и ничего не должна приобрести». Вообще надежным является союзник, который ради общей цели готов что-то потерять, но совершенно непонятен союз, в котором каждая из сторон «ничего не должна приобрести».

Запряженная заново «птица-тройка», похоже, летит, еще не зная куда. У ее «ездоков» нет не только согласованной «дорожной карты», но и карты вообще. Если ТС-2010, подобно двум предшествующим, не принесет ощутимых приобретений для каждой из стран «тройки», это будет уже третье (и последнее) мертворожденное дитя. Россия на фоне ее перманентных нефтегазовых «войн» по всему периметру СНГ обречена стать не повивальной бабкой последнего Таможенного союза, а главным автором свидетельства о кончине идеи интеграции. Аналогичная ситуация в такой евразийской структуре, как ОДКБ. «Сейчас термин “равновесие” отражает скорее количественные параметры стратегических ядерных взаимодействий государств, а понятие “стабильность” характеризует ее качественное содержание». Ныне это новое содержание зависит не столько от того, что «танки наши быстры», сколько от состояния системы информационного обеспечения управления милитарным потенциалом. Если в 2008 г. военный бюджет России составлял менее 10% американского, каков «асимметричный ответ»: насколько надежен потенциал безопасности России и ее союзников?

Высокая консолидация союзников «поверх» рыночных образований «дорогого стоит», но она свидетельствует скорее об эффективности интеграции на одном из многих ей необходимых направлений и в масштабе двусторонней интеграции. Тем не менее по всему периметру ОДКБ по-прежнему нет коллективной безопасности. На международной конференции в Санкт-Петербурге

(2006) президент РАПН А. Никитин отметил: «Военно-политическая интеграция в формате 12 стран СНГ не удалась». Об этом свидетельствует роспуск в 2005 г. Штаба по координации военного сотрудничества членов Содружества. В конечном счете на фоне российско-белорусского военно-стратегического сближения получается «шаг вперед, два шага назад». Случайны ли такие «расщепленные» политика и стратегия? Ответ на этот вопрос может быть получен лишь в контексте отношений России со всеми постсоветскими государствами. В связи с этим показателен прецедент фактической изоляции Москвы по поводу признания Южной Осетии и Ингушетии. Профессор, генерал-лейтенант в отставке В. Серебряников пишет: «Улучшению военно-политической обстановки, тесному объединению стран СНГ и ОДКБ немалый вред причиняла линия на строительство максимально прагматических отношений с бывшими советскими республиками, нацеленная на получение максимальной сиюминутной выгоды, достижение меркантильных... интересов даже в отношении самых верных друзей и союзников, например Беларуси. Пора наконец понять, что льготы и дотации, помощь, в том числе и на безвозмездной основе, странам, способствующим укреплению общей безопасности, не есть пустая трата средств».

Пять лет назад я отмечал, что России пора сделать выбор между интересами неоимперской Realpolitik и императивами глобализации. Ведущий из них – обновление и интеграция постсоветского КПК как способ его выживания и свободного развития. Россия способна и должна идти вперед, но для этого необходимы и еще более неотвратимы, чем несколько лет назад:

а) отказ от «тяжеловесной» великодержавности, тем более от химеры мирового проекта;

б) системная модернизация как модель обновления и развития регионального КПК;

в) интеграция с надежными союзниками.

Россия начала XXI столетия постепенно «сосредоточивается», хотя пока по преимуществу традиционным путем. Вместе с тем в ее активе ряд реальных и потенциальных факторов. Доля страны в совокупном ВВП государств СНГ составляет 80,0%, в то время как Украины – 8,0, Казахстана – 3,7, Узбекистана – 2,6, Беларуси – 2,3, других государств – менее 1,0%. Аналогичны технологические и информационные, сырьевые и оборонные «весовые категории» российского потенциала в ареале СНГ. Предельно значим и такой фактор, как 25-миллионное русское/русскоязычное

население в сопредельных государствах. Вопреки локальным русофобским установкам этнорадикалов от оппозиции или власти вектор общественного мнения в СНГ – более или менее русофильский. Это убедительно показали и последние президентские выборы на Украине.

Роль России в СНГ признается практически едва ли не всеми его субъектами, но она еще колеблется от неоимперской, гегемонистской до лидерской функциональной миссии. Различие и даже противоположность между ними – принципиальные. Империя – это авторитет силы, лидерство – сила авторитета. Перспектива России в СНГ также будет определяться ее лидерской эффективностью. Российские элиты должны, перефразируя Д. Белла, мыслить глобально, но действовать регионально. В решающей мере такая переориентация зависит от взаимодействия России со своими партнерами в СНГ в направлении строительства конфедерации независимых государств. Многослойная суть проблемы для России и по-своему – для ее союзников требует ее анализа не только на геополитическом и геоэкономическом, но и на культурно-цивилизационном уровнях в адекватных им масштабах.

Фундаментальный характер уже веками «раздвоения единого» – евразийскости или европейскости России – чреват дурной бесконечностью в силу непонимания того, что обе стороны этой оппозиции правы, выражая – каждая по-своему – грани реальности. Проблема – в их синтезе. Мне уже доводилось писать, что объективное противоречие между евразийской цивилизационной «почвой» и европейской культурной «солью» России предполагает осознанный выбор между разными по объему и смыслу содержанием и сущностью, тенденциями и их вектором. Включая Азию, Россия причастна к ней, способна к ее пониманию и освоению именно как Европа. Как культурный субъект Россия – не азиатская, а европейская Евразия. Такой императив не отделим от трансформации России в цивилизованную державу, но с приматом национальных ценностей. Это акцент на степени цивилизованности России или потребности в новом модернизационном прорыве.

В культурно-цивилизационном плане не однородны основные подсистемы СНГ – так называемый славянский треугольник, в который наряду с восточноевропейской Россией входят геополитически «прописанные» также в Восточной Европе, но в своих глубинных историко-ментальных основаниях центральноевропейские Украина и Беларусь, центральноазиатские и кавказские государства. Тем не менее их веками сложившаяся однотипность дает

основание для поиска и обретения искомого синтеза. Для России быть имперским гегемоном всегда оказывалось не просто, а обладать smart power, быть функциональным лидером интеграции нового типа в многомерном постсоветском мире – задача на порядок сложнее. Объективности ради следует отметить, что этот императив актуален не только для России. Ее союзники – также не жена Цезаря, и уместно констатировать по Ф. Достоевскому: «Дело великое, да великанов не хватает». Осовременим эту сентенцию, перефразировав уже печально знаменитую максиму: берите суверенитета не сколько сможете взять, а сколько действительно нужно соответственно принципу субсидиарности. По-русски это звучит как «Богу – Богово, кесарю – кесарево». Каждый союзник в решении проблем, имеющих неимущественно национально-государственный интерес, волен в этих пределах быть «кесарем», но «Богово» интеграции на базе общих интересов и ценностей свято.

Буриданову ослу можно позавидовать: он выбирал всего между двумя охупками сена. Выбор современной России происходит на семи ветрах глобализации. Дискомфорт проблемы союзников России в том, что ей приходится иметь дело как с привычными, так и с новыми мировыми центрами силы и влияния. Россия прочно «зажата» между двумя полюсами, сложившимися за постсоветское время. На Западе она граничит с объединенной Европой с 493 млн. жителей, региональным валовым продуктом в 14,3 трлн. долл. и совокупным экспортом, составляющим 16,2% общемирового показателя. На Востоке – Китай с населением в 1,3 млрд. человек и ВВП в 2,9 трл. долл., обеспечивающий 8,3% мирового экспорта. Однако таковы лишь некоторые количественные параметры дела. Главное же в другом: его рефлексия российской элитой еще во многом протекает в русле традиционной оппозиции «Запад–Восток». В сближении с «Востоком», прежде всего с Китаем, начиная от трубопроводов в направлении АТР и заканчивая военно-политическим альянсом в ШОС, заметно прослеживается примат евразийского начала. Он чреват фундаментальной недооценкой не столько предвидимого Наполеоном пробуждения «Поднебесной» от вековечного сна, сколько отныне глобальных амбиций, по сути, азиацентричного культурно-цивилизационного комплекса и его непредсказуемых стратагем. В этом варианте есть смысл напомнить геополитическую притчу. Сказывают, будто в середине XXI в. в Евразии все будет спокойно, не считая одиночных выстрелов... на германо-китайской границе.

Сложности иного порядка – с «Западом». Суть дела вот в чем: такой объект все менее опознается, и реалии последних десятилетий – в незавершенном, еще во многом латентном, но уже необратимом «расщеплении» Запада на два относительно самостоятельных КЦК: американский и европейский. Двудликого Януса «евроатлантической цивилизации» исчерпывающе описывает М. Лернер: «Европа разрывается между нуждой в Америке и отвращением к ней». В этом фрейдистском комплексе «любви–ненависти» Европа – это не только все более заметный соперник, но и по-прежнему союзник в походе за «золотым призом» – российским хартлендом. К сожалению, независимо от смены команд в Белом доме этот американский геополитический инвариант сохраняет актуальность. Правда, авторы доклада «Проект-2020», недавно подготовленного Национальным разведывательным советом (НРС) США, исключили Россию из списка потенциальных конкурентов в борьбе за мировое лидерство минимум на ближайшие 15 столетий. Но это не означает, что США через НАТО и подопечный им ГУАМ не пытаются «въехать в квартал» по всему периметру сопредельных с Россией государств, и это в равной мере должно озадачивать как последнюю, так и ее союзников.

В такой ситуации конструктивным исходом для России является поиск ею союзников, исходя из ее европейской сущности. В этом контексте, отмечает Г. Павловский, «модернизацию нам и Китай предложит – причем с выездом на дом... Нам нужна европеизация, а не только модернизация, т.е. консолидация нации на основе европейского выбора». Открытый и драматический вопрос: хватит ли как у Брюсселя, так и у Москвы мудрости понимания безальтернативности их интеграции перед вызовом американского «Запада» и китайского «Востока»? Но выбора, по сути, нет. Такие ориентации все более, хотя и не без противоречий, находят свое выражение в определении приоритетов современной России в мире как Евровостока. Понятие «единая Европа» – это идеологема западнцентристской концепции и практики Европы-1, или группы государств – фундаторов ЕС. Выработав свой эвристический ресурс, после вхождения в ЕС группы центральноевропейских государств, или Европы-2, и в перспективе развития взаимоотношений с Россией как Европой-3 это понятие становится контрпродуктивным. Назрела потребность в более емком и смыслообразующем концепте панъевропейского масштаба, способном выразить его единый смысл, целостную структуру и указать перспективный вектор ее развития. Таким адекватным концептом представляется

не «единая», а триединая Европа, не делимая общими интересами и ценностями, судьбой и перспективой нашего старого, доброго континента.

Для России это инновационная историческая задача, однако пока она не сделала окончательного выбора. Поэтому довольно мистики: «В Россию можно только верить». Верить в Россию можно и нужно, но при условии понимания ею своей ответственности за судьбу обновленного СНГ, своих союзников. В конечном счете быть великим – значит давать направление. Ни один приток не велик и не богат сам по себе; его делает таковым то, что он воспринимает и ведет за собой столько притоков. Так обстоит дело и со всем духовно великим.

Глобальный интеграционный вызов не оставляет альтернативы. Если Россия найдет надежных союзников не только в СНГ, но и в Евросоюзе, это будет означать формирование надежной панъевропейской опоры для достижения нового мирового равновесия.

«Свободная мысль», М., 2010 г., № 3, с. 45–58.

Ирина Орлова,

доктор философских наук
(Институт социально-политических
исследований РАН)

ЭТНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Общей тенденцией, характерной для постсоветского исторического знания, является его резкая радикализация. Переписанная «новая» история в национальных республиках приобрела ярко выраженную этническую окраску, в связи с чем мы говорим об этнизации исторического знания, о сложившемся в 1990-е годы его специфическом ракурсе – этническом историзме, формирующем историческое сознание у граждан постсоветских государств, что имеет далеко идущие социальные и политические последствия. Рассматриваемое постсоветское историческое знание выполняет сервильные функции: оно обслуживает интересы новых властных элит и по-своему понимаемые национальные цели.

Характерной особенностью государств, появившихся на месте разрушенного Советского Союза, является написание ими «новой» истории, а точнее, «новых» историй, «своих», отдельных

для каждого государства. Эти истории в большинстве случаев утрачивают общие черты. Они пересматривают века совместного проживания, по-иному расставляют акценты. Новая идентичность строится на отрицании общей советской идентичности, общих завоеваний, горестей и побед. Классовые, социальные, политические факторы, действующие в истории, отошли на задний план. На первый план вышли факторы этнические. Стало считаться, что только «национальный» историк может создать реальную историю своей страны. При этом «национальный» трактуется как «этнически свой».

«Новая» история призвана сплотить нацию и укрепить государство. Ничто не сплачивает нацию лучше, чем наличие общего врага. Поскольку новые государства получили независимость так просто, буднично, без борьбы, без чьего-либо сопротивления, как вообще никогда не бывало в истории, потребовались мифы о том, что они вырвали свободу у притеснявшей их России и русских, что их собственная история, преодолевающая «окраинный синдром», знатнее и древнее, чем это считалось ранее. Историческое знание выполняет сервильные функции: оно обслуживает интересы новых властных элит и по-своему понимаемые национальные цели. При всей неоднородности и противоречивости в историческом знании в новых независимых государствах можно выделить устойчивые тенденции и характерные особенности.

Первая, и главная, особенность: его этническое основание.

Вторая особенность: антироссийская направленность, поиск образа врага.

Третья особенность: пересмотр галереи великих личностей и памятных дат.

Четвертая особенность: героизация собственного прошлого, удревнение своей истории и поиск корней среди древних цивилизаций.

Отмеченные особенности можно проиллюстрировать конкретными примерами, характеризующими историческое знание в отдельных государствах.

Украина. Наибольшей радикализации историческое знание подверглось на Украине. В середине 1990-х годов в учебной литературе четко сформировалось идеологическое обоснование этнозащитного механизма как основы, на которой строится украинская государственность. Это идеологическое обоснование включает представление о существовании якобы многовековой традиции развития украинской государственности, начиная с Киевской Руси.

Весь исторический процесс рассматривается с позиций борьбы за государственность в терминах «потеря» – «обретение». В этом контексте провозглашение независимости Украины в 1991 г. трактуется как главный итог и главная цель, к которой украинский народ шел почти тысячу лет.

Крайняя степень негативизма характерна для оценок влияния русского языка и русской культуры.

Советская Украина в учебниках приобретает образ колонии. Проводится мысль о том, что прогрессивное развитие Украины и украинцев происходило не благодаря, а в значительной степени вопреки русско-советскому влиянию.

Характерной чертой современного исторического знания на Украине стала тенденция подмены понятий классовых, социальных, политических – на этнические. Обвиняются не политические режимы – тоталитаризм, коммунизм, – а «русские», якобы несущие ответственность и за «духовный Чернобыль», и даже за неблагоприятную демографическую ситуацию на Украине.

Необходимо отметить, что в местах компактного проживания русских на Украине, например в Крыму, иногда до сих пор в школах сохраняются прежние «умеренные» учебники истории начала 1990-х годов.

Казахстан. Особенностью историографии постсоветских государств является установка, что только «национальный» историк может создать реальную историю своей страны. При этом «национальный» трактуется как «этнически свой». История Казахстана до недавнего времени писалась «неказахами». Читаем: «Все письменные источники по истории древнего и средневекового Казахстана – это взгляд людей, почти всегда не принадлежащих к этим народам... Это не дает возможности сравнить... события с восприятием непосредственных участников или лиц, полностью разделявших те культурно-бытовые ценности либо ведущих тот образ жизни, который вели кочевники».

Несмотря на то что вклад российской востоковедческой школы в создание истории Казахстана признается как исключительный (труды Н.А. Аристова, Б. Бартольда, В.В. Вельяминова-Зернова, С.П. Владимирцева, Н. Красовского, А.И. Левшина, А.Ф. Рязанова и др.), их трактовки носят «экстраспективный» характер. В общественном мнении бытует убеждение, что «настоящая» история казахов раскрыта не до конца либо она имеет не всегда правильную трактовку. Как пишет казахский исследователь, сегодня «эмоциональное начало в освещении конкретных истори-

ческих событий преобладает над основами научного поиска. С распадом СССР начался процесс формирования «своей», независимой истории. Он был замешан на преодолении некоего «комплекса» кочевничества, осознания того, что в прошлом мы были какими-то не такими, как все. Уникальность кочевничества в массовом сознании порой ассоциировалась с «варварством», «отсталостью». И нам во что бы то ни стало надо было доказать, что мы не такие, что у нас вполне респектабельное прошлое, насыщенное проявлениями массового гуманизма. «Доказательством» активно занялись представители всех социальных и гуманитарных наук: в середине 1990-х годов в Казахстане распространенной темой диссертационных работ была история кочевничества, трактуемая не иначе как история «номадической цивилизации».

Историческое знание в современном Казахстане представляет собой достаточно пеструю палитру: от мифологем, в которых обосновывается, что саки являются прямыми предками казахов и что Чингисхан был именно казахом (К. Данияров), до сохраняющейся «старой» советской профессиональной исторической школы. Столь же неоднозначно и массовое историческое сознание, отражающее неоднородность современного казахстанского общества. Исследователь пишет, что «отношение казахского коренного населения к истории Российской империи варьируется от резко отрицательного... до полного безразличия». (Примечательна авторская шкала оценок: не от отрицательного к положительному, а от отрицательного к безразличному.) «Русскоязычная часть населения в большей степени идентифицирует себя с общероссийской историей».

Советский период также оценивается по-разному. Для казахов «эти годы наполнены страданиями и жертвами и одновременно связаны со сменой культурно-хозяйственного уклада, обретением пусть мнимой, но государственности». Для казахстанских русских «это период не только массовых репрессий и господства командно-административной системы, но и период, когда они принадлежали к так называемой титульной нации, когда у них не возникало проблем с языком, а было ощущение национального комфорта». Мы не комментируем оценки цитируемого автора, которые не всегда отличаются корректностью, нам важно показать, как сегодня оценивают ситуацию сами казахстанские историки. Галерея великих исторических личностей в Казахстане также претерпела изменения. Она пополнилась именами казахских ханов, баев, деятелей партии «Алаш», представителями репрессирован-

ной казахской интеллигенции. Антигероями стали атаман Ермак, советские партийные деятели Ф. Голощёкин и Г. Колбин. Единственное, что не подверглось ревизии, это отношение к Великой Отечественной войне, и в этой связи сохранение Дня Победы в числе государственных праздников, что, как мы знаем, характерно не для всех постсоветских государств.

Подобно украинским историкам, казахские вбрасывают в массовое сознание мифологемы о том, что якобы в сталинский период целенаправленно истреблялась только казахская национальная интеллигенция, что голод 1932–1933 гг. был «специально» организован с целью полного уничтожения казахского этноса. Собственный сюжет – целинный – также трактуется негативно: освоение целинных и залежных земель якобы не дало никаких значимых экономических выгод, но привело к полному выветриванию плодородной почвы на обширных территориях и что центр намеренно проводил политику сохранения экономической отсталости Казахстана, развивая только сырьевые и добывающие отрасли экономики.

Общей чертой для постсоветских государств является также то, что официальная власть активно влияет на развитие исторической науки, считая ее одной из главных составляющих идеологического воздействия на население. Как пишет казахский исследователь, с точки зрения правителей, «история представляет собой все-таки в большей степени некий прикладной инструмент, нежели независимую отрасль знания». Но поскольку изменились задачи, стоящие перед властью, то и в историческом знании стали преобладать новые категории: вместо классовой борьбы и пролетарского интернационализма – национальная независимость, государственность, национальные интересы; вместо формации – «номадическая цивилизация» и т.д. И хотя президент Н.А. Назарбаев еще в начале 1990-х годов провозгласил принцип «центризма» как исторической позиции, призвал «хранить память, крепить согласие» для сохранения единства неоднородного казахстанского общества, – в официальной историографии и в массовом историческом сознании «центризм» достигается пока с трудом.

Грузия. Антироссийская и антирусская риторика современной официальной истории сочетается с возвеличиванием национального культурно-исторического опыта и подчеркиванием его «мирового значения». Утверждается, что «начавшееся вхождение Грузии в лоно международной политики» в качестве самостоятельного субъекта основано на том вкладе, который внесла страна

«в сокровищницу общечеловеческой культуры». При этом исторические и культурные достижения России оцениваются как гораздо менее значимые, на фоне которых виден «очевидный приоритет» Грузии и грузин «как страны и народа с более древними традициями государственности».

История, трактуемая в соответствии «с текущим моментом», питает современную официальную грузинскую идеологию, использующую для обоснования избранного руководством страны западного вектора развития антисоветизм и явную русофобию. Все это меняет профессиональное историческое знание, ведя его по пути десциентизации.

Армения. Практически полное отсутствие русофобии и россиефобии является отличительной особенностью сегодняшнего состояния исторического знания в Армении. Пожалуй, еще только в Белоруссии мы встречаем эту же редкую особенность. Среди тем, преобладающих в армянском историческом знании, – четыре основные: древность и исключительность армянской истории и культуры, первородство армянского христианства, геноцид армян 1915–1922 гг. и, конечно, карабахский конфликт.

Белоруссия. В Белоруссии есть некоторое число историков, для которых характерно негативное прочтение истории российско-белорусских отношений, что, кстати, свидетельствует о наличии свободы слова в стране. Присутствуют темы критики «москвоцентричной истории» встречается попытка «удревнить» историю белорусской государственности и начать ее с Полоцкого княжества как якобы самостоятельного и независимого от Киевской Руси государства. Но это лишь единичные публикации. В отличие от других государств, здесь это не тенденция. Белорусские учебники по истории, как правило, дают сбалансированную оценку российско-белорусских отношений. Исключительно уважительное отношение сохраняется к совместной борьбе белорусов и русских (а чаще – всего советского народа) в годы Великой Отечественной войны. В отличие от многих других постсоветских государств, в Белоруссии нет никакой войны с памятниками и могилами. В отношении советской эпохи преобладают взвешенные оценки, с признанием для Белоруссии существенных приобретений, в том числе территориальных. В целом лицо современного исторического знания в Белоруссии определяет умеренность критического настроения, компромиссность в оценках проблемных ситуаций и самодостаточность белорусского этнического самосознания, не нуждающаяся для самоутверждения в поиске врага.

Молдавия. В Молдавии сегодня изучают не собственную историю, а историю румын. Общих постулатов несколько: все, что связано с Румынией и румынами, идеализируется, с Россией же – негативизируется. Все трактуется в соответствии с этой примитивной схемой. Например, маршал Антонеску, которого Гитлер лично благодарил за радикальное решение еврейского вопроса, оказывается большим либералом и демократом. Вторая мировая война препарируется соответствующим образом. Так, в учебнике «История румын. Новейшее время» сказано, что молдаване из Транснистрии (так называют Приднестровье в Кишиневе) подвергались «гнету русских». Румыния оказалась в одной связке с Гитлером, «находясь между двумя империями, лишившись поддержки западных стран. Таким образом, она становилась возможным объектом нападения как со стороны СССР, так и со стороны других соседних стран, территориальной целостности стала угрожать реальная опасность».

Латвия, Эстония, Литва. Согласно программе, утвержденной Министерством образования и науки Латвии, Россия рассматривается лишь в контексте мировой истории и «очень фрагментарно». При описании времени, предшествующего Второй мировой войне, акцент в учебниках делается не на Мюнхенских соглашениях, а на пакте Молотова – Риббентропа. Период с 1940 по 1991 г. называется в книге «оккупационным», а легионеры СС объявлены «борцами за свободу своей страны». Восемь столетий отношений между Эстонией и Россией в учебниках рисуются как постоянная череда войн и нашествий, в которых маленькая Эстония всегда выступала стороной страдающей. За перечислением сожженных городов, убитых крестьян, разоренных хозяйств в сознании эстонского школьника вырисовывается многовековой конфликт и формируется убеждение, что геополитические и культурные корни этого конфликта никуда не исчезли. Естественным выводом, целенаправленно сформированным в мозгах людей, усвоивших такую историю, является требование призвать к ответственности «эту ужасную Россию». На это с готовностью реагируют власти. Так, правительство Латвии готовится выставить России счет за годы коммунизма. Для подсчета «ущерба» создана специальная комиссия с ежегодным бюджетом в 200 тыс. латов (400 тыс. долл.). К 2010 г. они должны определиться с суммой. Пока же называется предварительная сумма в 60–100 млрд. долл., в то время как весь государственный бюджет Латвии составляет в долларовом эквиваленте примерно 5 млрд. долл. Претензии других прибалтийских

стран оказались скромнее. Литва требует от РФ 20 млрд. долл. компенсации «за ущерб, нанесенный советской оккупацией». Эстония ограничилась 4 млрд.

Переписана вся история не только постсоветских государств, но и постсоциалистических. История **Польши** пересмотрена начиная с ее объединения с Великим княжеством Литовским в конфедеративную Речь Посполиту в 1596 г. Переосмыслены и недавние времена: так, считается, что перелом во Второй мировой войне наступил благодаря участию польского воинского контингента на Западном фронте. Восточный театр военных действий был не более чем вспомогательным. А весь послевоенный период преподносится как тяжелейшее и черное время советской оккупации. Причем гитлеровская оккупация уже трактуется как время тяжелое, но не безнадежное, ни в какое сравнение не идущее с вероломством советской оккупации. И ни одним словом не упоминается о том, что, не освободив Красная армия Польшу, до 85% населения этой суверенной страны было бы попросту уничтожено в полном соответствии с гитлеровскими планами.

Азербайджан. В очередь за компенсациями от России встал и Азербайджан. Депутаты азербайджанского парламента в точности следуют примеру прибалтийских стран и предлагают создать комиссию для подсчета суммы компенсации, которую Россия должна выплатить Азербайджану «за ущерб», нанесенный во времена СССР и даже Российской империи. Называют сумму в 1 млрд. долл. Депутатов поддерживают и местные политологи, считающие, что Россия должна расплатиться и за бакинскую нефть, «благодаря которой СССР выиграл Великую Отечественную войну».

Приведенные примеры переписывания истории показывают использование постсоветскими государствами целого ряда методических приемов и технологий, безотказно действующих на население: школьников, читателей, зрителей, слушателей. Среди них – избирательное отношение к историческим фактам, гиперболизация и манипуляция цифрами, фальсификация, демонизация и дегуманизация оппонента и прямая ложь. Возможно, все это отражает своего рода «болезнь роста» новых государств, которые не в состоянии самоутвердиться и консолидировать свои общества иными способами. Формирование собственной идентичности у них строится на отрицании целого пласта общей истории и отталкивании от общей для всех советской идентичности.

Российские регионы

Не только в новых независимых государствах этнический историзм занял господствующее место в современном историческом знании. То же самое можно сказать и о многих национальных республиках, находящихся в пределах России. Нужды политики и этнического самосознания способствовали тому, что основными темами для работ профессиональных историков стали поиск исторических корней, этногенез, удревнение собственной истории, воспевание своих реальных и мифических героев и обязательно поиски «врагов». Так, в работах национальных историков принципиально изменилась оценка вхождения народов в состав Российского государства. Как экспансионистская представлена рядом башкирских историков политика России в **Башкирии**. Последствия этой политики оцениваются исключительно как негативные, пишется, что включение башкир в состав Российского государства поставило их перед серьезными испытаниями за право существования как этноса, а проводником «имперской политики» являлся «русский народ, движимый ненасытным захватническим духом». Объективности ради необходимо отметить, что наряду с «новыми» подходами в историографии сохраняются и «старые», трактующие присоединение, например, башкир к русскому государству как глубоко прогрессивное событие.

В историографии **Татарстана** подчеркивается, что борьба за независимость Казанского ханства, стремление отстоять «суверенное государство» явилось «поистине высочайшим образцом проявления силы духа наших предков, достойным всяческого восхищения и подражания». День взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. стал в последние годы отмечаться в Татарстане как «День памяти» татарского народа (15 октября), когда проводятся траурные мероприятия в честь тех, «кто погиб в борьбе за свою независимость». Примечательно, что историки в национальных республиках нередко даже формально включены в политическую деятельность. Так, историк, бывший советником президента Республики Татарстан по политическим вопросам, в своей книге писал, что «миф о якобы добровольном присоединении народов к российскому государству годится для простодушных и наивных людей, живущих не реалиями, а иллюзиями».

Особого внимания заслуживает стремление властей Татарстана «доказать» древность своей столицы. В исторической науке принято датировать города по упоминанию о них в летописях.

Первой бесспорной датой упоминания Казани в русских летописях считается 1391 г. Но эта дата «не подошла» по политическим соображениям. Нужно было искать новую. Вся аргументация «удрвнения» построена на археологической находке в конце 90-х годов керамики, отнесенной учеными к периоду X – начала XI в., а также чешской свинцовой монеты X в. и еще одной монеты арабского происхождения, тоже датированной X в. «Таким образом, мы предположили, что Казани может быть 1000 лет», – сказал руководитель Казанской археологической экспедиции. Историки выполнили политический заказ и «нашли» так необходимые исторические свидетельства. К определению даты рождения Казани была привлечена вся административно-политическая мощь республики. Начиная с 1996 г. к работе ученых Института истории по изучению вопроса о дате основания Казани подключился казанский Совет народных депутатов. Город финансировал исследовательские проекты. Для этих целей в 1998 г. в аппарате Совета народных депутатов был создан специальный отдел социологических и исторических исследований. Спонсировалось около сотни грантов, организовывались научно-практические конференции, приглашались зарубежные ученые, а свои отправлялись в иностранные архивы и библиотеки.

Поволжье и Урал. Для исторического знания в национальных регионах с конца 90-х годов стало характерным предъявление счета России во всех ее исторических модификациях, и СССР в особенности. Нормативный характер приобрела трактовка политики советской власти, при которой якобы все нерусские народы оказались на грани этнического исчезновения, а их национальная культура, язык, школа, религия – в тяжелейшем состоянии. И в то же время в текстах об истории и этногенезе народов, например Поволжья и Урала, отмечается, что все усилия «ассимиляторов» не дали ожидаемых результатов, и все тюркские и финно-угорские народы от Оки до Тобола сохранились до начала XX в., а с определенными изменениями до конца XX в. Ученые Поволжья, специализирующиеся на этнической истории, в текстах называются «чувашеведы», «татароведы», «мароведы». Между этими группами ученых идет настоящая битва в стремлении доказать, что именно их народ самый древний из проживающих на этой территории, или самый культурный, или находится в прямом родстве с народами, представляющими древнейшие цивилизации: этрусками, шумерами, даже древними греками. И вообще, что тюркские

народы жили в Европе издревле, что они ниоткуда не пришли, а жили здесь всегда.

Особый предмет спора – о том, кто является «настоящим» прямым потомком древнего государства Волжской Булгарии, на территории которой ныне проживают многие поволжские народы. Чувашеведы считают, что «чуваши – это прямые потомки волжских булгар» и что попытки отождествления булгар с татарами явно ошибочны и тенденциозны. Для татароведов аксиомой является обратное: у предков чувашей вообще не было никакой государственности, и к булгарам они никакого отношения не имеют. Для них абсолютно ясно, что Булгарское государство, которое было великой и могучей державой мира, переросло в Казанское ханство, поэтому только казанские татары являются прямыми наследниками булгар. Мароведы также вносят свою лепту в дискуссию, но ограничиваются предположением, что вряд ли удастся найти точный ответ на то, откуда и когда произошли марийцы и кто был их предком. Чувашеведы вынуждены признать, что этногенез их народа остается для историков одной из сложнейших тем, поскольку письменных источников по его истории до середины XVI в. почти не сохранилось.

Все эти точки зрения разработаны историками, отвечающими на социальный заказ, даваемый региональными властями и местными этноэлитами. В этой связи говорить о независимости академического научного знания не приходится. Работы национальных историков обсуждаются не только и даже не столько в научной среде, они выплескиваются в местную прессу, в СМИ, с ними знакомятся самые широкие круги населения региона.

Северный Кавказ. Исследователи современной историографии Северного Кавказа приводят данные о том, что работы местных авторов нередко «исполнены мании этновеличия», иногда доходящей до абсурда. Национальные историки соседних республик с «фактами» в руках доказывают диаметрально противоположные идеи, невзирая на противоречия и перехлесты. «Свобода от партийной цензуры обернулась несвободой от национальных элит». В северокавказских республиках, как и в других национальных российских регионах, в постсоветские годы происходила переоценка рейтинга выдающихся исторических деятелей. На место прежних – в основном большевистских и революционных лидеров, героев Гражданской войны, партийных и государственных деятелей советских лет – выдвигались новые. Обязательным критерием для занятия места в новом списке стала этническая принадлеж-

ность. Поэтому те исторические персонажи, которые даже имеют реальные заслуги перед конкретным этносом, но к нему не принадлежат, в список не вошли.

В большинстве северокавказских республик центральным историческим персонажем стал имам Шамиль, двухсотлетний юбилей которого широко отмечался в 1997 г. Повелитель горцев Шамиль стал культовой фигурой, он, как создатель Имамата, был официально провозглашен национальным героем. Его чествование отразило тенденцию к мифологизации его образа. Наряду с Шамилем на Северном Кавказе к числу культовых исторических деятелей были отнесены и другие яркие, но не столь масштабные персоны из числа религиозных деятелей, просветителей, идеологов национализма. Пересмотр исторических позиций отразился и на топонимике региона. Начавшееся в 90-х годах массовое переименование улиц, площадей, городов продолжается до сих пор. Городу Орджоникидзе вернули название Владикавказ. Прежнее историческое имя, символизирующее «владение Кавказом», желаннее для осетинского города, чем фамилия грузинского большевика. Чеченцы изменили даже название своей республики, не говоря уже о названиях площадей, улиц. Досталось и памятникам. Так, в Чеченской Республике был уничтожен памятник генералу Ермолову.

На Северном Кавказе легализовалось преподавание исламской догматики в мектебах и медресе. В преподавании истории в региональной школе наряду с общефедеральными учебниками, утвержденными Министерством образования РФ, согласно закону об образовании 1992 г. предусматриваются и свои собственные по курсу национальной истории, географии родного края, литературе и родному языку (в Дагестане, например, преподавание семи национальных языков). В школах **Адыгеи** есть предмет «Адыгейский этикет», изучаются национальная музыка, народные промыслы, изобразительное искусство. В школах **Кабардино-Балкарии** преподается «Этикет народов Кавказа», в **Дагестане** – «Культура и традиции народов Дагестана». В **Чечне** вообще отказались от общефедерального учебника истории и утвердили собственный, со своей трактовкой чеченской и российской истории.

«Ныне подавляющему большинству региональных исследователей присуща безапелляционность, не подкрепленная (за редким исключением) серьезными доказательствами. Им свойственна также склонность к тотальной негативизации прошлого. Суждения о жестокой экспансионистской политике, колониальном гнете, ас-

симиляции, русификации, христианизации и геноциде заслоняют или крайне искажают реальную, гораздо более неоднозначную картину российско-кавказской истории... Опасный вирус этноцентризма проник в исторические труды, снижая и без того невысокий их уровень: сказались разрыв научных связей, финансовые проблемы гуманитарных наук, массовый отток кадров. Забвение богатых традиций исторического кавказоведения (в первую очередь дореволюционного) и утеря элементарного профессионализма множат появление псевдонаучных концепций», – таково мнение некоторых ученых.

На Северном Кавказе, как и на других постсоветских территориях, появилось множество дилетантов от истории, бросившихся с пылом неопита опровергать общепризнанные в науке концепции. Популярным в «вульгарной историографии» стал прием экстраполяции какой-либо древней культуры на современный этнос. Так, балкарцы и карачаевцы оказались «наследниками» шумерской цивилизации (И.М. Мизиев). Все адыги, по одной версии, – потомками шумеров (Кагермазов), по другой – хеттов (А. Бакиев), вайнахам, т.е. чеченцам и ингушам, в качестве почетных предков «достались» древние египтяне (А. Измайлов) и этруски (Ю. Хаджиев, Р. Плиев), осетинам – арийцы (Б. Техов).

Характерными чертами регионального исторического знания являются его чрезмерная политизация и провинциализация. Каждый народ Северного Кавказа упорно замыкается на своих частных этнических интересах, не желая считаться с аналогичными интересами соседей и тем более с интересами России в целом. «Отчетливая особость этнических притязаний не исключает, однако, некоторых общих свойств, характерных для этнического сознания северокавказских народов в целом. Его очевидная незрелость и даже инфантильность обуславливают склонность к тотальной мифологизации прошлого... Это и многое другое порождает синдром завышенных ожиданий от таких эфемерных понятий, как «историческая справедливость» или «историческое право». Противоположность точек отсчета в подтверждении подобных «прав» практически исключает возможность взаимоприемлемых решений каких-то спорных проблем, к примеру территориальных.

«Федеральная» российская история. Если все бывшие союзные республики и крупные национальные регионы внутри России стали писать свою, этнизированную историю, то на федеральном уровне ситуация сложилась совершенно иная. В течение всех

90-х годов в России на федеральном уровне не иссякал поток разоблачительной исторической литературы, трактующей события российской, в основном советской, истории исключительно в негативном ключе. Авторы как бы соревновались между собой в резкости суждений и разоблачений, дегероизируя историю своей страны. Академические историки разрабатывали проект под названием «Пять процентов правды», обосновывая, что «знакомая» история правдива лишь на пять процентов, и ставили целью раскрыть глаза общественности на остальные девяносто пять.

К концу 90-х годов поток разоблачений «проклятого прошлого» стал постепенно иссякать. Постепенно уменьшился спрос на исторические сенсации, массовое сознание насытилось негативной информацией и устало от всеобщего поношения. Спецификой «федерального» исторического знания в этот период было полное отсутствие рассмотренного этнического историзма, столь характерного для национальных территорий. «В отличие от лидеров других государств, возникших на постсоветском пространстве, российская властная элита до сих пор не обозначила достаточно четко своего отношения к русской проблеме и национальной русской истории. Это значит, что создание особой русской истории, автономной от истории России и СССР, не воспринимается на этом уровне как политическая проблема и государственная необходимость». Поиск актуальной «русской идеи» стал одной из тем современного исторического знания, при этом его основополагающим принципом стал этатизм. Национальная идея воспринимается прежде всего как идея государственная, державная, но не этническая. Отношение к русской истории трактуется прежде всего как к истории государства Российского.

«Москва», М., 2010 г., № 4, с. 4–16.

С. Аккиева,

востоковед

ИСЛАМ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Историю ислама в Кабардино-Балкарии нельзя рассматривать в отрыве от исламизации всего Северного Кавказа (СК). Районом древнейшего проникновения ислама на СК является Дербент (Дагестан). Свидетельством этого являются сохранившиеся вплоть до наших дней в Дербенте и его окрестностях мусульманские па-

мятники, выполненные куфическим письмом. Проникновение ислама к кабардинцам и балкарцам носило в основном мирный, миссионерский характер. Процесс шел как через Дагестан, так и из Золотой Орды, через Нижнее Поволжье. Укреплению позиций ислама способствовало также Крымское ханство. Но в XVIII в. наряду с исламом продолжали существовать христианство и язычество. В это время мусульманами в Кабарде была преимущественно знать. Вторая половина XVIII в. характеризуется заметной активизацией процесса исламизации народов СК, что было связано с обострением русско-турецких отношений. В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия и Турция каждая на своей стороне пытаются использовать территорию и людские ресурсы СК. После Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. политика России на СК, и в частности в Кабарде, изменилась: Россия начинает строительство своих военных постов для размещения подразделений регулярных войск на СК. В 1777–1779 гг. между Азовом и Кизляром (через Моздок) была построена Большая Кавказская линия, а в 1779 г. генерал Якоби подавил крупное антирусское восстание кабардинцев. Во второй половине XVIII в. в Кабарде расширяют свою деятельность миссионеры, проповедовавшие не только религиозные, но и антирусские взгляды.

Духовная жизнь балкарцев до утверждения ислама представляла собой сложный симбиоз остатков христианских представлений и развитой системы языческого культа. В прошлом для балкарцев было характерно смешение религии. М. Ковалевский (посещавший СК и Закавказье в 80-х годах XIX в.) застал у них наряду с официальным мусульманством значительные пережитки древнего христианства, воспринятого в аланскую эпоху, и языческих верований, весьма близких осетинским. Смешение этих религиозных представлений в быту балкарцев подтверждалось не только конкретными этнографическими данными, но и многими народными преданиями.

К началу XIX в. кабардинцы и балкарцы, как и другие народы СК (за исключением части осетин), исповедовали ислам суннитского направления. Распространение ислама произошло преимущественно мирным путем. Ислам утвердился постепенно, приспособившись к местным традициям и обычаям, нормам обычного права (адата), социальному устройству кабардинского и балкарского обществ. По мнению С. Бейтуганова, «укреплению позиций ислама среди кабардинцев во второй половине XVIII в. способствовало и то, что Россия проводила экспансивную колони-

альную политику, стесняла свободу Кабарды строительством военных крепостей, Турция же в отличие от России не вела такую политику, что связано с тем, что у Турции не хватало сил на экспансию».

С распространением ислама укрепляются позиции духовенства. Мусульманские священники принимали участие в антироссийских выступлениях кабардинцев, придавая религиозную окраску этой борьбе. В начале XIX в. наблюдается политизация ислама. Часть духовенства поддерживала связи с имамом Шамилем и его заместителями-наибамми. Однако высшие слои кабардинского общества, внешне выражающие сочувствие мюридизму и благосклонные к введению шариата, не поддержали присланных Шамилем наибов. Мюридизм в Кабарде и Балкарии, как и на всем Западном Кавказе, не прижился по ряду причин, однако шариатское судопроизводство в Кабардино-Балкарии просуществовало до 1922 г. Во второй половине XIX – начале XX в. в Кабарде и Балкарии строятся новые мечети, при которых действуют медресе, в которых мулла учил учеников (сохт) чтению Корана и арабскому письму. Однако экономические позиции исламского духовенства оставались слабыми, ибо здесь не было вакуфного землевладения. В целом ислам способствовал культурному прогрессу этого региона. В частности, ислам способствовал развитию грамотности и постепенному формированию собственной письменной культуры. Вслед за Кораном и другими религиозными книгами в край начали проникать и светские произведения, сочинения ученых на арабском языке.

Ряд исследователей считают, что ислам явился противоядием ассимиляционной политике, проводимой царизмом на СК. Массовое переселение горцев после Кавказской войны в Османскую империю было в определенной мере связано с религиозными причинами. Это переселение получило название «мухаджирство», поскольку выселяемые горцы именовали себя «мухаджирами», т.е. изгнанниками. Еще в период Кавказской войны (в конце 40-х и в 50-е годы XIX в.) некоторые северокавказские феодалы и старшины, осознавшие неизбежность поражения в войне с Россией, стали перевозить свои семьи в Османскую империю. Нередко эти переселения проходили под видом мусульманского паломничества в Мекку.

Мухаджирство объективно способствовало процессу увеличения удельного веса христианского населения на Юге России, на СК. Христианское население начинает прибывать сюда уже с се-

редины XVI в. со времени покорения Россией Казанского и Астраханского ханств, но до второй половины XVIII в. численность русских и украинцев на территории СК была еще незначительна. Царское правительство было заинтересовано в христианизации края, оно стремилось поддержать христианство, использовать его в своих политических целях, но христианизация народов Кавказа не велась активно и очевидного успеха не имела, возможно, это было связано с отсутствием уверенности в положительном результате. После окончания Кавказской войны миграция из России привела к возникновению новых русских и украинских поселений. В отличие от казачества, которое было православным, в среде русского крестьянства СК были распространены и различные секты (хлысты, молокане, баптисты и др.).

С возникновением на территории Кабарды ряда немецких колоний (немцы по вероисповеданию в основном были протестантами) и образованием около Нальчика отдельного поселения переселившихся из Дагестана горских евреев можно говорить о формировании поликонфессиональной карты Кабардино-Балкарии. Взаимоотношения представителей различных конфессий в крае определялись общей ситуацией в этой области и в целом по стране. Вхождение СК в состав России после окончания Кавказской войны (1864) организационно закрепило ислам в существующей системе государственных институтов. В России второй половины XIX в. отмечается изменение мировоззренческого климата русского общества, в котором религиозно-эсхатологическая идея особого места России между Западом и Востоком, между Европой и Азией наполнилась и политическим содержанием: Россия мыслится как сосредоточение мощных анклавов православной, мусульманской и буддистской культур, которые мирно сосуществуют.

Конфессиональная политика России по отношению к исламу характеризуется поиском путей, форм и методов сотрудничества и использования религии в интересах российского государства. Отличительными чертами этой «политтехнологии» выступают политика невмешательства во внутреннюю жизнь мусульман при одновременной регламентации традиций ислама, контроль гражданских и военных властей над деятельностью духовенства, гибкость и профессионализм. С установлением советской власти государство начало осуществлять политику искоренения всякой религии. В конце 20-х годов XX в. происходит вытеснение религиозных традиций на СК и в Кабардино-Балкарии, в первую очередь мусульманских (90% населения исповедовали ислам), за счет запрета му-

сульманскому духовенству исполнять их традиционные обязанности: регистрация рождений, браков, смертей, отправление культа, образование, судопроизводство. В 30-е годы XX в. репрессии против мусульманского духовенства ожесточились. Балкарский народ этот период времени определил как время смуты и назвал его «эфендилени тутхан заман» («время ссылки служителей культа»). Политика насаждаемого атеизма продолжалась вплоть до середины 80-х годов XX в., и она в значительной мере подрубила корни религии, в том числе и ислама.

Несмотря на репрессивные меры, религиозная жизнь сохранялась, и с 1970-х годов отмечается смягчение религиозной политики, которое произошло в ответ на активизацию мусульманского населения, требующего либерализации этой сферы. В партийные и советские органы шел поток писем от мусульман, которые полагали, что государственная религиозная политика избирательна: лояльна к христианам, а мусульман притесняет. Одной из причин таких настроений было то, что в республиках СК были действующие церкви, а мечетей не было. Послабления в религиозной сфере начинаются уже в конце 70-х – начале 80-х годов. Только за 1984 г. в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) было зарегистрировано шесть молитвенных мусульманских домов. Большинство же оставалось еще не зарегистрированным. Однако среди населения интерес к исламу, к его обрядовой стороне был высок. В эти же годы росло и количество регистрируемых религиозными деятелями браков (никях), которые совершались только после заключения гражданского брака в советских органах (служители культа не соглашались совершать обряд, если молодые не были официально зарегистрированы).

Среди мусульманского духовенства грамотных представителей насчитывались единицы, и все они являлись людьми преклонного возраста. Возможности пополнения кадров были весьма ограничены, ибо с 1946 г. в СССР работало единственное мусульманское учебное заведение – медресе Мири-Араб в Бухаре, которое не могло принять всех желающих. Ситуация улучшилась лишь в конце 1970-х годов, когда прием в медресе был несколько расширен. В числе тех счастливицков, которым удалось поступить в это медресе в 70-е годы, были Ш. Чочаев (первый муфтий КБР) и Зулкарней Тилов (в 90-е годы имам Эльбрусского района).

В конце 80-х – начале 90-х годов религиозная жизнь в СССР коренным образом меняется, что было связано с созданием в стране новой законодательной базы в области свободы совести и дея-

тельности религиозных объединений. Правовые основы этого процесса были заложены в октябре 1990 г. принятием Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий». В обществе стали говорить о вере, религии, стремительный рост религиозного вектора общественного мнения обернулся настоящим религиозным бумом. В КБР наблюдался «исламский бум»: так, между 1990 и 2000 гг. было построено около 100 мечетей, в основном на средства верующих. Финансовая помощь была оказана арабскими странами и Турцией. На 31 декабря 2007 г. в КБР зарегистрировано 127 мусульманских объединений, из них в Нальчике – 15. В 2004 г. в Нальчике построена соборная мечеть, мечети есть практически во всех селах республики.

На бытовом уровне ислам в КБР значительно отличается от «нормативного» ислама. Эти отличия разнятся также у кабардинцев и балкарцев. У балкарцев некоторые остатки языческих верований и заимствования из суфийской практики являются существенными элементами «народного ислама», отражая местную специфику. В религиозных верованиях балкарцев до настоящего времени прослеживается культ бога неба Тейри (Тенгри), который являлся главным божеством у карачаево-балкарцев до принятия ими ислама. Из суфийской практики заимствованы зикиры (от араб, зикр), которые включают рецитацию религиозных поэм-песен, ставших частью ритуала. В досоветское время маулиды (ритуалы) устраивались как выражение благодарности Аллаху и Пророку на различных торжествах или как коллективное обращение-мольба о помощи, в частности во время стихийных бедствий. Сегодня практика маулидов закрепились преимущественно как часть поминального обряда. Многие балкарцы деньги, полученные в качестве компенсации за оставленное во время насильственного выселения в 40-х годах XX в. имущество и дома, потратили на проведение маулидов по своим родным и близким, которые умерли в период депортации. Другие пожертвовали деньги на строительство мечетей, часть средств раздали бедным и неимущим в качестве садака (искреннее даяние, милостыня).

Исламская обрядность все прошлые десятилетия сохранялась в основном при проведении похоронных обрядов и свадеб. Однако исследователи отмечали, что соблюдались эти обряды формально. «Большинство не знает молитв. Молитвы помнят только старики, и то не все». В 2004 г. ДУМ КБР издало специальное постановление «Об упорядочении похоронных обрядов му-

сульман». Имамам вменялось в обязанность разъяснять населению суть изменений, в частности, особое внимание обращалось на то, что милостыню можно раздавать в любое время года. Однако воплотить данное постановление в жизнь не удастся до настоящего времени. Среди кабардинцев и балкарцев по-прежнему имеет место бытовой «народный» ислам, потому его обрядовая сторона так тяжело поддается унификации. Молодые имамы обвиняют стариков в незнании истинных традиций ислама, в свою очередь, старики защищают ислам, который исповедовали еще их деды, вместе с тем признавая, что даже за последние 30–40 лет в обряды внесено очень много нового.

В свадебной обрядности роль ислама в советский период была связана с проведением никях – особой процедуры заключения мусульманского брака. Для заключения брака имама приглашают к жениху, куда уже привезли невесту, или же два свидетеля от жениха и столько же от невесты приходят к имаму домой. В последние годы церемония чаще проходит в мечети (что противоречит исламской традиции. – *Ред.*). Для ее совершения требуется 300–500 руб. Часть этих денег остается у имама, часть имам передает в ДУМ КБР. Главную и основную роль играют свидетели, которые должны быть мусульманами. Обычно ими бывают уважаемые и солидные люди (главным образом мужчины). Голос одного мужчины равен двум женским.

Брак регистрируется в специальном журнале, куда вносятся и паспортные данные супругов. Затем имам выдает молодоженам свидетельство о заключении брака. Государственная регистрация не дает права мусульманину-жениху даже прикоснуться к жене. Брак по-мусульмански стал довольно распространенным явлением особенно среди молодежи. Как известно, по исламским традициям, мужчина имеет право одновременно иметь сразу четырех жен, но при условии, что каждую из них он в состоянии обеспечить отдельным жильем, одинаково всех содержать. Всем четверым в равной степени он обязан оказывать внимание. Дети, рожденные от всех жен, имеют равные права. Доля наследства мальчиков равна двум долям девочек.

В КБР отмечается рост числа мужчин с двумя, а то и с тремя женами. Первая жена остается официальной женой со всеми правами и обязанностями законной жены, вторая и третья жены – так называемые жены по мусульманскому браку. В основном такие браки заключают мужчины, имеющие хороший доход. У одних такой брак вызван желанием иметь наследника при отсутствии

таковых в первом браке, у других возможностью легализовать чувства, не разрушая первую семью. Третьих мусульманский брак устраивает из-за относительно простой процедуры развода без особых материальных и моральных издержек, которые возникают при расторжении брака, зарегистрированного в государственных органах. Для развода супругам достаточно трижды сказать друг другу «талак», что означает, что они не хотят жить вместе. После этого 4 месяца и 10 дней они должны жить вместе в одном доме, но не иметь близости. Этот срок нужен для того, чтобы узнать о возможной беременности женщины, при которой развод не допускается. В этом случае он может быть осуществлен сразу же после рождения ребенка. Аборты запрещены. Исключением могут быть только два случая: если беременность и роды угрожают жизни или здоровью матери.

В целом брачные отношения регулируются по шариату. Несмотря на довольно широкое распространение исламских брачных союзов, никаких юридических последствий они не несут. То есть если между мужем и женой возникнет какой-либо вытекающий из брачных отношений спор, в суде придется доказывать тот факт, что супружество вообще имело место (конечно, исламское свидетельство о регистрации брака является весомой свидетельской базой). Современный семейный кодекс не учитывает религиозных предписаний о правах и обязанностях супругов, детей и родителей, в нем оговорен иной порядок заключения и расторжения брака, алиментных обязательств, усыновления, опеки и попечительства. Потому регистрация исламского брака не в состоянии решить всех вопросов, возникающих в жизни.

С начала 90-х годов доступность религиозной литературы привела к росту числа людей, соблюдающих религиозные обряды. Наблюдается рост числа людей, знающих исламские традиции и соблюдающие их. Совершение пятикратной молитвы (намаз) и пост (ураза) получают широкое распространение среди людей среднего и молодого возраста. Если материалы этносоциологических опросов середины 1990-х годов показывали, что число лиц, регулярно совершающих религиозные обряды, составляло среди мусульман-кабардинцев 10,8%, среди балкарцев – 7,0%, то уже материалы последующих опросов показывали рост этой категории верующих на порядок. Во второй половине 90-х – начале 2000-х годов в КБР отмечалась тенденция роста числа молодых людей, совершающих не только пятничную, но и пятикратную молитву (намаз) в мечетях. Для их обозначения использовался даже термин

«молящиеся» мусульмане. Кратно увеличивается число прихожан в мечетях по пятницам и в дни религиозных праздников. Число прихожан в мечетях в будние дни составляет от 20 до 50–60 человек и зависит от численности жителей села. В соборной мечети Нальчика в будни совершать намаз приходят 40–60 человек, а на пятничную молитву джума-намаз собираются до 500–600 человек. В дни больших религиозных праздников число прихожан достигает двух тысяч. Такие религиозные праздники, как Ураза-байрам и Курбан-байрам соблюдают большинство кабардинцев и балкарцев. В последние годы отмечается присутствие по пятницам в мечетях и женщин, что не особо приветствуется священнослужителями.

О праздновании Курбан-байрам следует сказать особо, ибо и в годы советской власти он был наиболее почитаемым. Являясь одним из основных праздников в исламе, он отмечался практически в каждом доме. С начала 1990-х годов он приобрел особую пышность и торжественность. Как и православное Рождество, этот праздник в республике отмечается официально и по решению властей республики объявлен нерабочим днем. Накануне поток людей из городов направляется в села, так как большинство горожан республики – это вчерашние выходцы из сел, и в такие праздничные дни многие из них стремятся поехать на малую родину. С утра во всех мечетях республики собираются прихожане для совершения коллективной молитвы. После завершения праздничной молитвы в мечети (к 11–12 часам) практически в каждом дворе приносится в жертву животное, как и положено, без физических изъязнов. Животное должно быть забито методом халал, состоящим в перерезании очень острым ножом яремной вены и сопровождающимся чтением молитвы. В жертву чаще приносят овцу или барана. Две трети жертвенного животного надо раздать бедным и только одну треть разрешается оставить для домашнего потребления, однако это правило соблюдается не очень строго. В ряде мусульманских общин Курбан-байрам отмечается особенно торжественно.

Курбан-байрам должен быть и днем прощения, мусульманин в эти священные дни должен простить все обиды, именно поэтому родственники в такие дни стараются примирить тех людей, которые по той или иной причине находятся в ссоре. В этом процессе в последние годы все более активно участвуют и священнослужители. В дни празднования Курбан-байрам и Ураза-байрам пожертвования от прихожан в мечети поступают щедрее. В основном они идут на нужды мечетей, ДУМ, в различные социальные учрежде-

ния (дома-интернаты, детские дома), одиноким и нуждающимся мусульманам.

В исламской традиции в кабардино-балкарской среде, связанной с празднованием Курбан-байрам и Ураза-байрам, была одна особенность, которая коренным образом противоречила исламским ценностям. И эта особенность заключалась в употреблении спиртного некоторой частью мусульман. Несмотря на все проповеди и обращения священнослужителей, изжить такое празднование святых дней среди значительной части кабардинских и балкарских мусульман в советские и в первые перестроечные годы не удавалось. Однако сейчас меняется и эта традиция. Празднование «по-советски» (с употреблением спиртных напитков) уже не является близким и привычным для большинства верующих и не очень верующих, соблюдающих внешнюю форму, но не принявших еще до конца внутренний смысл этих обрядов. Наиболее яростно против этой традиции боролись молодые мусульмане, которые всякими доступными средствами пытались изжить эту традицию из жизни представителей старшего поколения.

Среди восстановленных исламских обрядов особое место занимает паломничество – хадж к священным местам в Мекку и Медину, – которое входит в число пяти заповедей ислама. Если в начале 90-х годов прошлого века в хадж могли отправиться, по разным оценкам, 30–50 человек из КБР, то уже в начале 2000-х годов их число составляло несколько сот человек, а в 2007 г. число паломников в Мекку из КБР составило 267 человек.

В повседневной жизни все больше людей переходят на ношение исламской одежды. Женщины носят свободные платья длиной до щиколоток, с закрытым воротом, на голове платок. Если платья неярких расцветок, то платки более яркие и нарядные. В одежде мужчин изменений меньше: деловой костюм, джинсы. Более пожилые мужчины носят традиционные шапочки. Особое место стали занимать пищевые регламентации. Мусульмане при покупке продуктов обращают внимание на то, чтобы в них не было недозволенного мусульманам. Магазины, торгующие халал-продукцией, в КБР стали открываться уже в начале 1990-х годов, сегодня их число исчисляется десятками. Тогда же появились магазины с ассортиментом исламских товаров. В них можно приобрести одежду для мусульман и мусульманок (хиджабы и платки, платья и туники, шапочки и т.д.), украшения и парфюмерию (духи без добавления спирта, различные масла, мыло и т.п.). Также в магазинах имеются предметы для исполнения различных ритуалов:

похорон, хаджа и свадебных обрядов. Особое место занимают аудиовидеодиски на различные исламские темы, а также исламская литература учебного и просветительского характера.

В этнокультурном аспекте в КБР за последние 15–20 лет произошла актуализация исламских ценностей. Для части населения республики представляется весьма важным следование бытовым традициям ислама, особенно в обрядовой сфере. На уровне коллективного бессознательного этот факт играет роль индикатора этнокультурной индивидуальности этнической группы, ее особенности и отличительности от других групп в этническом и конфессиональном многообразии современного российского общества.

(Продолжение в следующем номере.)

«Ислам в Кабардино-Балкарской Республике», М., 2009 г., с. 10–48.

Виталий Белозеров,

политолог

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ относится к числу регионов России, обладающих целым рядом признаков, которые, с одной стороны, придают ему специфические особенности в хозяйственном, этническом, этнодемографическом и этнокультурном, конфессиональном, геополитическом отношениях; с другой – некоторые из них, в силу целого ряда причин, создают условия для повышенной конфликтности. В частности, полиэтничность региона, мозаичность и переплетенность контуров его этнических ареалов, наложение и скрещение политических и экономических интересов разных групп. Отсюда – взрывчатость ситуации и конфликты, редко разрешаемые по-хорошему, переговорами, чаще (хотя и ненадолго) – силой. Нередко детонатором конфликтов выступает и само территориально-административное устройство Кавказа. Важной особенностью Северо-Кавказского региона являются региональные различия хозяйственной специализации, этнического состава и режима воспроизводства населения горной и равнинной части его; в сочетании с другими факторами, они традиционно играли ведущую роль в характере формирования населения района, изменении его этнической структуры, развитии этнокультурных

контактов. На современном этапе роль этого фактора усиливается в связи с возрастанием влияния и значимости в общественной жизни этноконфессионального фактора.

Проведенное нами исследование позволило выявить закономерности трансформации этнодемографических и миграционных процессов в регионе в различных социально-политических условиях: колонизация, реформы, Кавказская война в XIX в. и военно-революционные события начала XX в.; ход этнических процессов в советский период; развитие межэтнических отношений в постсоветский период, характеризующийся повышенной межэтнической, этнополитической напряженностью и вооруженными конфликтами, в первую очередь чеченским, которые приводили к массовым этническим миграциям, демографическим потерям, изменениям в географии расселения этносов и т.д.

Этническая структура населения Северного Кавказа во многом определяется соотношением трех групп этносов – русских, титульных народов национальных образований Северного Кавказа (адыгейцев, карачаевцев, черкесов, кабардинцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев и народов Дагестана), а также некоренных народов региона (греков, армян, азербайджанцев, немцев, турок-месхетинцев и др.). Изменения этнической структуры населения были всегда характерны для регионов России, но в периоды исторической ломки даже такие инерционные системы, как население и расселение раскачиваются и, что называется, «сходят с рельс».

По отношению к Северо-Кавказскому региону это замечание справедливо в особой мере, ибо в масштабах бывшего СССР нет ему равных в плане конфликтогенности, как реализованной, так и потенциальной (Белозеров, 2005). Не случайно именно здесь сложилась наиболее серьезная угроза национальной безопасности России, ее целостности и суверенитету, при этом сами конфликты, как правило, имеют достаточно выраженную этническую окраску: осетино-ингушский, русско-чеченский или конфликт с турками-месхетинцами в Краснодарском крае. Во всех этих случаях разыгрывается «этническая карта» и разыгрывается по опасным сценариям.

Анализ этнической структуры населения Северного Кавказа за последние два столетия позволяет выделить два периода ее эволюции: первый – славянизации, в большей степени русификации, охватывающий дореволюционное время, – этап военной, экономической колонизации и большую часть советского времени – от революционных событий 1917 г. до начала 1960-х годов, когда рост

абсолютных и относительных показателей русских в национальных образованиях сменился их сокращением и явно обозначились признаки завершения территориальной экспансии русских в регионе. Второй период – дерусификации, начавшийся в условиях «демографического взрыва» и слабо развитого рынка труда в большей части республик Северного Кавказа в советское время и продолжающийся в постсоветский период, но в иной форме и с другими темпами – от массовой вынужденной миграции до почти полного исхода русских из Северо-Кавказских республик, как в Чечне, и формирования моноэтнической структуры населения. В этих условиях в другом направлении изменяется этническая структура населения регионов равнинного Предкавказья (Ставропольский, Краснодарский края, Ростовская область), здесь нарастает полиэтничность за счет активного расселения кавказских народов.

Краткий экскурс в историю и географию этого процесса позволяет показать его специфику в каждом из выделенных временных интервалов. До 1917 г. демографические процессы у северокавказских и славянских народов, миграционные потоки отличались не только по направлению, но и масштабам. Колонизация Северного Кавказа сопровождалась активным расселением славянских народов, а также армян, немцев, греков, других народов, и эмиграцией горцев. Мощный миграционный поток славянского населения на первых этапах колонизации Северного Кавказа обеспечивал частично замещение эмигрировавших в Турцию северокавказских народов. Поэтому во второй половине XIX в. это привело к быстрому изменению этнической структуры населения района. Главной особенностью динамики этнической структуры населения этого периода на Северном Кавказе являлась его интенсивная русификация, а точнее славянизация, подпитываемая как миграцией, так и тем, что по показателям воспроизводства населения славянские народы в то время опережали северокавказские. Эти особенности усиливала эмиграция горских народов, которая катастрофически сокращала демографические ресурсы горных районов. Массовый отток населения этой части района в сочетании с низкими показателями воспроизводства у ряда северокавказских этносов определял низкие темпы прироста, вплоть до естественной убыли населения в отдельные годы.

Махаджирство было, бесспорно, самым массовым миграционным процессом в истории горцев Северного Кавказа, резко изменившим этническую структуру населения в его горных рай-

онах и затормозившим рост населения в этой части Кавказа на длительный период.

В этот период на Дону и Кубани, на Ставрополье, т.е. в равнинных районах, населяемых преимущественно славянскими народами, наоборот, имел место устойчивый прирост населения, в том числе и репродуктивного возраста. Во второй половине XIX в. Северный Кавказ выделялся по показателям воспроизводства населения на общероссийском фоне, и естественный прирост обеспечивал основную часть прироста численности населения. Одновременно и миграция продолжала подпитывать демографические ресурсы этой части Северного Кавказа, создавая условия для нарастания показателей воспроизводства населения.

Правительство России проводило гибкую политику колонизации Северного Кавказа, вовлекая в нее огромную массу не только российского населения, но и российских «инородцев», как уже проживающих в России, так и специально иммигрирующих в нее и получающих широкие права и немалые привилегии. Основную часть иммигрантов на Северном Кавказе составили немцы, армяне и греки, ориентирующиеся в хозяйственном отношении на определенные отрасли: греки, как правило, – на торговлю, строительство, сельское хозяйство (чаще всего табаководство и виноградарство), армяне – на торговлю и строительство (в основном в городах). Немцы же развивали образцовое сельское хозяйство.

Подводя итоги формирования населения на протяжении всего периода колонизации Северного Кавказа, следует отметить, что динамика этнической структуры его населения на этом этапе проявилась в быстрой смене этнического состава населения за относительно короткий период времени и в распространении этой тенденции на всю территорию огромного района. Она осуществлялась на протяжении первой половины XX в. в условиях массового исхода горских народов и активной территориальной экспансии славянских этносов.

Этнодемографические процессы в довоенное, военное и послевоенное время происходили под влиянием ставших уже традиционными формам: переселение с гор на равнину, внутрироссийская миграция населения, представленная преимущественно славянскими народами. Кроме того, этническая структура населения стала испытывать влияние нового фактора – урбанизации. В числе факторов, оказавших влияние на этническую структуру населения района, являлись голод, «расказачивание» в 1920-е годы, коллективизация в 1930-е и этнические депортации – в 1940-е

годы. Они приводили не только к сокращению численности населения в районе, но и к исчезновению на долгое время с этнической карты Кавказа целых народов, замещению одних народов другими в процессе «расказачивания», раскулачивания, к обезлюдению отдельных районов, и в целом к изменению этнической структуры населения района, отдельные черты которой со временем восстанавливались, другие же утрачивались навсегда.

Своеобразие этнической структуры населения равнинного Предкавказья в 1920-е годы проявлялось в сочетании высокого удельного веса славянских народов и повышенного удельного веса некоренных этносов. В этнической структуре населения этого времени сохранились «следы» формирования населения периода колонизации, когда внутрироссийская миграция дополнялась иммиграционным потоком. В послевоенный период основной чертой этнической структуры населения равнинного Предкавказья было повышение удельного веса славянских народов до величины 95,3%, которой он не достигал ни в довоенное, ни в послевоенное время. Это был период продолжающейся территориальной экспансии русских. Мощные (центробежного характера) миграционные потоки русских сопровождалась сокращением их численности в районах европейской части России (за исключением Севера) и ростом наряду с союзными республиками в районах пионерного освоения – Сибири, на Дальнем Востоке, а также в Поволжье и степном Предкавказье. Такой характер динамики численности русских обеспечил рост показателя территориальной концентрации их в регионе с 7,6% в 1939 г. до 8,2% в 1959 г.

В национальных образованиях Северного Кавказа в довоенный период изменения этнической структуры населения носят региональный характер и обусловлены наряду с общерайонными факторами действием специфического фактора – переселением с гор на равнину. Это способствовало развитию этнической чересполосицы в районах массового вселения переселенцев, за которой следует формирование полиэтнической структуры населения, часть миграционного потока направлялась в города. В это время города автономии начинали приобретать кавказские черты.

Динамика этнической структуры населения северокавказских городов в послевоенный период характеризовалась, с одной стороны, сохранением прироста абсолютных и относительных показателей у русских, с другой – появлением этой тенденции у титульных народов. В сельской местности, напротив, в условиях снижения доли русского населения росли абсолютные и относи-

тельные показатели титульных народов, обусловленные высоким естественным приростом.

В 1920–1950-е годы в этнической структуре населения Северного Кавказа просматривалось еще весьма слабое этнодемографическое взаимодействие через миграционные процессы доминирующего в степном Предкавказье русского этноса и титульных народов национальных образований. Русские в этот период сохраняли свою активность в заселении автономий, продолжая расселяться преимущественно в городах. Это был последний этап территориальной экспансии русских на всей территории автономий. Титульные же народы на этом этапе «осваивали» в основном «старорусские» районы, включенные в состав автономий в ходе земельной реформы 1920–1930-х годов и в послевоенное время, а также начали расселяться в «своих» городах.

Получение государственности, развитие хозяйства автономий, начавшаяся урбанизация – все это требовало демографических ресурсов, все больше и больше вовлекая в это титульные народы. Земельная реформа довоенного и послевоенного времени позволила, несмотря на дискриминацию отдельных категорий населения (в первую очередь казаков), снизить остроту земельной проблемы в горных районах и вместе с депортацией отодвинуть на определенный период, растянуть во времени остроту надвигающегося «демографического взрыва», кризиса межэтнических отношений и т.д. Неоднократное проведение административного деления, субъективный подход к расселению народов, особенно в период массовой депортации и реабилитации, дополнили «банк» проблемных территорий. Только ресурсы административной системы управления позволяли удерживать в определенной мере ситуацию под контролем, но это не решало проблемы межэтнических отношений, а загоняло их вглубь.

1960–1970-е годы – начало нового периода – произошла кардинальная смена вектора этнодемографической динамики в регионе, которую можно обозначить как переход от русификации к дерусификации. Соотношение русских, с одной стороны, некоренных народов – с другой, и титульных коренных народов стало быстро меняться в пользу последних – сначала в национальных регионах восточной и центральной части Северного Кавказа, а затем и в славянских регионах его западной части. Соответственно менялась и этногеография расселения: обозначились ясные контуры завершившегося этапа территориальной экспансии русских, а ареал их преимущественного расселения постепенно начал сокра-

щаться. Активизировались миграции за пределы этнических ареалов у титульных народов национальных образований Кавказа, интенсивный отток одних некоренных народов (немцев) сочетался с возросшими масштабами миграционного притока других (армян).

Главной общей особенностью эволюции расселения наиболее многочисленных народов в районе является смена характера и географии их расселения, обусловленная изменением демографического потенциала этносов, социально-экономической и военно-политической обстановкой в районах их проживания, и реализуется в изменении направления и масштабов территориальной экспансии. Эти изменения у русских проявляются через смену направления миграционных потоков с центробежного на центростремительные и сокращение ареала их расселения. Они нашли отражение в масштабах и характере территориальной экспансии этноса, игравшего основную роль в колонизации и хозяйственном освоении Северного Кавказа. Отмеченные тенденции затормозили развитие почти двухсотлетнего процесса территориальной экспансии русского этноса, а затем как бы повернуло его вспять. Северный Кавказ стал частью той территории, где четко и на ранних этапах проявились изменения в расселении русских. Русские, осваивая на протяжении длительного периода Кавказ, сначала постепенно, а затем катастрофически быстро стали его покидать. При этом испытывают дискомфорт не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе. У ряда титульных народов национальных образований Кавказа в период свертывания экспансии русских масштабы территориальной экспансии нарастали. Она распространялась на территории, несравненно меньшие, чем у русских, уступала им и по людности, но вместе с тем охватывала не только соседние регионы, но и значительно большие ареалы – Нижнее Поволжье (чеченцы, даргинцы), нефтедобывающие и золотодобывающие районы Сибири (чеченцы, ингуши и т.д.). После распада СССР в условиях повышенной конфликтности территориальная экспансия некоторых народов, наоборот, усилилась и привела к массовому расселению в районе отдельных этносов – армян, азербайджанцев и др. У других народов, в частности северокавказских, достигнув значительных масштабов в прошлые десятилетия, под влиянием нестабильной этнополитической ситуации в национальных образованиях района, экспансия сначала стала сворачиваться (чеченцы, даргинцы, карачаевцы), а в последние годы активизировалась.

Ареал расселения русских на Кавказе в своем развитии прошел несколько этапов.

– Первый (до 1864 г.) – освоение степного Предкавказья и отчасти Закавказья, когда шло как бы «выборочное» освоение и заселение района русскими и украинцами, начавшееся на северо-востоке и перешедшее на северо-запад, а позднее и в центральную часть района.

– Второй (от окончания Кавказской войны до начала 1960-х годов) – период активного развития территориальной экспансии русских.

– Третий период – завершение и свертывание процесса территориальной экспансии русских в горных районах Кавказа, его национальных районах, населенных титульными народами национальных образований. Выделенные этапы расселения славянских народов, в том числе русских, в районе неоднородны и кроме того «расчлняются» общепринятой периодизацией (период колонизации, довоенный, послевоенный и т.д.), но вместе с тем применительно к русскому этносу правомерны и не нарушают общей схемы периодизации, позволяют показать специфику и эволюцию расселения русских в районе.

Начало первого этапа – время стихийного заселения района русскими в его северо-восточной части и создания военно-оборонительных укреплений и казачьих городков. Стихийные миграции славянского населения постепенно уступили место организованным миграциям. В государственной миграционной политике во вновь колонизируемом районе большое значение придавалось заселению края в первую очередь христианским славянским населением. Два важных фактора определяли ее основные направления, формы и методы реализации, категории населения, направляемого для переселения: нестабильность военно-политической ситуации в районе, что требовало переселения категорий населения, способных обеспечить свою безопасность, и близость Северного Кавказа к трудоизбыточной, аграрно-перенаселенной – перевод казачества на жительство на Северный Кавказ начался с донских казаков в 1791 г. В этот период строились Азово-Моздокская военно-оборонительная линия, укрепления по Кубани, Тереку и в других районах. К середине XIX в. казачество превратилось в основное население края (55,7%), оно служило надежным колонизационным материалом в освоении предкавказских степей и вовлечении горских народов в российскую экономику.

Вторым направлением миграционной политики правительства на Северном Кавказе, активизирующим миграционные процессы славянского населения в район, был перевод крестьянского населения, в том числе и государственных крестьян и казаков, из внутренних губерний России. В начале XIX в. государственные крестьяне составляли основную часть населения, осуществляя экономическое освоение северокавказских земель. В середине 1830-х годов казачье население хотя и превосходило по численности крестьян, но значительно уступало им по масштабам хозяйственной деятельности. В первой половине XIX в. (1835 г., по данным VIII ревизии) славянское население составляло более пятой части населения района (21,5%), причем доля русских превышала $\frac{2}{3}$ среди славян. К 1858 г. доля славянского населения в районе выросла до 54,7%. Ареалы преимущественного расселения русских включали Ставропольскую губернию, Терскую область. Основную роль в формировании русского населения выполняла миграция.

1860-е годы – начало третьего этапа расселения русских на Северном Кавказе – знаменуются двумя важнейшими событиями, определившими ход социально-экономического развития района: с одной стороны, это общероссийский фактор – изменение общественного строя в стране и развитие капиталистических производственных отношений, с другой – региональное событие, имевшее исключительное значение для военно-политической и экономической жизни не только района, но и страны в целом – Кавказская война. Оба эти события совпали по времени и определили характер социально-экономического развития и повлияли на ход этнодемографических и миграционных процессов. Это время экономического завоевания района и изменения демографической ситуации, этнической структуры населения в районе. К концу XIX в. (1897) русские вместе с украинцами стали преобладающими этносами в районе (составляя более 50%), а в равнинной части они доминировали (более 75%). Устойчивый миграционный прирост славянского населения, в том числе и русских в районе, в составе которых была высокая доля населения репродуктивного возраста, обеспечили: во-первых, рост показателей естественного прироста, преимущественно среди славянского населения в значительно больших масштабах, чем в других районах России, во-вторых, увеличение роли естественного движения в формировании населе-

ния территорий, где славянское население доминировало или преобладало, так как миграция на протяжении продолжительного периода подпитывала демографические ресурсы равнинных регионов Северного Кавказа.

В 1920–1930-е годы в ходе «расказачивания» и раскулачивания, политических репрессий, голода русские оказались среди этносов, в наибольшей степени пострадавших. Первая послевоенная перепись населения зафиксировала в этнической структуре населения района последствия ряда факторов, в том числе эвакуации славянского населения из оккупированных территорий на Северный Кавказ, депортации «наказанных» народов, которые к моменту ее проведения вернулись не полностью. Поэтому особенностью этнической структуры населения района в целом являлось повышение доли в составе населения славянских народов, и прежде всего русских, особенно в автономиях, титульные народы которых были депортированы. Сложившаяся к началу этого процесса демографическая структура была нарушена депортацией, а также компенсационными миграциями, преимущественно из числа славянских народов.

В равнинном Предкавказье отмечается устойчивая тенденция концентрации русского населения и роста его численности в период с 1959 по 1989 г. на 25,8%. При этом в сельской местности отмечалось сокращение русского населения, ориентация его на урбанизированные территории, пригороды крупных и больших городов. Со временем этот эффект пригородной концентрации этноса, его стягивание в центральные, но меньшие по площади ареалы весьма заметно изменил саму географию расселения русских в регионах степного Предкавказья. Отмечается, что в этот период усилилась тенденция к сокращению ареала, в котором абсолютные и относительные показатели русских росли, особенно в сельской местности. Важнейшей чертой эволюции этнической структуры населения равнинного Предкавказья является устойчивое и более глубоко выраженное, в сравнении с общероссийскими тенденциями, снижение удельного веса русских в составе как городского, так и сельского населения, особенно в районах восточной, юго-восточной и частично центральной части края. В этих слабо урбанизированных и сельских территориях процесс «вымывания» русских сопровождался наиболее активным замещением их титульными народами национальных образований Кавказа.

Во всем равнинном Предкавказье эти территории края имеют самые высокие показатели снижения доли русских в составе сельского населения и прироста доли титульных народов Кавказа. Эта часть Ставрополья, в первую очередь сельская местность, в большей степени испытала «давление» нарастающего по масштабам исхода народов Северного Кавказа. Она является и зоной наиболее активного их расселения, и «буфером», частично сдерживающим расширение ареала территории края с активно меняющимся этническим составом населения. Вместе с тем за относительно короткий период времени пространственные масштабы этого типа территории в крае значительно выросли и продолжают расти в северо-западном, северном и западном направлениях от чеченской и дагестанской границ. Кроме того, в ее пределах усиливается дифференциация этнической структуры населения в связи с активным вселением северокавказских, тюрских народов, а также некоренных народов региона – армян, греков и др. В городах темпы снижения доли русских в составе населения выражены слабее. Выявленный характер динамики этнической структуры населения в городах и районах территорий второго типа стал результатом, с одной стороны, урбанизации русского населения в крае, с другой стороны – интенсивной территориальной экспансии народов Кавказа, которые как бы «проводжали» русских, покидающих восточные и юго-восточные сельские районы, и со временем замещали их.

В 1990-е годы демографические процессы в России и на Северном Кавказе изменяются, в XXI в. они также получили новое развитие. Изменился и характер миграционного поведения народов. Как в России, так и в степном Предкавказье миграционный поток в 1990-е годы в этническом отношении устойчиво сохраняет русские черты. В 1990-е годы обозначились следующие черты динамики численности и расселения русских в равнинном Предкавказье.

Во-первых, темпы прироста их численности остались высокими и составляют 0,5% в год, что соответствует показателям прошлого десятилетия. При этом в отдельных регионах, например на Ставрополье, по сравнению с прошлым десятилетием этот показатель все же вырос и составил 0,9% в год. Характерно, что во всех регионах степного Предкавказья прирост численности русских отмечался в условиях глубокой депопуляции.

Во-вторых, изменился и характер расселения русских – если в первой половине 1990-х годов до 60% миграционного прироста

приходилось на сельскую местность, то в настоящее время распределение мигрантов между городом и селом стало традиционным.

В-третьих, можно говорить о наступлении нового этапа в заселении русскими степного Предкавказья. Длительный период устойчивого сокращения их численности в сельской местности региона сменился активным ростом. В целом эволюцию в расселении русских в 1990-е годы следует рассматривать как «эффект» кризиса в экономике и экстремальной ситуации в регионе и в стране. Города регионов Предкавказья, переживая острый экономический кризис, не могли удовлетворить потребности устойчивого и массового (лавинообразного) миграционного потока на рынке труда, в социальной сфере и т.д.

Географическим результатом миграционных процессов в 1990-х годах на Ставрополье явилось и такое изменение в расселении русских, как активный сдвиг на восток края. Районы, в которых отмечался относительно высокий прирост численности русских, образовали как бы «коридор», протянувшийся с юго-востока на северо-запад – от чечено-дагестанской границы края до границ с Ростовской областью и Краснодарским краем. Он совпадает по сути с маршрутом следования потока вынужденных мигрантов – русских из Чечни и других республик Северного Кавказа и стран Закавказья. «Коридор» повторного заселения русскими широкой полосой тянется не только по территории Ставрополья, но и Краснодарского края – от предгорий Кавказа через Ростовскую область в Центральную Россию.

Однако столь активное расселение русских в сельской местности в 1990-е годы было недолговременным явлением. Скорее всего, оно выступало как временная мера адаптации этого этноса к сложившейся социально-экономической ситуации. Поэтому на следующем этапе развития этномиграционных процессов произошли изменения в географии миграционных потоков русских на территории региона. В XXI в. в равнинном Предкавказье получает развитие дерусификация миграционного прироста и нарастает полиэтничность за счет увеличения в нем доли кавказских народов. На Ставрополье и в Ростовской области образовалась обширная зона миграционного оттока русских, включающая не только большое число сельских районов, но и урбанизированные территории.

Так в эволюции географии расселения русского этноса на современном этапе находит отражение завершение и свертывание многовековой территориальной экспансии на Кавказе самого крупного этноса России. За последние десятилетия русские на Кав-

казе утратили многое из того, что завоевывалось или создавалось на протяжении более чем ста лет. Но, бесспорно, самой драматичной оказалась судьба почти 300-тысячного русского населения Чеченской Республики, где к настоящему времени вынужденный исход русских превысил 90%.

В 1960–1970-е годы в условиях продолжающейся территориальной экспансии русских в целом в СССР, на Кавказе и в частности сначала в Грузии, а затем в Азербайджане и Армении проявились явные признаки завершения этого почти векового процесса. В данный период эта тенденция стала проявляться в автономиях Северного Кавказа (сначала в Дагестане, затем в Чечено-Ингушетии). Основными факторами устойчивого снижения численности и доли русского населения в автономиях района были социально-экономические факторы (обострение ситуации на рынке труда, аграрное перенаселение) и уже в 1980-е годы в числе факторов, определяющих характер миграционного поведения русских, выдвинулись этнические проблемы. Завершение территориальной экспансии русских в регионе было обусловлено ухудшением их демографических показателей, проявившихся в более глубокой депопуляции, в деформации возрастной структуры населения в сравнении с русскими регионами страны и в целом с нарастающим недостатком демографических ресурсов этого населения; возникновением и ростом потоков вынужденных мигрантов; изменением социально-правового статуса этого народа в республиках; изменились и факторы, механизмы, определяющие условия проживания русских.

Республики Северного Кавказа – один из самых сложных и проблемных ареалов расселения русских в России, где стали привычными различные формы экстремизма и сепаратизма, где в открытой или латентной форме развиваются межэтнические конфликты. Эволюция расселения русских в республиках региона прошла несколько этапов.

1. На начальном этапе она сопровождалась их расселением, как правило, в административных, столичных и индустриальных центрах. Среди сельских районов выделялись только так называемые «старорусские» районы, волевым образом включенные в состав республик. 2. Характерными чертами следующего этапа явилось снижение темпов прироста численности русских, сокращение их удельного веса в составе городского населения республик и ускоренный отток из сельской местности. Значительно более позднее вовлечение титульных народов в урбанизационный процесс в ус-

ловиях расширенного демографического воспроизводства сопровождалось их активным расселением в сельской местности, в том числе и за счет «выдавливания» и замещения проживающего там русского населения.

3. Третий этап характеризуется устойчивым сокращением абсолютных и относительных показателей русских не только в сельской, но и городской местности. Отток русских, охвативший всю сеть поселений и особенно города, в том числе и столичные, стал происходить в условиях не только глубокого экономического кризиса, но и отсутствия эффективной национальной политики на Кавказе, высокой межэтнической напряженности, активно распространяющейся ксенофобии и фактической гражданской незащищенности русского и русскоязычного населения. Это привело к сокращению численности русских в национально-территориальных образованиях Северного Кавказа.

У титульных народов национальных образований Северного Кавказа этнодемографические процессы имели свои особенности. Массовая эмиграция многих народов Северного Кавказа в период и по окончании Кавказской войны, в сочетании с активным расселением в районе славянских этносов и иммигрантов ряда народов, изменили этническую структуру населения района и повлияли на характер расселения титульных народов национальных образований. Эмиграция сократила демографические ресурсы титульных народов и сказалась на темпах их воспроизводства. В этнической структуре населения района в пореформенный период (время активной эмиграции горцев) доля активно эмигрировавших народов сокращалась (особенно адыги, в меньшей степени ногайцы, карачаевцы, чеченцы), доля других, среди которых эмиграция не получила массового распространения (осетины, кабардинцы и др.), росла. На характере динамики численности и доли отдельных народов сказывался и низкий уровень воспроизводства населения (даргинцы, табасаранцы).

Важным фактором динамики расселения народов и этнической структуры населения районов их расселения явилось переселение с гор на равнину в ходе земельной реформы. Быстрый рост демографического потенциала горных районов в сочетании с хроническим малоземельем наряду с периодическим переселением их с гор на равнину сопровождался нарастающими масштабами миграции в города. В 1930–1950-е годы высокие темпы прироста численности городских жителей отмечались у даргинцев, кабардинцев, аварцев. В этот период города автономий начинали при-

обретать кавказские черты. Интенсивное «освоение» городов титульными народами способствовало активному вовлечению их во все сферы экономики, при этом складывались этнические особенности занятости населения.

1960-е годы – период «демографического взрыва» у титульных народов автономий района, приведшего к устойчивому росту демографического потенциала горных регионов Северного Кавказа и обострению ситуации на рынке труда, катастрофическому нарастанию малоземелья.

Мерами по снижению этих проблем были изменения в расселении титульных народов, которые происходили в трех направлениях: активное участие в урбанистических процессах – переселение в городские поселения автономий; интенсивное расселение в сельской местности республик, в первую очередь в равнинных районах, населенных титульными народами, или в «старорусских» районах, а также отходничество, на первых этапах сменившееся позднее массовым исходом. «Демографический взрыв», охвативший национальные образования региона, и инерция государственной системы в подготовке кадров для национальных районов, которая не учитывала особенности складывающейся социально-демографической ситуации, слабо развивающийся рынок труда и другие факторы усиливали конкуренцию на рынке труда, обостряя сначала социально-экономические, а затем и межэтнические проблемы. Выходом из складывающейся ситуации был массовый отток русского населения из республик, что частично снимало проблему на рынке труда, вызывая целый ряд негативных последствий.

Кроме того, проблема малоземелья вызвала массовый исход ряда народов – даргинцев, чеченцев, карачаевцев и других народов. Они образовали многолюдные диаспоры в равнинном Предкавказье, в других районах России, в странах ближнего зарубежья. Начало формирования некоторых из них положила депортация. В демографическом отношении процесс формирования диаспор прошел несколько этапов, в каждом из которых изменялась роль миграции и естественного движения в формировании населения: на первом этапе основную роль в формировании населения диаспор играла миграция, в последующие годы и в настоящее время – естественное движение. На современном этапе диаспоры чутко реагируют на этнополитические и социально-экономические процессы. Переселение с гор долгое время распространялось на районы проживания титульных народов, а в последние десятилетия

более активно и на «старорусские» районы, меняя в корне этническую структуру населения в них. «Старорусские» районы, будучи долгое время буферной зоной, впитывали в себя избытки демографических ресурсов горных районов. Активное расселение титульных народов, несмотря на вытеснение русских, привело к сокращению возможностей для вселения на плоскости. Поэтому миграционные потоки титульных народов устремились, с одной стороны, в города национальных образований, вытесняя коренные народы, с другой – в соседние регионы Северного Кавказа, ориентируясь первоначально в 1960–1980-е годы преимущественно на сельскую местность, а в настоящее время и на города. Если в прошлом преобладала трудовая миграция, то в настоящее время расселению в регионе северокавказских народов способствует и массовая учебная миграция молодежи в города.

Таким образом, эволюция расселения титульных народов включает следующие этапы: на первом этапе (приходящемся на время Кавказской войны) низкие темпы воспроизводства населения сочетались с локальными миграциями. Результаты войны на втором этапе эволюции расселения титульных народов вызвали массовую эмиграцию и резкое снижение демографического потенциала горских народов, что сочеталось с низким естественным приростом у народов, не охваченных эмиграциями. Ареал расселения ряда горских народов сократился. В этнической структуре этой группы народов катастрофически снизилась доля адыгов в связи с почти полной их эмиграцией. Пореформенный и довоенный период (третий) характеризуется активными внутрорегиональными миграциями в ходе неоднократных земельных реформ. Острота земельной проблемы снижается за счет наделения горцев землей в равнинных районах, в том числе и за счет «расказачивания». Расширение ареала расселения горских народов сочеталось с увеличением показателей воспроизводства населения. 1930–1950-е годы – начало активного расселения титульных народов в городах. Этот процесс усиливался на следующих этапах развития национальных образований района, и у чеченцев, карачаевцев, ингушей и балкарцев был прерван тотальной депортацией. Активное развитие урбанизационных процессов у титульных народов, сопровождавшееся устойчивым ростом их демографического потенциала, сочеталось с сокращением демографических ресурсов у русских и спровоцировало кризис территориальной экспансии последних.

Исследование этнодемографических процессов на Северном Кавказе за последние два столетия позволило выявить важную особенность демографического развития и расселения русских и титульных народов на протяжении этого периода. Со второй половины XIX в. (точнее, с 1880–1890-х годов) по 1980-е годы демографическая ситуация в равнинной части Северного Кавказа и его горной территории поменялась на обратную. В равнинной части высокий уровень естественного прироста, в основном за счет русского населения, снизился до простого и в настоящее время суженного воспроизводства.

В горной части, наоборот, на смену суженному и простому воспроизводству в пореформенное время к 1960-м годам пришло расширенное воспроизводство и отмечался «демографический взрыв». В пределах района сформировались две зоны с различным демографическим потенциалом, при этом у каждой из них были свои проблемы. Интенсивно нарастающий демографический потенциал горных районов обострял проблему малоземелья, увеличивал армию безработных, требовал поиска выхода или через переселение на равнину, или в «свои» города, или через исход народов за пределы основного ареала их расселения. В равнинной части сокращение демографических ресурсов или низкие темпы его роста в сочетании с активной урбанизацией усиливали дефицит трудовых ресурсов, прежде всего в сельском хозяйстве. Выход из создавшегося положения каждой из частей района – горной и равнинной – виделся в активном взаимодействии, взаимодополнении. На этом этапе «инициатива» в демографическом отношении как бы перешла к горным районам, теперь их население активно наступало на трудодефицитные равнинные территории. При этом экспансия русских в национальных образованиях была ориентирована во многом на города, индустриальную сферу экономики, экспансия же титульных народов республик распространялась преимущественно на сельскую местность и аграрную сферу, в настоящее время в города и новые сферы экономики (в том числе бизнес, торговлю, управление), а молодежи – в образование. В условиях рыночной экономики «выдавливание» русских привело к отлучению этого, как и других нетитульных этносов, от участия в реальном секторе экономики.

В равнинной части региона усиливается полиэтничный характер структуры населения и расширяются ареалы, в которых доминирование титульного этноса сменяется его преобладанием за счет активного расселения коренных и некоренных народов. Сме-

на этнической структуре населения городов и районов происходит в условиях сохранения дифференцированного участия этносов в урбанизационных процессах и существенных различий в характере воспроизводства населения. Одни этносы, в частности русские, а также некоренные народы (армяне) ориентируются в расселении преимущественно на города, урбанизированные районы. Другие, в частности северокавказские народы, – не только на сельскую местность и районы с аграрным характером экономики, но и в города. В условиях интенсивных урбанизационных процессов, а также неблагоприятной демографической ситуации у славянского населения, в первую очередь русского, сельская местность на протяжении нескольких последних десятилетий теряла население, рос дефицит трудовых ресурсов, специализации отрасли (животноводство и другие) испытывали недостаток трудовых ресурсов, что создало предпосылки для расселения этносов, ориентированных на занятость в аграрном секторе экономики. Наблюдался процесс замещения (вытеснения) одних этносов (славянских) другими. Особенно рельефно это проявилось в этнической структуре Ставрополя в силу специфики его этнодемографического положения и юго-восточной части Ростовской области.

Анализ миграционных и демографических процессов в начале XXI в. у русских на Ставрополье и Ростовской области позволил выявить следующие черты: во-первых, сокращение ареала с положительным миграционным приростом как за счет сельской местности, так и городов. Во-вторых, обширная зона миграционной убыли русских, охватывая не только сельские районы, но и города, в сочетании с естественной убылью населения примерно с такой же географией, способствует более интенсивной смене этнического состава населения этих территорий за счет роста доли и численности народов Кавказа. В Краснодарском крае дерусификация миграционного прироста выражена слабее.

География миграционного прироста даргинцев, чеченцев в сельские восточные районы Ставрополя и Ростовской области, где они селились в 1970–1980-е годы, расширилась в настоящее время за счет городов и западных районов. Миграция северокавказских народов в регионы равнинного Предкавказья прошла в несколько этапов. Первоначально это была сезонная трудовая миграция, которая сменилась переселением значительного числа даргинцев, чеченцев, карачаевцев в сельскую местность восточных районов края и области для работы в сельском хозяйстве, преимущественно в овцеводстве. В настоящее время районы традицион-

ного расселения на Ставрополье и Ростовской области, в частности даргинцев, являются зоной устойчивого миграционного оттока. Привлекательными стали сельские районы западной части края и области, в том числе и урбанизированные. Кроме того, в настоящее время важной особенностью миграции даргинцев, а также чеченцев, карачаевцев, черкесов является устойчивый рост миграционного потока в города края в связи с образовательной миграцией. Она, как показывает практика, носит не временный характер, и по окончании вузов значительная часть молодежи трудоустраивается в городах края.

В горных районах (республиках) полиэтничность, обусловленная расселением русского населения реже некоренных этносов, постепенно утрачивается и получает развитие полиэтничность за счет совместного проживания титульных этносов республик. В отличие от равнинных территорий региона в республиках расширяются территории с доминированием и преобладанием титульных этносов и сокращаются или исчезают ареалы с доминированием и преобладанием русских.

Таким образом, с момента начала колонизации и по настоящее время в этнической структуре населения Северного Кавказа наблюдались две тенденции: на начальном этапе – «славянизация», а на современном этапе – усиление кавказских черт этнической структуры. В пределах Северного Кавказа наблюдалось устойчивое взаимодействие, взаимодополнение друг друга равнинной и горной частей в хозяйственном, экономическом, а также демографическом отношении. На протяжении почти двухвекового периода две основные этнические группы – славянские народы, прежде всего русские, и титульные народы республик региона – в ходе взаимодействия менялись ролью, местами. На первом этапе ведущим этносом, обеспечившим включение горских народов в российскую экономику, были русские. На современном этапе северокавказские народы, отличаясь высокими темпами прироста демографического потенциала, активно «наступают» на русские территории Предкавказья, что проявляется не только в расширении географии их расселения, но и в активном участии в хозяйственной деятельности.

Для современного периода характерно усиление полиэтничности в равнинном Предкавказье за счет активного расселения титульных народов северокавказских республик и государств Закавказья, а также моноэтничности в национальных образованиях района, которая сочетается с проявлением полиэтничности в неко-

торых районах республик за счет совместного проживания титульных народов национальных образований, обусловленных переселением с гор на равнину или миграцией в города, «выдавливанием» русских из старорусских районов. В основном это территории, относящиеся к числу проблемных. В условиях массового исхода русских из национальных образований региона и стран ближнего зарубежья расселение северокавказских народов в Предкавказье повышает межэтническую напряженность. Отток русских из республик ограничивает возможности быстрого возрождения индустриальной сферы экономики, в которой в прошлом среди занятых преобладало русское население.

Урбанизация в регионе характеризуется четко выраженными этническими особенностями. Города региона являются своего рода «этническими котлами», которые притягивают все новые и новые этносы. Будучи на первых этапах колонизации региона в этническом отношении славянскими, на последующих этапах все больше приобретают кавказские черты, в первую очередь столицы республик, курортные города, а в последние годы и центры краев, области. На современном этапе урбанизации процесс дерусификации столичных городов республик катастрофически нарастает, изменяя этническую структуру, этнокультурную среду городов, образовательно-профессиональный уровень горожан, лишает целые отрасли квалифицированных кадров. Усиление кавказских черт в этническом облике городов республик происходит и за счет миграции титульного населения из сельской местности. Это различные миграционные потоки не только в этническом, но и в социально-демографическом, профессиональном, образовательном отношении, а это не может не сказываться на социально-экономической, культурной жизни городов.

В городах субъектов равнинной части Северного Кавказа, наоборот, усиливается полиэтничность, особенно в курортных городах – Кисловодск, Сочи, Пятигорск, Геленджик, Анапа. В городах республик полиэтничность обеспечивается за счет титульных этносов автономий, в городах равнинной части региона – преимущественно некоренных этносов (в основном армяне) и титульных народов республик Северного Кавказа. Районы массового исхода русских в республиках являются зоной риска для России, угрозой целостности российского государства, индикаторами межэтнической напряженности, свидетельствующими о распространении националистических настроений и действий, экстре-

мизма и других крайних форм проявления межнациональной напряженности.

*«Население Юга России: Трансформации
воспроизводства населения и образа жизни
в новых геополитических условиях»,
Ставрополь, 2009 г., с. 3–14.*

К. Ланда,

политолог (Москва),

С. Алибекова,

кандидат философских наук (Махачкала)

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Прикаспийский регион включает пять стран, расположенных по периметру Каспийского моря: Азербайджан, Россия, Казахстан, Иран и Туркменистан. Как отмечает Аскар Нурша, Прикаспий имеет стратегическое значение для безопасности новых независимых государств Центральной Азии и Кавказа, а также Китая, Турции и стран Южной Азии. Для ведущих стран Запада значение региона как пространства, опоясывающего «срединные земли» Евразии, является стратегическим. Еще в 1990-е годы военные эксперты НАТО прогнозировали в перспективе возможность вступления в Северо-Атлантический альянс Украины и Казахстана, что позволило бы по сути держать Россию в плотном кольце окружения на суше и на море.

В этом регионе сосредоточены крупные запасы углеводородного сырья, разработка которых может вестись в рамках международного сотрудничества. По прогнозам специалистов, общие ресурсы Каспия составляют около 8 млрд. т условного топлива, из которых примерно четвертая часть (2 млрд. т) приходится на долю России. Регион имеет важное «культурно-цивилизационное значение» как буферная зона, в которой соприкасаются мировые религии и культуры. Религиозный и этнический факторы, несомненно, усиливают его уязвимость перед внешним воздействием. Развитие ситуации на Кавказе и в бассейне Каспийского моря (БКМ) показывает, что в отношении России по хорошо спланированному сценарию осуществляются деструктивные действия. Проводится в жизнь программа ослабления влияния России на Кавказе и в БКМ,

а также предпринимаются попытки политического и экономического отторжения этого региона от России.

Мировые запасы нефти и газа вызвали жесткую борьбу между заинтересованными государствами за получение высокой прибыли за счет реализации энергоносителей при транзите их через свои территории, возможность удовлетворения своих топливно-энергетических потребностей и существенное сокращение затрат на импорт. На роль региональных лидеров на Кавказе претендуют Турция, Иран, Саудовская Аравия, опирающиеся на религиозный фактор и существенную материальную, финансовую и военную поддержку стран Запада и США. Заинтересованность иностранных государств в совместном использовании нефтяных запасов не является гарантией стабильности на Кавказе и в БКМ, в том числе гарантией от развязывания военных конфликтов.

Геополитическое сжатие России к границам РФ снова превращает Кавказский регион, прежде всего его южную часть, в поле соперничества/сотрудничества мировых и региональных держав. Современные акценты «Большой игры» на этом поле определяются его расположением на маршрутах транспортировки углеводородного сырья из Каспийского бассейна и перспективами превращения Закавказья в коридор, связывающий Евроатлантику с Центральной Азией, минуя при этом Россию, Иран, Китай или беспокойный Афганистан. Фактор пространства занимает важное место в соперничестве ведущих держав. Нефть не только важный экономический, военно-стратегический, но и огромный политический ресурс. Одной из форм геополитического контроля западных стран над Северным Кавказом в начале 90-х годов прошлого столетия стал этноконфессиональный сепаратизм. После того как на Каспии были обнаружены большие запасы нефти, отмечает А.Г. Гусейнов, сначала запылал Нагорный Карабах, затем Абхазия и Южная Осетия, а следом и весь Северный Кавказ. Безусловно, распад СССР и рыночные реформы, приведшие к кризису во всех сферах общественной жизни, явились причиной ухудшения социально-экономического положения и обострения межэтнических проблем.

Этнические проблемы в территориальном аспекте актуальны и для России. В числе важных трудов по этой проблеме называют работу политического географа Р. Кайзера «География национализма в России и СССР». Р. Кайзер обсуждает роль «территориальной составляющей» в формировании протонаций и национализма нерусских этнических групп в России. Особое обострение

чувства территории и границы, как определяет С. Кара-Мурза, вызывает нынешняя волна глобализации. Во всем комплексе угроз, которые она несет странам, народам и культурам, этнологи выделяют как особый срез этой системы ощущение угрозы самому существованию этносов. Резкое ослабление защитной силы национальных границ несет для народов опасность утраты контроля не только над землей – «почвой», – но и над ее недрами. Идеологи глобализации представляют человечество как конгломерат индивидов, «человеческую пыль». Глобализация открыто декларируется как переход контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руки финансовой элиты мира (доступ к этим ресурсам будет определять «мировой рынок»).

Международный терроризм по природе своей не отличается от политического терроризма внутри отдельного государства: он нацелен на подрыв стабильности общества, разрушение границ и узурпацию территорий. Невооруженным глазом видно, что цели глобализации те же: добиться влияния, власти, богатства и передела собственности ценой общественной или международной безопасности. После террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября Америка взяла курс на силовое проникновение на Кавказ и Центральную Азию. Она развязала войну против режима Талибан в Афганистане и разместила военные базы в Центральной Азии, что положило конец безраздельному господству России в этом регионе. Америка начала переучивать по натовским стандартам азербайджанскую и грузинскую армии.

Многие ученые и политики опасаются, что военное сотрудничество Грузии и Азербайджана с НАТО выходит далеко за рамки натовской программы «Партнерство ради мира», направленной на установление геополитического контроля США и ее союзников на Кавказе. В этой связи Россия может столкнуться с ситуацией, когда у ее южных границ Северо-Атлантический блок НАТО развернет силы быстрого реагирования для борьбы с международным терроризмом с явным прицелом на ввод так называемых «миротворческих сил» в район конфликта. Все это не может не представлять угрозы Северному Кавказу и всем прикаспийским государствам.

Дагестан имеет сотни километров не только сухопутных границ с Азербайджаном, но и морские границы. По территории обеих республик проходят важнейшие транскавказские транспортные и трубопроводные магистрали, а также многоканальные коммуникационные линии. Находясь в точке пересечения интересов

различных держав, Азербайджан вынужден вести выверенную и гибкую внешнюю политику. Постсоветский Азербайджан сумел доказать, что не является слабой и зависимой геополитической субстанцией; он играет ключевую роль на Южном Кавказе и Ближнем Востоке. Это, пожалуй, единственный в СНГ пример государства с успешно диверсифицированной внешней политикой. Действуя по принципу «у нас нет друзей, нет врагов, а есть одни интересы», Баку сумел заставить великих мира сего искать дружбы у малого государства. Азербайджан неизменно подбирал ключи к важным международным игрокам.

Азербайджан, расположенный в Каспийском регионе, являющемся связующим звеном между Южным Кавказом и Центральной Азией, занимает важное место в российской внешней политике. При этом в условиях, когда Россия вовлечена в борьбу с международным исламским терроризмом, ее отношения с политически стабильным светским государством-соседом, занимающим непримиримую позицию по отношению к религиозным экстремистам, чрезвычайно важны. Для российской внутренней политики азербайджанский фактор имеет далеко не меньшее значение, учитывая многочисленность диаспоры.

Вдвойне опасны угрозы, исходящие из государств Южного Кавказа (особенно сопредельных на суше и на море). В соседних с Россией странах создавались (возможно, создаются и ныне) плацдармы и опорные пункты терроризма. Так, в Азербайджане действовала сеть учебных лагерей для детей с преподавателями-арабами: саудовец Мухаммад Салам Абд ал-Хамид, сомалиец Мухаммад Али Хороко, йеменцы Ариф Абдулла, Каид Абд ар-Рахман Хауризиди и др. Помимо преподавательской деятельности, они занимались распространением религиозной литературы, видеокассет и т.д. в Дагестане, Чечне. Азербайджанский плацдарм до сих пор является составной частью «глобальной интифады», утверждал исследователь из Института исламского понимания (Малайзия) Ахмад Фаиз бин Абд ар-Рахман. Значение происшедших на Кавказе событий и их непредсказуемость аргументирует М. Йорданов: «Карабахский конфликт в Азербайджане и абхазский – в Грузии не могли не отразиться на Дагестане, здесь нашли приют беженцы, лечились пострадавшие, через республику возили оружие и валюту, тут укрывались участники боевых действий».

Особое значение в распространении терроризма в республике имеет фактор наличия многокилометровой границы с Чечней, по обе стороны которой проживают тысячи чеченских дагестанцев

и дагестанских чеченцев, связанных между собою многочисленными родственными узами и исторически входивших в состав единого теократического государства и под общим командованием имамов воевавших против Российской империи в течение почти всего XIX в. С начала первой чеченской войны десятки беженцев нашли приют в Дагестане. С учетом особых обстоятельств, особых отношений между республиками, Россия не вводила войска в Чечню с территории Дагестана и не создавала здесь боевые плацдармы для ведения войсковых операций. Тем не менее через три года после прекращения боевых действий на основе Хасавюртовских соглашений чеченские боевики, их дагестанские союзники и иностранные наемники под командованием Басаева и Хаттаба вторглись в Дагестан, и ситуация здесь резко усложнилась ввиду небывалого разгула терроризма. Он проявлялся и в форме исламского экстремизма.

В качестве внешних исламистско-террористических угроз Югу России выступают многочисленные экстремистские неправительственные религиозно-политические организации (НРПО), «благотворительные» фонды, общества и иные структуры ряда государств мусульманского Востока. Наиболее активными спонсорами северокавказских исламистов явились пять стран Персидского залива: Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман, Катар и Бахрейн. Большое количество наемников приходило и из других мусульманских государств, таких как Турция, Пакистан и т.д.

Начиная с середины 1980-х годов наблюдается рост количества террористических актов в РФ. Геополитический контроль на Северном Кавказе устанавливался и через распространение радикального исламского течения ваххабизм. Нельзя не учитывать и то, что на территории Южного федерального округа не прекращаются серьезные террористические акции бандитских формирований сепаратистов и религиозных экстремистов, разрушающие хрупкое равновесие, перечеркивающие усилия федерального центра, местных властей по выводу экономик субъектов из кризисного состояния, переводу их в состояние мирного экономического развития (события в Дагестане в 1999 г., в Северной Осетии в 2004 г., в Ингушетии и Кабардино-Балкарии в 2005 г.). Религиозно-политический экстремизм ваххабитов достиг самой высшей точки развития в период интервенции международных террористических бандгрупп в Дагестан в августе-сентябре 1999 г.

Рассмотрев все теракты, совершенные в Дагестане за последние годы, и закономерности в их осуществлении, М. Йорданов обнаружил, что определенные силы используют террор в качестве средства перераспределения властных функций и собственности. Постсоветская капитализация привела к криминализированному симбиозу власти и денег. Примеров тому в России не сосчитать. Другим фактором терроризма в Дагестане стал религиозный радикализм, усиленный ичкерийским влиянием. Отсюда многочисленные теракты в отношении военнослужащих Российской армии. Проблемы единства, целостности и безопасности России напрямую связаны с ситуацией на Северном Кавказе. Ключевую позицию в регионе занимает Республика Дагестан, имеющая выход к Каспийскому морю и международным коммуникациям, богатая природными ресурсами (две трети российского участка нефтеносного шельфа Каспия). Это осознается большинством трезвомыслящих политиков как в центре, так и на местах.

Контроль над значительной частью мировых энергоресурсов и выгодное стратегическое положение позволяют Ирану активно соперничать с Россией. Иран – единственное государство из пяти прикаспийских, имеющее прямой выход к Индийскому океану, что дает ему преимущества при транспортировке энергоресурсов из Каспия. Подходы Ирана к проблеме безопасности в Каспийской зоне определяются целями его долгосрочной стратегии в регионе – поисками новых рынков сбыта своих товаров, а также приложения капитала в обход проводимой США политике международной изоляции, использованием своего выгодного географического положения для того, чтобы направить коммуникации, нефтегазовые и транспортные потоки через свою территорию. В политике в отношении государств региона Иран учитывает степень их включенности в недружественные ему блоки, партнерские отношения и союзы.

Иран настаивает на разделе моря по принципу равных долей (20% каждому). При таком раскладе национальный сектор Ирана становился бы больше, нежели граница, которая пройдет в случае раздела по срединной линии. Это, безусловно, породило бы новые проблемы, например ограничение свободы судоходства. К слову, США и Турция уже ставили вопрос о направлении на Каспий судов третьих стран с правом контролировать российские грузы, направляющиеся в Иран. По мнению иранских официальных лиц, российско-казахско-азербайджанские договоренности относительно раздела Каспия противоречат существующим юридическим до-

кументам, регламентирующим статус этого моря. Иран выступает за прокладку нескольких экспортных трубопроводов, по которым потечет ранняя и большая нефть. Помимо отложенного «иранского маршрута» прокачки нефти, Иран лоббирует и ряд других проектов, в частности газопровод из Ирана в Армению. Очевидно, что цель Ирана – обеспечить долю в каспийских нефтяных и газовых ресурсах, стать главной транзитной страной. Для ее достижения Иран демонстрирует высокий уровень прагматизма. Именно поэтому Иран, как и Россия, заинтересован в экономической и политической стабильности в этом регионе.

Из Центральноазиатских государств с Россией граничит только Казахстан. Особая пограничная проблема между Россией и ее южными соседями – Казахстаном и Азербайджаном – связана с разделом континентального шельфа Каспийского моря. Главным оппонентом России стал Азербайджан, который настаивает на полном разделе Каспия между прибрежными государствами с предоставлением им права распоряжаться по своему усмотрению полученными ресурсами. Казахстан постепенно занял позицию, более близкую азербайджанской, согласившись лишь не распространять исключительное право пользования на водное пространство (т.е. разделить только дно моря). Отсутствие единого подхода к проблеме статуса этого континентального озера-моря привело к тому, что сначала Казахстан в 1993 г. создал консорциум «Казахстанкаспийшельф» для разведки своего шельфа Каспийского моря, в котором приняли участие крупнейшие западные компании, а затем Россия устроила международный тендер на участки каспийских акваторий, которые Казахстан считает своими. В этой связи между двумя странами в 1997 г. вспыхнул первый территориальный конфликт, который лишь на время приглушен после достигнутого в январе 1998 г. свободного соглашения отложить установление границ тендерных участков до определения линии прохождения государственной границы и общих принципов раздела шельфа Каспийского моря.

Ссылаясь на свой нейтральный статус, официально признанный ООН, Туркменистан не спешит оформлять какие бы то ни было юридические договоренности по Каспию. Кроме того, туркменское руководство вообще считает преждевременным соглашаться с планом раздела Каспия, к которому склоняются Россия, Азербайджан и Казахстан, до прояснения отношений с Азербайджаном относительно принадлежности спорных нефтяных месторождений, на которые претендуют одновременно несколько прикаспийских

государств. Туркменистан в целом солидаризуется с Ираном, который возражает против любых форм деятельности иностранных компаний на спорных месторождениях, а также их освоения в одностороннем порядке. Несговорчивость Ашхабада и Тегерана в определении правового статуса Каспия объясняется тем, подчеркивает И.П. Добаев, что, в отличие от Казахстана и Азербайджана, ни Туркменистану с его ничтожными запасами нефти в Каспийском море, ни Ирану с его громадными нефтяными владениями в Заливе нет смысла торопиться с решением этого вопроса. Именно поэтому они выбрали тактику затягивания, при которой они ничего не теряют, но полагают, что это может принести свои плоды.

Вместе с тем внутрикаспийские противоречия в районах добычи нефти и газа создают серьезные вызовы и риски безопасности; остается нестабильной ситуация и на маршрутах транспортировки энергоносителей. Очевидно, что компромисс в вопросе о разграничении на Каспии труднодостижим, особенно в сфере использования ресурсов водоема. Об этом свидетельствует экономическое и политическое соперничество, разворачивающееся из-за контроля над нефтеносными районами Каспия. Согласно экспертным оценкам, споры из-за месторождений еще долго будут отвлекать межгосударственные отношения на Каспии. Основная проблема заключается в том, что их решение напрямую зависит от определения правового статуса Каспия и заключения между всеми пятью региональными игроками всеобъемлющего международного соглашения, что в ближайшей перспективе представляется маловероятным.

Россия раньше других на собственном опыте осознала, что серьезная угроза ее национальной безопасности и территориальной целостности исходит от международных радикальных исламистских и националистических террористических группировок, пытающихся укрепить свои позиции в регионах компактного проживания мусульман. Исламистский терроризм ставит ряд серьезных проблем перед всеми государствами, даже не подвергшимися напрямую атаке террористов. Прежде всего исламисты активно используют мусульманские общины, проживающие в немусульманских странах, не только для сбора финансовых средств и вербовки наемников, но и для непосредственного исполнения терактов. Эта проблема становится тем более значительной, если учесть, как велико число беженцев из мусульманских стран, обосновавшихся на Западе, серьезность ее уже ощутили на себе такие страны, как Германия, Нидерланды, Франция и Соединенное Ко-

ролевство. Кроме того, многочисленные представители мусульманских общин, причастных к финансированию терроризма, тесно связаны с легальным бизнесом в данных странах, и любые меры в отношении них могут быть затруднительны как по юридическим, так и по политическим основаниям.

Угрозы и вызовы могут зависеть:

– от расширения сферы активизации экстремистских групп за счет Каспийского региона, т.е. использования терроризма как нового инструмента каспийской геополитики. От взаимоотношений прикаспийских государств и третьих стран. В первую очередь, речь идет об отношениях между США и Ираном, которые балансируют на грани серьезного политического конфликта;

– от политических процессов внутри прикаспийских государств, так как внутренняя нестабильность будет отражаться на каспийской обстановке;

– от общего мирового потребления нефти;

– определенные опасения у пессимистов вызывает возможное изменение баланса военно-политических сил на Каспии, связанное с активизацией Китая, что также может спровоцировать новые межгосударственные трения. Как и Персидский залив, Каспийский регион начинает приобретать явные признаки милитаризации, которые являются логическим продолжением все более тесного переплетения геополитики с геоэкономикой. Сейчас практически все прикаспийские государства начали активно увеличивать свое военное присутствие на Каспии;

– к числу одной из причин милитаризации Каспия можно отнести и безрезультативность переговоров по правовому статусу Каспия на фоне начала активных разработок нефтегазовых месторождений на Севере Каспия со стороны России и Казахстана. Военное усиление этих государств, а также Азербайджана имеет своей целью обезопасить работу своих и иностранных нефтегазовых компаний в условиях существующих трений между прикаспийскими государствами.

Другой существенной причиной милитаризации Каспийского региона является также вполне реальная угроза экстремистской деятельности в зоне активных нефтяных разработок Азербайджана, Казахстана и России. С точки зрения любой террористической организации, диверсии в районе Каспийского моря могут привести к достаточно серьезным последствиям:

1) спровоцировать межгосударственные столкновения, особенно если диверсии будут осуществлены на спорных нефтегазовых месторождениях;

2) ударить по экономической безопасности некоторых государств, чей бюджет зависит от экспорта каспийской нефти;

3) ухудшить инвестиционный климат, что также нанесет удар, в первую очередь, по экономике Казахстана и Азербайджана;

4) террористические акты, как, например, взрывы действующих нефтепроводов или танкеров могут вызвать серьезные экологические проблемы, которые также способны привести к межгосударственным трениям.

По мнению И.П. Добаева, современное террористическое движение, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, заключается в сращивании на основе идеологии радикального исламизма религиозного, этнического и криминального видов терроризма, местные группировки которых поддерживаются международными террористическими структурами, что требует внесения корректив в российскую политику на Северном Кавказе. Совершенно недопустимо сводить борьбу с терроризмом лишь к силовой составляющей. Сузить социальную базу поддержки террористов и сепаратистов можно лишь путем нейтрализации «ключевых» факторов, способствующих активизации терроризма. Кроме того, как свидетельствует опыт многих стран мира, необходимо совершенствовать антитеррористическое законодательство и его правоприменение, усиливать деятельность спецслужб на этом направлении, бороться с финансовой подпиткой терроризма, а также активно осуществлять агитационно-пропагандистскую и разъяснительную работу.

Однако и этого окажется недостаточно, если в России не удастся снизить уровень коррупции до приемлемого по мировым меркам уровня, преодолеть системный кризис, сделать привлекательными для большинства граждан осуществляемые реформы. В политике России на Каспии начиная со второй половины 90-х годов просматриваются определенные позитивные сдвиги и тенденции, свидетельствующие о растущем прагматизме российской дипломатии и учете ею новых геополитических реалий. Активность России в Каспийском регионе не связывается, как в советские времена, преимущественно со стремлением противостоять Западу или региональным центрам силы. Российская дипломатия, как политическая, так и энергетическая, старается учитывать стратегические приоритеты государства. Главные же задачи России заклю-

чаются в сохранении контроля над энергетическими ресурсами региона и решении вопроса о территориальном разделе Каспия. Не меньшее значение придается задаче продвижения интересов отечественных производителей и энергетических компаний, несмотря на то, что подходы последних к ряду проблем (статус Каспия, маршруты прокладки трубопроводов и др.) нередко расходятся с курсом, проводимым внешнеполитическими и военными ведомствами. Очевидно, что перед российской дипломатией стоит достаточно сложная задача: она должна скоординировать, свести к единому знаменателю свою каспийскую политику, но таким образом, чтобы можно было учесть различные интересы, в том числе и интересы российских компаний, участвующих в освоении нефтегазовых ресурсов Каспия.

С учетом масштаба угроз, связанных с распространением экстремизма и терроризма, государством должны осуществляться меры как законодательного, так и правоприменительного характера. Особое внимание следует обращать на те общественные объединения и религиозные организации, деятельность которых противоречит уставным целям и задачам, направлена на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности государства, подрыв внутренней безопасности страны, усиление сепаратизма, создание незаконных вооруженных формирований, разжигание национальной и религиозной вражды.

«Северный Кавказ в современной геополитике России», Махачкала, 2009 г., с. 331–343.

И. Бубнова,

политолог

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ

Кардинальные перемены в мировом развитии, произошедшие в начале 90-х годов XX в., серьезно изменили геополитическую структуру и карту мира в целом. В настоящий период геополитическая глобализация характеризуется концом биполярного мира, сломом привычной оси Запад – Восток, а также конструкции Север – Юг. Модель нового мироустройства становится все более многоплановой и динамичной. Новые реалии уже не приемлют подхода, в соответствии с которым регионы обозначались как

«центральные» и «периферийные», «важные» и «второстепенные». Все эти трансформации системы международных отношений в постбиполярный период не могли не отразиться и на расстановке сил в рамках Центрально-Азиатского региона, страны которого обрели независимость вследствие развала СССР в 1991 г.

Результаты этих международных политических процессов прежде всего привели к тому, что в отличие от периода «холодной войны» определяющую роль в развитии стран Центральной Азии стали играть именно мировые геополитические факторы, и прежде всего фактор борьбы за ресурсы. И в этой связи наличие в данном регионе достаточно больших запасов углеводородного сырья, месторождений нефти и газа мирового значения, а также других видов полезных ископаемых создали предпосылки для превращения Центрально-Азиатского региона к началу XXI в. в один из ключевых узлов мировой политики и одновременно в «яблоко раздора» между ведущими мировыми державами – США, ЕС, Россией, Китаем, Ираном и Индией.

Кроме того, в конце 1990-х – начале 2000-х годов Центральная Азия претерпела также формирование и принципиально новой внутрорегиональной геополитической ситуации. Страны региона, оказавшись фактически на переднем крае официально объявленной США и их союзниками по НАТО войны против международного терроризма, а также противодействуя распространению таких транснациональных угроз, как религиозный экстремизм, наркобизнес, трансграничная организованная преступность, незаконная миграция заняли в итоге важное положение в формирующейся новой системе международных отношений как регионального, так и трансрегионального уровней.

Таким образом, в широком стратегическом контексте новая геополитическая ситуация в Центральной Азии характеризуется следующими моментами.

Во-первых, необходимость принятия мировым сообществом действенных и решительных мер по устранению угрозы международного терроризма, исходящей из Афганистана, естественным образом привела к началу 2000-х годов к активному присутствию Запада в регионе Центральной Азии.

Во-вторых, сегодня мы также наблюдаем проявление долгосрочной американской политики в регионе Центральной и Южной Азии, определяемой интересами национальной безопасности США в XXI в.

В-третьих, в регионе, как результат обозначенных выше процессов, а также вследствие значительного ослабления воздействия внешних угроз, ранее исходивших из Афганистана, начинают формироваться уникальные возможности для комплексного развития и модернизации Центральной Азии при действенной поддержке мирового сообщества.

Особую актуальность в системе региональных межгосударственных отношений приобретает в первую очередь политика стран региона в отношении основных мировых центров силы. Применительно к странам Центрально-Азиатского региона такими ведущими «центрами силы» являются США, а также еще два государства – Китай и Россия. И взаимоотношения с этими двумя великими державами, находящимися в непосредственной близости к региону и чьи интересы в Центральной Азии вполне очевидны, представляют в изменившихся геополитических условиях для центральноазиатских государств первоочередной интерес.

Все эти новые геополитические реалии, сложившиеся в Центральной Азии, естественно, не могли не актуализировать отношения России со странами региона в конце 1990 – начале 2000-х годов. Важнейшую роль в этом сыграли не только особенности геополитической ситуации на международной арене, сформировавшейся к началу XXI в., но и то, что народы РФ и страны Центральной Азии имели общность истории, связанную с достаточно длительным периодом совместного проживания в рамках бывшего СССР, а также сохраняющиеся общие хозяйственно-экономические связи. Например, указанные постсоветские государства соединены системой магистральных трубопроводов, построенных еще в годы существования Советского Союза, что является хорошей инфраструктурной основой для экономического взаимодействия этих стран в энергетической сфере. Кроме того, Россия активно стала участвовать в поддержании региональной стабильности, осуществляя, например, миротворческую функцию в Таджикистане.

При этом внешнеполитический курс России по отношению к странам региона в 2000-е годы стал отличаться ярко выраженным прагматизмом. Руководство РФ прекрасно осознает, что в обозримом будущем восстановление и укрепление российского присутствия в регионе, а также нейтрализация развивающихся здесь неблагоприятных для российских интересов политических и экономических тенденций возможны будут лишь в результате целенаправленной, последовательной и скоординированной политиче-

ской линии. И кроме того, динамичного и гибкого балансирования в рамках реального расклада сил в регионе с учетом резко уменьшившихся возможностей России. Особенно это касается развития ситуации в Центральной Азии в военно-политическом аспекте, ибо существующее американское военное присутствие в регионе в политическом плане будет, на наш взгляд, достаточно длительным.

Следует также отметить, что при этом Центральная Азия имеет для России не только важное геополитическое, но и геоэкономическое значение. Контроль за богатым энергоресурсами регионом, как уже отмечалось, может стать главным козырем в борьбе мировых держав уже в обозримом будущем. В связи с тем, что западные страны и их финансово-экономические организации активно пытаются укрепить свои позиции в странах региона и вытеснить российское влияние, а также усиление центробежных тенденций внутри стран Центральной Азии вынуждают Москву активизировать отношения со странами. Прекрасно понимая складывающуюся геополитическую ситуацию в регионе, российское руководство основной акцент в своей политике в начале 2000-х годов сделало прежде всего на развитие двусторонних, взаимовыгодных отношений с центральноазиатскими странами на основе здорового политического и экономического прагматизма, создавая взаимовыгодный климат. Москва исходит из того, что необходимо искать решения, которые учитывали бы интересы всех участвующих сторон.

В то же время взаимоотношения России и государств Центральной Азии при всех преимуществах содержат также и серьезные проблемы. Причем главным фактором, который порождает эти противоречия между центральноазиатскими государствами и Москвой, является стремление этих стран в рамках взаимоотношений с РФ прежде всего обеспечить собственные национальный суверенитет и интересы, а также государственную безопасность. В свою очередь, для России главная трудность в налаживании тесных партнерских отношений с центральноазиатскими государствами состоит в стремлении сохранить свои стратегические интересы в Центральной Азии, с одной стороны, а также в необходимости минимизировать финансовую и политическую цену этой политики – с другой. В начале 2000-х годов Москва, решая данную проблему, попыталась сформировать в первую очередь новую систему экономических связей со странами Центральной Азии, направленную на усиление российского экономического присутствия посредством повышения централизации внешнеэкономических связей. Примером может служить инициатива

В. Путина по созданию Евразийского альянса производителей газа, в который могли бы войти Россия, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан.

Таким образом, базовым принципом центральноазиатской политики России стало фактически стремление к обеспечению региональной стабильности во всех ее измерениях: политическом, экономическом, гуманитарном, военном. И «превращение» на такого рода геополитической и геоэкономической основе стран Центральной Азии в политически и экономически устойчивые государства, проводящие дружественную политику по отношению к Москве.

*«Нижегородский журнал международных исследований»,
Н. Новгород, 2009 г., осень-зима, с. 149–152.*

Салтанат Ермаханова,

кандидат социологических наук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Вопрос о социокультурных особенностях казахстанцев является предметом дискуссий казахстанских ученых и исследователей. На этот счет у ученых не существует однозначного взгляда. Многие казахстанские ученые и исследователи обращают внимание на проблемы культуры, ментальности, языка, прежде всего казахов, как государствообразующей нации и пытаются найти в историческом прошлом Казахстана культурные особенности, отвечающие современным представлениям демократии и рынка.

Некоторые считают, что в Казахстане уже утвердились рыночные методы экономического хозяйствования, появился национальный капитал, расширяется предпринимательский класс и многое другое. Это формирует соответствующее общественное сознание, благодаря которому в Казахстане уже начал изживаться государственный патернализм, а на смену ему приходит достаточно зрелая предприимчивость. Рыночное сознание овладело умами практически всего работоспособного населения, что способствует подъему уровня жизненных запросов и социальных стандартов казахстанцев.

Преодоление патерналистских настроений у казахстанцев, отмечает и Н.А. Назарбаев. Он полагает, что казахстанцы уже смогли избавиться от устаревших стереотипов поведения. Одновременно он считает неприемлемым абсолютизировать роль неф-

тедолларов в развитии экономики страны, поскольку такой подход способен отбросить страну назад. Люди должны научиться жить и работать так, как будто нет доходов от нефти. Успех человека он связывает с накоплением человеческого капитала. Что касается Национального фонда, то он был создан в целях сбережения накоплений для будущих поколений и в качестве резерва для кризисных ситуаций. Государство должно заботиться только о тех, кто в силу возраста или состояния здоровья не может работать и самостоятельно получать доходы. «Это основной принцип наших реформ», – отмечает Н.А. Назарбаев. Казахский социолог М.С. Аженов также отмечает сильное влияние рынка на изменение образа жизни казахстанского народа, на психологию, быт, уклад и стиль жизни.

Под натиском общественных перемен в социокультурных практиках и сознании населения неизбежно появляются новые характерологические признаки. С.Б. Алимова полагает, что культуру казахстанского общества в настоящее время отличают фрагментарность, мозаичность, присутствие разнообразных, разноплановых, иногда и диаметрально противоположных ценностей, установок и ориентаций социальных групп. Вербальный выбор в пользу модернизационных ценностей не всегда сопровождается соответствующими изменениями в сознании и поведении людей. Активная жизненная позиция, постулируемая модернистской культурой, затушевывается и в значительной степени «гасится» старыми стереотипами. Нередко модернистские и традиционные установки и ценности относительно бесконфликтно сосуществуют не только на уровне социальной группы, но и в контексте одной личности. Формируется так называемое «гибридное сознание». Эта вполне понятная двойственность определяет сознание и поведение большинства казахстанцев. Российский социолог Л.В. Корель называет подобный феномен рассогласования сознания и поведения адаптивной асимметрией, когда люди вынуждены в «пожарном режиме» менять сложившиеся стереотипы поведения на «рыночные» (уходить в фермеры, предприниматели, «челноки», заниматься перепродажей и пр.), а сознание продолжает оставаться прежним.

По мнению казахстанского философа А.Н. Нысанбаева, казахскому народу присущи следующие качества: свободолюбие, проявлявшееся в незакабаленности деспотическими устоями, сравнительной свободе и равенстве женщин, уважительном отношении к личности и отсутствии раболепного поклонения власти; установка на компромисс как одна из базисных категорий в мента-

литете, связанная с кочевым прошлым казахов. При этом он отмечает особую роль тенгрианства как религиозной концепции, которая проповедовала гармонию и призывала к взаимопроникновению, взаимодействию противостоящих сторон. Кочевники перенесли эту установку на систему социальных отношений. Позднее ислам закрепил его как систему политических ритуалов, как форму иерархического подчинения и рычага политического давления. Именно в период развития ислама, его масштабного проникновения во все сферы общественной жизни компромисс стал составляющей частью политической культуры казахов. Этому способствовала также присущая казахам вера в предначертанность судьбы, в незыблемость устоявшихся традиций и законов природы. Уступчивость и компромисс у казахов означали нечто большее, чем просто соглашение на основе взаимных уступок. Принцип компромисса как категория равновесия и стабильности проник в политическую сферу казахского общества. Данный принцип есть сумма формальных, на первый взгляд, ритуалов и условностей, составляющих предпосылки для гармоничного развития всего общества. Принцип компромисса блокирует резкие политические маневры и принуждает участников политического процесса к послушанию и примирению. Этот принцип иногда выступает как стабилизатор общественно-политических отношений, как механизм балансирования в деятельности политической системы.

А.Н. Нысанбаев и О.В. Нечипоренко полагают, что модернизационные изменения в постсоветских обществах протекают нелинейно, с разной скоростью и являются крайне противоречивыми. Согласно их мнению, социальные практики, вырабатываемые этими обществами в ответ на вызовы «извне», состоят из следующих разнородных компонент: архаичные структуры традиционного типа, т.е. той самой традиции, оппозицией которой выступают разворачивающиеся процессы модернизации; промежуточные структуры, сформированные в советский период; переходные структуры, создаваемые современным этапом модернизации.

Как отмечает Н.А. Назарбаев, «менталитет казахстанцев сформирован несколькими поколениями людей, которые воспитывались в духе коммунистических принципов. Некоторые с энтузиазмом воспользовались недавними изменениями, но очень многие – нет. На людей влияют субъективные и объективные факторы, они медленно привыкают к происходящим переменам, по-прежнему ожидая помощи государства в решении своих проблем. Такие философия и взгляд на вещи мешают им справляться с новыми труд-

ностями, лишают энергии и желания действовать самим. Не секрет, что многие чиновники еще не понимают, что новая роль государства заключается теперь не в том, чтобы принимать решения за людей. Напротив, она состоит прежде всего в формировании условий, в которых свободные граждане и частный сектор смогут предпринять эффективные меры для себя и своих семей. Мы должны терпеливо трансформировать массовое сознание, опираясь при этом на молодое поколение, которое лучше адаптировалось к новой системе ценностей, имеет новый взгляд на будущее. Государству не под силу изменить человеческие мысли в одночасье. Но государство способно ускорить процесс перемен путем разъяснения объективных тенденций, доведения важной информации до населения и, самое главное, путем реализации социально-экономической политики, направленной на самодостаточность. Потребуется десятилетия, пока у людей возникнет новое мировоззрение».

В целом можно заметить, что развитие общественной мысли в постсоветском Казахстане повторяет основные положения, характерные для теорий модернизации. Как в научной мысли, так и в публицистике и массовом сознании агрессивная вестернизаторская критика собственной культуры постепенно сменяется признанием ее высокой значимости для бесконфликтного развития общества. Как известно, сегодня Казахстан претворяет в жизнь политическую модернизацию, одним из важных шагов которой является переход к президентско-парламентской форме правления, тем самым расширяя полномочия Парламента. Вместе с тем были приняты изменения, дающие первому президенту преимущество – участвовать в президентских выборах и после окончания текущего президентского срока. Отклонения от принципов демократии обосновывают тем, что Казахстан идет своим собственным путем развития, выступает против форсированного внедрения демократии, тем более извне.

Модернизационные процессы на постсоветском пространстве имеют схожие характерные особенности, обусловленные общим историческим прошлым (дореволюционный и советский периоды), что не могло не сказаться на формировании близких черт национальной идентичности, социокультурной интенции и менталитета народов, его населяющих.

«Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп: Социокультурный аспект», Новосибирск, 2009 г., с. 85–98.

Ч. Койчуманова,
кандидат исторических наук
Института истории НАН Киргизской Республики
**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В КИРГИЗСТАНЕ**

Многопартийность в Киргизстане не имеет таких глубоких корней, как в развитых демократических государствах, и именно поэтому ее становление столь сложно и противоречиво. Несостоятельность и неразвитость партий в Киргизстане объясняется отсутствием многолетнего опыта многопартийности, присущего западным странам. Корни многопартийности в республике относятся ко второй половине 80-х годов XX в., а ее развитие стало возможным в результате изменений, наступивших после Пленума ЦК КПСС 1985 г. Уже в 1987–1990 гг. на политическую авансцену стали один за другим выходить такие политические формирования, как дискуссионный клуб «Демос», политические клубы «Современник», «Поиск», позднее – «Ассоциация избирателей Киргизстана», общество «Мемориал», ядром которого стали активисты вышеназванного клуба «Демос».

Важным фактором усиления и организационного оформления национально-демократического движения в Киргизстане стало обострение жилищной и земельной проблемы, особенно в городах Бишкек и Ош. С весны 1989 г. быстрыми темпами стало нарастать киргизское национальное движение. Жилищные проблемы подтолкнули киргизскую молодежь летом того же года к самовольному захвату земельных участков и строительству домов. Резкое противостояние между властью и молодежью разрешилось в пользу последней. Это победа успокоила сложную обстановку, но в то же время вдохновила молодежь на дальнейшую политическую активность. Для решения проблемы, связанной со строительством домов на новых выделенных участках, молодежь объединилась и создала организацию «Ашар», которая сыграла большую роль в формировании многопартийности в Киргизстане. За короткое время с экономических проблем она стала переключаться на политические.

Весной 1990 г., по примеру молодежи Бишкека, ошская, поставившая своей целью получение земельных участков, создала объединение «Ош аймагы», добившаяся выделения участков в Ошской области под строительство жилья. Вскоре организации «Ашар» и «Ош аймагы» политизировались и поставили себе такие

задачи, как возрождение национальной экономики, культуры, языка, заложив тем самым основы формирования демократических политических структур.

В 1990 г. во Фрунзе состоялись митинги молодежи в связи с распространившимися слухами о прибытии армянских беженцев и предоставлении им квартир. Эти выступления и положили начало образованию новых политических структур. В марте-апреле того же года возникли такие объединения национально-демократического движения, как «Асаба» и «Атуулдук демилге» (Гражданская инициатива), которые впоследствии вместе с «Ашар» составили ядро образованного в мае 1990 г. общереспубликанского объединения – Демократическое движение Киргизстан (ДДК). За короткое время оно осуществило ряд акций, привлечших внимание общественности, продемонстрировав тем самым умение организовать сторонников и мобильно реагировать на актуальные политические задачи. ДДК с самого начала встало на антикоммунистические позиции. В его программе подчеркивалось, что под знаменем пропаганды интернационализма, слияния наций проводилась политика русификации киргизского народа. Коммунистическая партия, основываясь на таких идеологических постулатах, как централизованное плановое хозяйство, однопартийная система, диктатура пролетариата, общественная собственность на средства производства, привела к накоплению острых кризисных ситуаций в экономике, в межнациональных отношениях и социальной сфере. Проявлением этого кризиса в Киргизстане явилась ошская трагедия, в клубке которой соединились экономические и межнациональные противоречия. Наряду с этим ДДК заявило об экономическом и культурном ущемлении интересов коренной национальности со стороны государственных органов и поэтому в качестве основных своих задач выдвинуло создание независимого, суверенного государства, демократизацию киргизского общества, возрождение киргизского народа, введение президентского правления, борьбу за свободу слова и печати, принятие новой Конституции на основе всенародного референдума, обновление символики республики, решение пограничных вопросов, возвращение географическим и населенным пунктам исконных исторических названий.

Организация сформировалась на учредительной конференции, состоявшейся в г. Фрунзе 26 мая 1990 г. В ее работе приняло участие около 300 человек, представлявших большинство действовавших в республике самостоятельных общественных группиро-

вок. Социальную базу ДДК составляла студенческая, рабочая и сельская молодежь. В его руководство входили представители творческой, научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Выдвинув себя в качестве противоположности Компартии Киргизстана, ДДК активно использовало тактику силового давления на официальные структуры власти путем политических голодовок, организации пикетов, проведения несанкционированных митингов, в ходе которых выдвигались требования политического характера. Впоследствии ДДК утратило внутренний стержень и не смогло переориентироваться в новых политических условиях. Состоявшийся 9–10 февраля 1991 г. В Бишкеке 1-й съезд ДДК показал, что в движении происходят сложные и неоднозначные процессы. Он выявил разногласия между отдельными объединениями, входящими в ДДК, в частности с «Ашар» и «Асаба». В конечном итоге они привели к тому, что движение развалилось на мелкие политические группы, на базе которых позднее и образовались такие партии, как «Эркин Киргизстан», «Асаба» и «Ата Мекен».

Среди всех киргизстанских партий наиболее мощной и организованной в 90-е годы считалась Партия коммунистов, зарегистрированная 17 сентября 1992 г. Это объясняется тем, что она смогла привлечь в свои ряды многих бывших работников и активных деятелей Коммунистической партии Киргизии, ее поддерживает значительная часть населения (особенно в сельских районах). Главной целью она считает построение демократического государства на подлинно социалистических принципах.

На базе распущенной Компартии Киргизии была создана еще одна партия – Социал-демократическая. Все партии имеют своих представителей в Жогорку Кенеше, но ни одна из них не является правящей, так как не имеет большинства в его палатах, но в отличие от ПКК, партию Социал-демократов считают проправительственной, поскольку она более, чем другая, представлена своими членами и в Законодательном Собрании и в СНП. С появлением партии, а она была зарегистрирована 16 декабря 1994 г., главной ее политической задачей стала борьба за депутатские места в Жогорку Кенеше, участие в формировании правительства и других органов власти с целью реализации своей программы.

Как известно, Киргизстан – аграрная страна, две трети ее населения проживают в сельской местности и прямо или косвенно связаны с земледелием и животноводством, поэтому вполне закономерно появление на политической арене Аграрной партии (АПК). 13 апреля 1994 г. прошла Учредительная конференция

Партии единства Киргизстана. Инициатором ее создания стал Союз производителей и предпринимателей, объединяющий хозяйственных руководителей, ученых, экономистов и бизнесменов.

События, происходившие в этот период в Киргизстане, способствовали созданию новых партий. Так, например, в связи с 1000-летним юбилеем эпоса «Манас» появилась партия духовного возрождения «Манас эл» (народ Манаса).

Все остальные политические партии также выступают за демократию, суверенитет, и их различия проявляются лишь в отношении к наиболее актуальным проблемам. 14 ноября 1994 г. в Министерстве юстиции были зарегистрированы: Демократическая партия женщин Киргизстана, Политическая партия ветеранов войны в Афганистане и участвовавших в других локальных конфликтах, Новый Киргизстан. 12 декабря того же года прошла регистрацию Партия экономического возрождения Киргизской Республики, 27 декабря 1995 г. – Эл партиясы и Партия защиты интересов работников промышленности сельского хозяйства и малообеспеченных семей.

Первые политические партии не находили должного понимания и поддержки со стороны правительства и населения. Отсутствие достоверной, полной информации об их миссии, стратегическом плане привело к тому, что такие организации стали восприниматься правительством как временное явление. Об этом свидетельствует первый закон «Об общественных объединениях», где отсутствовало разграничение между политическими партиями и общественными объединениями, хотя деятельность, миссия, способы, цели этих субъектов политического процесса коренным образом отличаются. Несмотря на активность НПО, кардинальные изменения в обществе происходят благодаря партиям, и именно они являются носителями новой политической власти.

Если говорить об особенностях политических партий в Киргизстане, то их характеризует нечеткая позиция, расплывчатость программ, неконкретность методов реализации поставленных задач и отсутствие определенной социальной базы.

В чем же причина неразвитости партий в Киргизстане? Дело в том, что наше общество не имеет опыта многопартийности. К тому же Киргизстан является преимущественно аграрной страной, две трети его населения живет в сельской местности, а политическое движение развивается интенсивно в странах с развитой индустрией и большим числом городов. Известно, что ментальность

сельских граждан состоит в том, что они менее политизированы. Не менее важной причиной незрелости партий является отсутствие среднего класса. Около 60% нашего населения, по мнению международных экспертов, находится за чертой бедности. Приходится констатировать также и тот факт, что в стране низкая политическая культура, ведь демократия есть не только форма правления – это, в первую очередь, образ жизни. Многопартийность не может быть зрелой без основательного фундамента политической культуры.

*«Историческое пространство»,
М., 2009 г., № 1, с. 201–205.*

Халимахон Хушкадамова,
кандидат социологических наук
**СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ТАДЖИКИСТАНЕ**

В любом обществе брак имеет социальный характер. Когда речь идет о семье, имеются в виду межличностные отношения между супругами, между супругами и детьми. Тенденция и перспективы внутрисемейных взаимоотношений в период изменения отношения людей к ценностям брака, трансформация традиционных форм семьи и брака, появление новых форм семьи – это неполный перечень тем, которые исследуют ныне ученые. Представления о содержании семейных ролей, размывании системы поведенческих норм в сфере брака и семьи меняются. Поэтому изучение новых, реально складывающихся тенденций в этой сфере становится актуальным. Взгляды на брачно-семейное поведение формируются в основном под влиянием национальной культуры, опыта предшествующих поколений и устойчивости традиций.

В период трансформации таджикистанского общества структура семьи претерпела как количественные, так и качественные изменения. Традиционно в Таджикистане преобладала большая расширенная семья, т.е. семья, включавшая более двух поколений. Советское государство, проводя политику улучшения положения женщин, руководствовалось видением женщины как работницы и матери. Были созданы определенные условия для совмещения этих ролей: функционировали детские сады, оплачивались отпуска и т.д. Таджички за годы советской власти добились значительных достижений в разных сферах общественной жизни.

В здравоохранении женщины составляли 83,7% всех работников, в учреждениях культуры – 56,8, в системе образования – 50%. В 1991 г. женщины составляли около 40% рабочей силы. В то же время политика поощрения материнства Советским государством привела к укреплению традиции многодетности, уходящей корнями в глубокую древность.

После 90-х годов эта модель разрушилась. С одной стороны, причиной тому послужила миграция «село–город». Официальная статистика свидетельствует, что с 1990 по 1997 г. по городским поселениям число прибывших на жительство превысило число выбывших, в то время как в сельской местности наблюдалась обратная тенденция. С другой стороны, экономический кризис и трудности переходного периода приводят к тому, что традиционно большие семьи, включающие несколько поколений, распадаются. Создаются нуклеарные семьи из двух поколений. Кроме того, период хаоса, ослабление контроля со стороны соответствующих госструктур, возрождение религиозно-культурных порядков послужили причиной формирования определенной свободы взглядов на брачные отношения и семью. Более 60% семей в Таджикистане создаются без регистрации в органах ЗАГСа. В Согдийской области число зарегистрированных браков в 2000 г. составило 60,2% от уровня 1991 г., в Душанбе – 42,7%, в районах республиканского подчинения – 36,2%, в Горно-Бадахшанской автономной области – 29,4% и в Хатлонской области – 24,8% соответственно от уровня десятилетней давности. Численность населения за тот же период увеличилась на 13,5% и в 2000 г. составила 6,25 млн. человек. По-прежнему играют свадьбы, создают семьи, но без юридического оформления в органах ЗАГСа. Брак освящается по нормам мусульманского права – по шариату. В отличие от «гражданского брака» в России и Европе, где он имеет легальный статус, в Республике Таджикистан такие браки не имеют законной основы.

В советский период брак в Таджикистане тоже скреплялся по религиозному обряду «никох», но без документа, подтверждающего регистрацию брака в органах ЗАГСа, совершать этот обряд было запрещено. По мнению экспертов, несмотря на участие женщин в оплачиваемом труде, на политику уничтожения религиозного уклада и раскрепощения женщины, патриархальный уклад и семейно-родственные связи в Таджикистане не были разрушены. В современном таджикском обществе процент религиозных бракосочетаний, не предполагающих оформление брака в ЗАГСе, достаточно высок.

В республике возрождается традиция раннего замужества, такие браки освящаются традиционно только по обряду «никох». Несовершеннолетних девушек из многодетных семей выдают замуж, и за них предполагается брать «калым». Правоведы толкуют это понятие как выкуп за невесту, уплачиваемый семье девушки. В советские времена эта форма выкупа невесты имела место, но ее автоматически переводили в категорию феодально-байских пережитков. А размер «калыма» все возрастал. Согласно официальной точке зрения «калым» признавался неприемлемым, несовместимым с социалистическим образом жизни, и участвующие в этом акте должны были нести наказание, вплоть до судебного. Автору из опыта работы в молодежной прессе Таджикистана известно, что открыто писать об этом социально-бытовом явлении стали лишь с 1986 г., с начала периода демократизации и гласности общества. Калым существует не во всех районах республики. И ученым, занимающимся вопросами семейно-брачных отношений, нужно это учитывать. По мнению экспертов, причиной возрождения этого социально-бытового явления в современном таджикском обществе становится бедность. Чтобы облегчить материальное положение семьи, поднять других детей, родители сами выбирают мужей дочерям. По данным обследования UNIFEM, в 2006 г. примерно 5% женщин, состоящих в браке, были выданы замуж без их согласия, а в 65% случаев супруга для своей дочери выбирали ее родители.

В современном таджикском обществе, хотя и в нелегальной форме, но существует также полигамия. В советские времена в структуре семьи не произошло особых изменений. Еще в начале прошлого столетия у таджиков, как и у других народов Центральной Азии, была большая патриархальная семья. Полигамия, которая как одна из форм семейно-брачных отношений была обычным явлением в Центральной Азии, после революции была запрещена. Советская власть в рамках борьбы за права и освобождение женщины вела борьбу и с этим социальным феноменом. Автор располагает данными о фактах многоженства, маргинальных формах семьи в некоторых регионах Таджикистана, особенно в сельской местности, которые имели место и до распада Советского Союза. Тогда о них не принято было говорить и тем более писать.

В 1990-е годы в парламенте Таджикистана выдвигались идеи официально разрешить многоженство. В России этот вопрос также обсуждался в связи с тем, что в ряде регионов Северного Кавказа многоженство фактически легализовано. 30% детей рождается вне

брака. Легализовать многоженство в России предлагали Талгат Таджуддин и Рамзан Кадыров.

Анализ содержания публикаций прессы и данные исследований по этой проблеме показывают, что одна из причин этого явления – экономическая зависимость женщин от мужчин. «Вторая жена», «Легко ли быть многоженцем», «Должен стать уроком», «Следы печали, или Трагедия второй жены», «Двоеженство не стыдно», «Двоеженство имеет трагические последствия» – это перечень заголовков публикаций прессы Таджикистана на тему многобрачия. Результаты двух опросов, проведенных в разных районах страны в 2000 и 2001 гг., подтверждают это. На вопрос: «Является ли экономическая зависимость женщин главной причиной распространения многоженства в стране?» (2000) ответили положительно 44,9%, а через год – уже 63,9%. Осознание причин этого явления населением страны можно характеризовать как значительное в сфере отношений мужчин и женщин.

Брачные отношения в республике регламентируются ее Конституцией, семейным (СК), уголовным (УК) и гражданским (ГК), кодексами Республики Таджикистан. Права и обязанности супругов порождает лишь брак, заключенный в ЗАГСе. Статья 170 УК РТ запрещает многоженство, которое определяется как «сожитительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства». Нарушение этой статьи наказывается штрафом до 2000 минимальных окладов или исправительными работами до двух лет, либо ограничением свободы до пяти лет, либо арестом от трех до шести месяцев. Конституция страны запрещает многобрачие. У жен в случаях многоженства нет резона обращаться в суды, потому что суд не может в данном случае решить вопрос об экономической ответственности и обязательствах сторон, так как такие семейные отношения не подкреплены юридическим статусом. Согласно Семейному кодексу Таджикистана (разд. 16, ст. 1, п. 3) «признается брак, заключенный только в государственных органах записи актов гражданского состояния. Брак, заключенный по религиозным обрядам, не имеет правового значения». В 2002 г. к уголовной ответственности за многоженство было привлечено 30 человек, а в 2003 г. – 5672. Эксперты одним из путей этого явления считают трудовую миграцию мужчин, особенно молодых. По оценочным данным, ежегодно только в Россию на заработки приезжают более 700 тыс. трудовых мигрантов. Это в основном мужчины брачного возраста.

Председатель Согдийского управления комиссии по упорядочению традиций, торжеств и обрядов М. Мирпочоева считает, что в обществе «наблюдается явный дисбаланс, женщин гораздо больше, чем мужчин. А поскольку холостых мужчин почти нет, женщины вынуждены по-другому устраивать свою личную жизнь, им ведь тоже хочется родить ребенка, есть и социальные проблемы. И, может, чтобы остановить деградацию общества, нужно узаконить многоженство...» Распространение многоженства в Таджикистане связывают с последствиями гражданской войны, в результате которой погибло 150 тыс. человек, основную часть погибших составили мужчины брачного возраста. В период 1991–1992 гг. свыше 24 тыс. женщин стали вдовами. После гражданского противостояния в Таджикистане 1992–1997 годы осталось много вдов с детьми без средств к существованию. В этот период, чтобы сберечь честь семьи в местах боевых действий родители рано выдавали замуж несовершеннолетних девушек в возрасте 13–15 лет. В послевоенные годы из-за экономических трудностей в стране много молодых мужчин брачного возраста стали выезжать за пределы республики в поисках заработка и там обзаводились семьями. В настоящее время за пределами республики, по неофициальным данным, на заработках находится около 1 млн. граждан Таджикистана, основную часть которых составляют мужчины. Исследователь М. Касимова считает, что это явление начало реанимироваться со второй половины 80-х годов, т.е с началом перестройки.

В новых условиях возрождению этого традиционного института способствовали оживление товарно-денежных отношений в стране, легализация теневой экономики, появление частнопредпринимательской деятельности и в итоге появление новой социальной группы людей, настроенных на гедонистический образ жизни. Любовницы большей частью становились вторыми женами в случае беременности, так как ислам и нормы традиционной морали строго осуждают рождение ребенка вне брака. Вместе с тем безбрачие женщины осуждается обществом. Так, 24-летняя молодая женщина в интервью журналисту рассказала, что она сознательно стала второй женой. «Все мои ровесницы уже имели двоих детей. На меня все окружающие пальцем показывали – “пирдухтар” (старая дева)».

Таджикский исследователь проблемы вторых жен М. Хегай условно разбивает таких женщин на две группы. Первая группа –

это в основном сельские женщины или городские женщины с низким уровнем образования, без собственных доходов, которые разошлись с первым мужем или остались вдовами, иногда с детьми от первого брака. О том, что кто-то имеет несколько жен, знают соседи, родственники. «Один наш сосед имеет трех жен: первая в Гарме, вторая – в Душанбе, а третья – в Москве»... – из беседы со школьницами 9-х классов.

Вторая группа вторых жен – это городские женщины с высоким уровнем образования, разведенные вдовы или никогда не бывшие замужем. Обычно они становятся вторыми женами, чтобы реализовать право на материнство или право на симпатии и любовь к мужчине, который уже женат на другой. Эти отношения отличаются от первых тем, что являются скрытыми от наблюдения родственников; они, как правило, с первыми женами незнакомы, и такие союзы создаются при обоюдном согласии и договоренности.

Относительно идеи полигамии в Исламе существует много предрассудков. Ислам, допуская ограниченную полигамию, отнюдь не поощряет ее. Исследование по многоженству показало, что во многих случаях вторые браки являются тайной для первых жен. Первые жены о вторых узнавали случайно, иногда многие годы спустя. Все опрошенные женщины, независимо от возраста, заявили, что жена должна быть одна. Мужчины, имевшие опыт полигамных семейных союзов, тоже считали, что лучше иметь одну жену, потому что всех трудно обеспечить, жены постоянно скандалят. В таджикистанском обществе сложилась такая ситуация, что религия, в данном случае ислам, служит мужчинам для прикрытия своих манипуляций над женщинами. Газета «Вечерний Душанбе» приводит наиздание мужчинам, которое содержится в священном Коране: «...женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех... А если боитесь, что не будете справедливы, то – на одной».

Традиционно семья занимает особое место в обычаях, обрядах, в вероисповедании таджиков. Данные международного проекта «Пути поколения», посвященного исследованию судеб выпускников средних школ начала 1980-х годов в нескольких регионах Советского Союза, свидетельствуют о сохранении традиционных семей в Таджикистане. Первый и официально оформленный брак сохранился у 35-летних в следующих пропорциях: в Таджикистане – 92,0%, в Белоруссии – 81,6, в России – 72,6%. Создание семьи, согласно исламу, является священным долгом мусульманина. В со-

ветские времена в Таджикистане только 0,5% мужчин и 0,8% женщин в возрасте 50 лет никогда не состояли в браке. То есть если в европейской части некогда единой страны в основном мужчины могли остаться без семьи, то в восточной и южной частях страны, в том числе в Таджикистане, – женщины. По мнению исследователя, причина одна – традиционно право выбора остается за женщиной. Девушку сватают со стороны жениха. Кроме того, по мнению исследователей, образованные девушки в некоторых регионах республики могли остаться без семьи в связи с тем, что предпочтение отдают необразованным или малообразованным невестам. Вместе с тем образованные девушки стремятся реализовать свое право выбора: создают семьи по любви или, выбирая карьеру, остаются без семьи. Количественная характеристика брака и разводов у таджиков в советском периоде показывает положительную динамику: Так, в 1978 г. на 1000 человек населения было заключено 10,2 брака, соответственно 1,5 разводов. В 1984 г. – 10,4 против 1,6. Следовательно, уровень разводов преобладал в городах по сравнению с сельской местностью. Эксперты объясняют данную ситуацию тем, что традиционные семейно-брачные отношения остались устойчивыми в сельской местности Таджикистана.

В современном таджикском обществе возрастает количество разводов. Эта проблема затрагивается и в выступлениях президента страны. Так, на встрече с женским активом он выразил озабоченность увеличением количества разводов среди молодоженов. В 2005 г. было зарегистрировано 2900 разводов, что на 300 больше чем в 2004 г. В 2009 г. количество зарегистрированных разводов составило 5840, это по сравнению с 2008 г. на 500 разводов больше. Преимущественную причину увеличения количества разводов эксперты видят в миграции молодых мужчин.

В сельской местности и моногамные семьи создаются без регистрации в органах ЗАГС. Подтверждением статуса таких семей для сообщества является «никох», тем более что для развода достаточно трижды произнести слово «талок». По мусульманской традиции оно означает развод. «Мигрант уезжает на заработки в Россию. Там встречает кого-то и разводится по телефону с женой. Несмотря на то что государство у нас светское, многие мужчины пользуются религиозными законами... – говорит председатель Комитета по делам семьи Согдийской области М. Сатарова... – это стало для нас серьезной проблемой. Женщина в дальнейшем не может жить в семье мужа, и она должна покинуть дом супруга

практически ни с чем, потому что все имущество, как правило, оформлено на родителей мужа». Этот актуальнейший вопрос беспокоит как правительство, так и гражданское общество. Средства массовой информации, особенно независимые, с целью поддержки женщин, брошенных мужьями, предлагают узаконить «махр». «Махр» – это подарок, который преподносят девушке, женщине со стороны будущего мужа. В случае развода его оставляют жене. Экс-председатель комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Таджикистана, ныне кандидат в депутаты нижней палаты парламента Х. Юсуфи, видит выход из создавшегося положения в узаконении брачного контракта между супругами.

Ранее высказывалась также идея об увеличении возраста замужества девушек. По Семейному кодексу браки разрешены с 17 лет. Но как показывают исследования, участились случаи раннего неофициального замужества девочек в 13–14 лет, особенно в сельской местности. Известны и случаи заключения брачных договоров в стране, но они не получили широкого распространения. Семейный кодекс Республики Таджикистан предусматривает регулирование имущественных прав как на основе законодательства, так и на основе брачного договора. Этими правами могут пользоваться супруги, если брак зарегистрирован официально. Фактические брачные отношения, не оформленные юридически, которые участились в современном таджикском обществе, регулируются Гражданским кодексом Республики Таджикистан. Если брак не зарегистрирован в органах ЗАГСа, муж имеет право усыновить или удочерить детей по собственному желанию. Если этого не происходит, женщина может подавать иск на установление отцовства. Официальное установление отцовства (добровольное или через суд) гарантирует детям право на получение алиментов и другие имущественные права. Исследование проблем многоженства показало, что об этом практически никто из женщин не знал. Таким образом, данный анализ и многочисленные исследования по семейно-брачным отношениям в таджикском обществе показывают, что кризис в этой сфере является результатом низкой правовой культуры как женщин, так и мужчин.

В Республике Таджикистан на взаимоотношения полов в семье и в быту влияет усиление как патриархальных, так и модернизационных тенденций. Мужчины по-прежнему рассматриваются таджикским обществом как «добытчики», однако появились семьи, где доходы жены (24%) по сравнению с доходами мужа в основном одинаковые, а у 19% они даже выше. В большинстве

бедных и малообеспеченных семей, в отличие от семей в обеспеченных домохозяйствах, женщина обладает экономической властью. Она находит механизмы поддержки семьи в условиях недостаточного дохода. Словом, появляются нетрадиционные для таджикостанского общества формы быта и семьи. Часть женщин, несмотря на сложности быта, сумела приспособиться к обстоятельствам, к трудностям и стала играть существенную роль в социально-экономической сфере.

Исследования о пределах и факторах тендерного неравенства в Таджикистане позволяют сделать вывод, что различия в статусе, в возможностях трудоустройства и участия во всех сферах социальной жизни на основании тендера во многом обусловлены обстоятельствами семейной жизни, или точнее, стереотипами общественного мнения об обязанностях жены и мужа, матери и отца. Иначе говоря, мужчина и женщина в семье обладают определенным набором привилегий и властных полномочий, и каждый пытается сохранить свой «тендерный набор». Однако вопрос о том, преуспевают ли они в этом и каким образом этого добиваются, остается открытым не только на макроуровне, но и на уровне семьи.

Соблюдение этих стереотипов ввергает женщину в непосильный, неоплачиваемый домашний труд, включая заботу о многочисленных детях, а также о больных и престарелых членах семьи. Вместе с тем большинство женщин не имеют возможности заниматься исключительно домашним хозяйством, потому что общий стандарт жизни очень низкий. Женщины должны работать по экономическим причинам, как это было в советское время. Ситуация, сложившаяся в стране, в том числе смешение патриархальных и светских традиций, развитие элементов рыночных отношений не могут не повлиять на семейно-брачные отношения. Обостряется поиск гендерной идентичности как внутри, так и вне семьи. Поэтому усилия ученых и практиков в таджикостанском обществе должны быть направлены на достижение гармонии в традиционных и инновационных основах семейной жизни.

Вопросы семейно-брачных отношений в Республике Таджикистан, положение женщин и детей в семьях в последнее время находятся в центре внимания правительства, международных и местных неправительственных организаций, СМИ. Это свидетельствует о серьезности проблемы и только совместными усилиями можно упорядочить эту главную сферу человеческих отношений.

«Социология власти», М., 2010 г., № 3, с. 74–88.

С. Лузянин,
доктор исторических наук
**РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?**

Предваряя основное повествование, видится целесообразным пояснить распространенный термин «классическая Центральная Азия». Само понятие «Центральная Азия» в современной политологии еще не получило унифицированной трактовки. Крупные страны и международные «игроки», имеющие свои политические и экономические интересы по всему миру и/или во многих его регионах (РФ, Китай, США, Евросоюз, Индия и ряд исламских государств), зачастую по-разному определяют пределы Центральной Азии. В мировом политическом и научном обороте присутствует: а) «классическая» Центральная Азия, северо-запад которой лежит на границах СССР/России с Китаем и Монголией, на востоке регион простирается до Большого Хингана, Ордосской излучины реки Хуанхэ и Сино-Тибетских гор в Китае, а на юге доходит до верхнего Инда (север Индии), а также б) «новая» или постсоветская Центральная Азия в составе Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Термин «Центральная Азия» был введен в мировой политический оборот в 1993 г., когда на встрече глав государств, ранее входивших в состав СССР, прозвучало предложение именно так именовать регион в составе указанных пяти стран

Рост влияния Китая в «классической» Центральной Азии очевиден. Для России развитие стратегических отношений с КНР в данном регионе обеспечивает как сегодняшние, так и завтрашние приоритеты и потребности кооперации, поэтому понятен большой интерес РФ к различным механизмам и проектам азиатского сотрудничества, в которых Китай уже имеет прочные позиции и большой опыт. В политическом плане очевидно, что рост влияния КНР не поддерживается США и их союзниками, наоборот, через те или иные структуры они пытаются сдержать этот процесс, используя зачастую не всегда корректные средства. Россия для Китая на азиатских площадках – естественный союзник против роста гегемонизма и диктата одной страны. Взгляды двух стран по проблемам стратегической безопасности в ЦА, кооперации и развития сотрудничества в регионе или близки, или совпадают.

Международно-правовой уровень отношений двух стран, как известно, базируется на фундаментальной базе китайско-

российского сотрудничества, включающей в себя тысячи документов и обеспечиваемой работой десятков межведомственных комиссий и структур. Ключевым для двух стран стало подписание в Москве В.В. Путиным и тогдашним Председателем КНР Цзян Цзэмином Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 16 июля 2001 г. Документ отразил реалии двусторонних отношений – общее стремление РФ и КНР содействовать становлению многополярного мира, эффективно противодействовать международному терроризму, а также разрушительным мировым финансово-экономическим кризисам. Россия определила свое отношение к бурно развивающемуся Китаю как к долговременному стратегическому партнеру. В XXI в. усиливается зависимость Китая от российских энергетических ресурсов и России от китайских инвестиций и технологий, опыта интеграции в мировое хозяйство, умелого сочетания либеральных и государственных подходов в экономике. Была реализована важная задача системного взаимопроникновения двух культур и цивилизаций. В 2006 г. успешно прошел Год России в Китае, а в 2007 г. – Год Китая в России, которые показали, что сложившаяся структура неформальных, народных отношений меняется в лучшую сторону. Фактически руководители РФ и КНР сделали процесс российско-китайского сближения качественно более высоким.

Постсоветская Центральная Азия. Сравнительный анализ РФ и КНР

В условиях воздействия мирового финансового кризиса на регион постсоветской Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан) роль и значение России и Китая в оказании помощи по реализации антикризисных национальных программ приобретают особое значение. Сравнительный анализ образов России и Китая показывает, что происходит заметная эволюция восприятия РФ и КНР в регионе. По представлениям политических элит и общественности стран ЦА в плане безопасности и экономического сотрудничества, Россия и Китай объективно выходят на первые позиции как наиболее эффективные государства, способные предоставить широкий спектр услуг и возможностей как на двустороннем уровне взаимоотношений, так и в многосторонних форматах, в рамках Шанхайской организации сотрудничества, ОДКБ, ЕврАзЭС. Кроме того, на фоне западных дискуссий по поводу якобы подрывных действий и наличия «опасных и коварных» китайских стратегем в отношении Цен-

тральной Азии российские и китайские начинания на самом деле реально работают на поддержку отсталых стран региона, развитие их экономик, инфраструктур, подъем социального уровня жизни населения, усиливая позитивное восприятие двух стран в Центральной Азии.

Вместе с тем процесс формирования имиджа России и Китая в ЦА имеет специфику, связанную как с исторической основой российского (советского) и китайского присутствия в регионе, так и современными реалиями двусторонних взаимодействий РФ и КНР с каждым из центральноазиатских государств. В самом общем виде историческая база российских позиций и, прежде всего, общее советское прошлое, несмотря на сохранившиеся отрицательные настроения среди населения и политических элит региона в отношении идеологии КПСС и ее национальной политики, в большей мере работает именно на позитивный образ России. Страны Центральной Азии в основном сохранили индустриальную, инфраструктурную и культурно-языковую базу, сложившуюся в период СССР, которая сегодня успешно работает на модернизацию уже независимых государств.

Исторический же опыт взаимодействий Китая с народами региона в основном связан с попытками Цинской и других династий укрепить зависимость данного региона, превратить центральноазиатские народы в вассалов Поднебесной. В сознании казахов, киргизов, таджиков, уйгуров и многих других этносов сохранился отрицательный исторический стереотип Китая, воспринимаемый как некая угроза независимости. Современный опыт взаимодействия КНР с центральноазиатскими государствами меняет данный (традиционный) стереотип, создавая новый, позитивный имидж Китая как экономически мощного государства, способного принести пользу слабым экономикам ЦА.

Китайско-казахстанская модель. Очевидно, что Казахстан остается главным приоритетом для Китая в регионе ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. По мнению вице-президента Китайского института международных отношений Ши Цзэ, сотрудничество в энергетическом секторе Китая и Казахстана является отправной точкой и ведущим мотивом расширяющегося взаимодействия Китая в экономической и торговой сферах со странами Центральной Азии. На РК приходится порядка 80% товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами – членами ШОС. Основные позиции экспорта Казахстана в Китай – это сырьевые ресурсы (энергоносители (нефть, газ) – 63%,

черные и цветные металлы (в большой мере в форме металлолома), сталь – 24%). Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72%), продовольствие (11%) и другие позиции, в основном – товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самой РК. Увеличение идет в том числе и за счет открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе трансграничной зоны свободной торговли. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд. долл. Объем инвестиций Китая в РК, по китайским официальным данным, составил в 2006 г. 1,3 млрд. долл. Очевидно, что в отношениях двух стран произошел качественный сдвиг. Китайско-казахстанское сотрудничество стало системным и вышло на сопоставимый с «большими» евразийскими державами (Индией, Россией) уровень. Таким образом, имидж КНР в Казахстане связан с формированием некоего «инвестиционного образа» богатого государства, вкладывающего большие деньги в казахстанский ТЭК и значительно опережающего Россию в данной сфере. Кроме положительных моментов, в общественном мнении Казахстана и СМИ проявляется и недовольство (опасения) массивным китайским участием в освоении нефтегазовых ресурсов Казахстана.

Тандем Россия – Казахстан в настоящее время обеспечивает стабильность в Центральной Азии, из чего вырисовывается несколько иной (в отличие от китайского) образ России как государства-партнера по вопросам безопасности в регионе. На это работают не только двусторонние проекты, но и совместное участие в ОДКБ. Принципиально важными для Астаны и Москвы в 2006 г. были: 1) ратификация парламентами соглашения 2005 г. о российско-казахстанской границе и 2) подписание в Астане в январе документов о создании Евразийского банка развития (ЕБР) с уставным капиталом 1,5 млрд. долл., $\frac{2}{3}$ из которых предоставила Россия, а $\frac{1}{3}$ – Казахстан. При этом на территории двух стран, а в будущем и тех государств, которые присоединятся к работе этого международного финансового учреждения, банк освобождается от любых налогов, сборов и пошлин. Политика России в Казахстане – это новое качество политического доверия, диверсификация российских проектов (энергетика, химпром, инвестиции, космос, банковское дело), рост двустороннего товарооборота за счет российского экспорта.

Сравнивая «имиджевые» особенности двух моделей регионального сотрудничества: КНР – Казахстан и РФ – Казахстан, следует отметить не только некоторые (объективные) несовпадения

интересов внутри указанных пар, но и возможность купирования возникающих разногласий в случае, если кооперация этих государств (в частности, по энергетическим вопросам) будет осуществляться на трехстороннем уровне: РФ – КНР – РК. Как известно, китайско-казахстанские договоренности (переговоры Н. Назарбаева и Ху Цзинтао в 2003 и 2004 гг.) о строительстве нефтепровода в Китай и развитии китайской инвестиционной активности в нефтегазовой сфере Казахстана были позитивно восприняты в России далеко не всеми экспертами. Некоторые рассматривали их как некие скрытые антироссийские шаги со стороны Астаны. Другие считали, что Китай активизировал свою казахстанскую политику по причине консервации тогда Россией Дацинского проекта. Отдельные аналитики, наоборот, рассматривали активизацию китайско-казахстанского нефтяного сотрудничества как желание Пекина и Астаны создать альтернативный западным компаниям энергетический «коридор» в сторону Китая, подчеркивая, что это не несет России каких-либо вызовов и угроз. Проецируя эту дискуссию на сегодняшние реалии, следует отметить, что все взаимные подозрения 1990-х годов ушли в прошлое. РФ, КНР и РК доказали свое право на диверсификацию энергетического экспорта без ущерба друг другу. В 2003 г. казахстанская сторона впервые поставила вопрос о возможности участия России в поставках нефти в Китай в комбинации с казахстанскими проектами. Многие казахстанские эксперты сомневались по поводу того, что Казахстан сможет одновременно заполнить все трубопроводные системы нефтью, включая и магистральный трубопровод в Китай. В связи с этим вырисовываются перспективы нового энергетического сотрудничества Москвы и Астаны. Ряд казахстанских компаний предлагает российским коллегам рассмотреть возможности увеличения прокачки российской нефти до 30 млн. т в год через недогруженный нефтепровод Атырау – Самара и другие транзитные нефтепроводы с перспективой экспорта российской нефти по будущему магистральному трубопроводу в Китай. Для России участие в подобном проекте может быть достаточно перспективным, так как формирование своеобразного российско-казахстанского нефтяного картеля усилило бы позиции Москвы и Астаны как продавцов на мировых нефтяных рынках.

Китайско-туркменские отношения базируются на открытии в декабре 2009 г. нового газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай и дальнейшем углублении энергетического сотрудничества. Кончина Сапармурада Ниязова в декабре

2006 г. и избрание в феврале 2007 г. нового руководителя Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова внесли некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения. Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде и отхода нового руководителя от традиционного нейтралитета в сторону большего сближения с Западом, что могло бы отрицательно сказаться на сложившихся стабильных отношениях двух стран. Смена руководства заставила Пекин интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа. Практическая реализация проекта газопровода началась в августе 2007 г. Взаимная торговля КНР и Туркменистана за период 1997–2008 гг. увеличилась почти в 19 раз – с 19 млн. долл. (1997) до 453 млн. долл. (2008). Основные статьи таджикостанского экспорта в КНР – это энергоносители и продукция нефтехимической промышленности (порядка 85%), хлопковое волокно и иное текстильное сырье, лакричный корень, продукция текстильной и легкой промышленности. Китай поставляет в РТ продукцию производственно-технического назначения и стройматериалы (порядка 60% туркменского импорта), потребительские товары (более 30%). В Туркменистане реализуются 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний. Пока общий объем инвестиций составляет 382,6 млн. долл. и 360 млн. юаней. Эти проекты в основном размещены в сырьевой (нефтегазовой) отрасли (более половины всех проектов), транспортной сфере, телекоммуникационной отрасли, в легкой промышленности и сельском хозяйстве. На территории страны зарегистрировано 13 предприятий с участием китайского капитала, которые поставляют оборудование и оказывают услуги в нефтегазовом секторе, в сфере транспорта, здравоохранении, оптово-розничной торговле и туризме. За последние пять лет объем услуг китайских нефтегазовых компаний и поставок их оборудования составил 293 млн. долл.

Современный формат **отношений Туркменистана и России** в газовом секторе связан с перспективами туркменских газовых поставок в Россию. Существующие еще с советских времен трубопроводные сети Средняя Азия – Центр уже сегодня не справляются с объемами прокачки газа. В случае увеличения поставок потребуется строительство новых трубопроводов и соответственно увеличение российских либо иных (китайских, иранских, казахстанских) инвестиций в проекты. Российские эксперты считают, что Россия и Китай «сталкиваются лбами» в восточном Туркменистане. Россия, как известно, планирует значительное расширение

импорта туркменского газа по сети САЦ. В условиях реализации китайско-туркменских газовых проектов Туркменистан может устроить некий аукцион по ценам на свой газ. Газпром традиционно был ориентирован на сохранение монополии и низких импортных цен. Однако для России сохранить монополию на закупку туркменского газа будет достаточно сложно. Каспийская проблематика также напрямую влияет на российско-туркменские отношения. Потенциально общей точкой соприкосновения является взаимный российско-туркменский интерес по совместной разработке энергетических ресурсов Каспия. Как известно, основное препятствие для всех каспийских государств – определение правового статуса моря. В свою очередь эта проблема «распадается» на отдельные двусторонние «опции» в отношении пяти каспийских государств – России, Казахстана, Ирана, Азербайджана и Туркменистана. Позиция России в целом известна: «вода» – общая, дно должно быть поделено на пять секторов. Уже подписаны российско-казахстанское и российско-азербайджанское соглашения о разделе дна. Остаются нерешенными вопросы по Каспию с Ираном и Туркменистаном.

КНР – Киргизстан. Непростым испытанием для китайско-киргизских отношений стала так называемая «тюльпановая революция» 24–25 марта 2005 г. в Киргизстане. Китайские эксперты, анализируя ситуацию, высказывали ряд опасений, связанных с китайско-киргизскими отношениями. Часть из них опасалась активизации трансграничного уйгурского сепаратизма, возможности изменения новым руководством КР отношения к участию в ШОС. В течение 2005–2008 гг. Китай значительно усилил свое торговое присутствие в Киргизстане. Объем китайско-киргизской торговли вырос с 97 млн. долл. (2005) до 3,7 млрд. долл. (2007). Причем китайский экспорт в 32,5 раза превышает импорт из Киргизстана. В настоящее время на Китай приходится почти 90% всего внешнего товарооборота Киргизстана. Рост объемов китайско-киргизской торговли отчасти объясняется реализацией Бишкеком в 2005–2006 гг. китайских (льготных) торговых кредитов. Пекин, стремясь наладить отношения с новым руководством Киргизстана, увеличил кредитование киргизского импорта. Создание же трансграничной зоны свободной торговли между КНР и Киргизией еще более ускорило процесс. Стоимость импорта КР из Китая в 32,3 раза превышает стоимость ее экспорта. Поскольку КНР и КР – члены ВТО, то доступ китайских товаров на рынки Киргизстана более прост, чем в случае с другими странами ЦА. Экспорт в Ки-

тай включает текстильное сырье (преимущественно кожи и шерсть – около четверти), отходы переработки черных и цветных металлов (порядка 60%). А ассортимент киргизского импорта состоит из машин и оборудования (около 6%), продовольственных товаров и иных наименований ширпотреба (примерно 85%). Другими словами – образ Китая для современных киргизов – государство, активно торгующее с Киргизстаном, некий «старший торговый брат».

Россия – Киргизстан. Киргизстан для России, как при первом президенте А. Акаеве, так и при нынешнем К. Бакиеве, всегда был одним из форпостов в Центральной Азии. Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) в Канте являются частью структуры Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В сентябре 2003 г. министры обороны России и Киргизстана подписали договор «О статусе и условиях пребывания российской авиабазы в Киргизии». Официальное открытие авиабазы состоялось 23 октября 2003 г. Другая особенность «акаевского» периода российско-киргизских отношений заключалась в том, что российское руководство после известных «цветных революций» в Грузии и на Украине сдержанно относилось к курсу А. Акаева на открытое общение с Западом, демократизацию в стране, которая на деле приводила больше к усилению коррупции и теневого бизнеса. В период А. Акаева была создана американская военная база в Киргизстане (аэропорт Манас), открытая в декабре 2001 г. в рамках антитеррористической операции в Афганистане. Осенью 2003 г. соглашение между правительствами США и Киргизстана о деятельности базы в Манасе было продлено на три года. Сохраняющийся «параллелизм» военного присутствия России и США в Киргизстане отрицательно влиял на двусторонние российско-киргизские отношения. В экономической сфере отмечается постепенное наращивание присутствия российского капитала в Киргизстане. Инвестиции РФ в экономику республики увеличивались приблизительно на 30% в год.

Приоритеты **узбекского направления** политики КНР связаны со сферой как экономики (энергетический сектор Узбекистана), так и безопасности. Китайско-узбекские отношения после 2005 г. развивались на фоне трагических событий в Андижане. Россия и КНР поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением «Акрамийя». Позицию Китая в поддержку И. Каримова эксперты связывали с желанием Пекина ограничить политическое влияние США в Узбекистане, а также с необходимостью оптими-

зации борьбы с исламским экстремизмом, имеющим в том числе и узбекские корни и проявляющимся в СУАР КНР. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс. Радикальный шаг президента И. Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента на двустороннем уровне. Принципиально важным в связи с этим был официальный визит 21–24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширение торговли, китайских инвестиций, активизации совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС. Китай имеет серьезные экономические интересы в Узбекистане, связанные с нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. В 1990-е годы имидж Китая в Узбекистане был скорее нейтральным. Деятельность Поднебесной больше ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес РУ был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться: акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер, что признают и ведущие американские эксперты по региону.

РФ – Узбекистан. Президент И. Каримов в конце 1990-х годов, как известно, пытался выстраивать стратегию сближения с США. Россия в Ташкенте воспринималась прохладно, а иногда и открыто враждебно. Российский экономический рост, наметившийся с 2000 г. (на фоне экономической стагнации в самой узбекской экономике), объективно повысил интерес Узбекистана к России. Не умаляя значения экономической составляющей и ее влияния на эволюцию российской политики Ташкента, представляется, что главным побудительным мотивом к развитию отношений стал комплекс вопросов безопасности. Как известно, Узбекистан, подписав с Россией 16 июня 2004 г. «Договор о стратегическом партнерстве», принял активное участие во встрече глав государств ШОС (17–18 июня 2004 г.) – структуры, являющейся все большим противовесом американскому влиянию в регионе. Узбекистан вступил в эту организацию еще в 2001 г. В 2006 г. И. Каримов настоял, чтобы американцы покинули базу в Узбекистане, после долгих переговоров Вашингтон вынужден был под-

чиниться требованиям Ташкента. Узбекскому президенту импонировало, что Москва и Пекин не поучают его, как строить и развивать государство, общество и демократию. Их интересовали исключительно вопросы безопасности и экономики, сохранения общего статус-кво в регионе, что полностью совпадало с интересами И. Каримова. Но в начале 2009 г. Ташкент, вспомнивший о выгодах экономического содействия Запада, приостановил свое членство в ЕврАзЭС, что вызвало отрицательную реакцию в Москве.

Китай – Таджикистан. В годы гражданской войны в Таджикистане (1993–1997) Китай, придерживаясь принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, не встал ни на чью сторону, ограничившись лишь оказанием республике гуманитарной и технической помощи. Товарооборот двух стран в 2005 г. составил 157 млн. долл., в 2006 г. – 323 млн. долл., в 2007 – 482 млн. долл. Основные статьи экспорта Таджикистана в Китай – это сырье: алюминий, другие цветные и редкоземельные металлы, хлопковое волокно, а импорта из Китая – несложная продукция машиностроения, предметы широкого потребления. В рамках ШОС Таджикистан получил от Китая льготный кредит в 600 млн. долл., который используется в основном на строительство ЛЭП-500 «Юг – Север» и ЛЭП-220 в Хатлонской области, а также на строительство тоннеля под перевалом Шар-Шар на дороге Душанбе – Куляб. Китай вносит существенный вклад и в поддержку таджикской легкой промышленности – хлопчатобумажного и шелкового производств. По мнению одного из ведущих ученых-экономистов Таджикистана Хаджимахмата Умарова, именно поток дешевых (в 2–3 раза от средних мировых цен) товаров повседневного спроса из Китая помог Таджикистану в программе борьбы с бедностью. За последние два года доля беднейшего населения в общей демографической структуре республики снизилась с 83,4 до 64%. Существуют проекты участия Китая в реконструкции Душанбинского цементного завода, производстве каустической соды, а также поставок шахтного оборудования и горной техники для разработки месторождений олова и вольфрама. Особое значение для республики имеют поставки малой сельхозтехники и навесного оборудования к ней, а также агрегатов для малых ГЭС и ветроэнергетических установок в высокогорные районы. За 2006–2007 гг. поддержка китайской стороной строительства первой из серии каскадов гидроэлектростанций в Зеравшанской долине сви-

детельствовала о твердом желании КНР качественно увеличить свою инвестиционную активность в республике.

РФ – Таджикистан. Отношения Москвы и Душанбе прошли нелегкие испытания в период гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) и в годы восстановления мира в республике. Специфика современных российско-таджикских связей определяется следующим рядом противоречивых факторов.

Во-первых, это проблема таджикской трудовой (в основном нелегальной) миграции в России. Ежегодно в РФ, как известно, на поиски заработков отправляется, по разным подсчетам, от 300 до 500 тыс. таджиков. Российские власти пытаются поставить этот процесс под правовой и административный контроль, но де-факто миграция и дальнейшая деятельность мигрантов регулируются слабо.

Во-вторых, наличие у России крупных инвестиционных планов в отношении РТ. РАО «ЕЭС России» в свое время подписало соглашение с правительством Таджикистана об условиях долевого участия РФ в проекте завершения строительства Сангтудинской ГЭС, планируя вложить в данный проект 250–300 млн. долл. До 2007 г. существовал ряд проектов российской компании ОАО «Русский алюминий» («Русал») о строительстве Рогунской ГЭС. Наряду с этим компания договорилась о реконструкции алюминиевого завода в Регаре и строительстве нового (второго в стране) алюминиевого завода с планируемой мощностью 200 тыс. т в год. Компания могла бы инвестировать в экономику Таджикистана около 1,2 млрд. долл. В связи с завышенными технологическими требованиями таджикской стороны по высоте плотины Рогунской ГЭС и другими претензиями «Русал» ушла из данного проекта, «освободив» место другим претендентам для участия в таджикских проектах.

В-третьих, функционирование российской военной базы в Таджикистане. Основой для нее послужила 201-я мотострелковая дивизия, подразделения которой были расквартированы, помимо Душанбе, в Курган-Тюбе и Кулябе. Российская база в Таджикистане стала одной из самых мощных в системе безопасности ОДКБ в Центральной Азии. Учитывая, что Россия и Таджикистан в свое время полностью договорились о режиме работы российской высокогорной станции «Нурек» («Окно»), имеющей для Москвы стратегическое значение в сфере космического слежения, можно данный фактор занести в актив партнерства.

В-четвертых, проблема таджикско-афганской границы и безопасность России. Еще 16 октября 2004 г. пограничными службами России и Таджикистана было подписано специальное соглашение о поэтапной передаче охраны границы от российских пограничников таджикским погранотрядам, которая завершилась в 2006 г. Приход таджикских пограничников, к сожалению, не способствовал усилению борьбы с наркотрафиком, который к 2006 г. возрос в 3,5 раза. Местные жители Таджикистана сегодня горько шутят, что теперь граница «поделена» между родственниками и вождями таджикских (афганских) племен, проживающими по обе стороны границы, и каждый ее участок имеет свою цену. Произошла некая «племенная приватизация» основных трансграничных каналов и маршрутов поставок наркотиков. Кому было выгодно и кто лоббировал с таджикской стороны решение о сдаче российскими пограничниками участков таджикско-афганской границы, остается большим вопросом. Возможно, что негативные результаты пограничной «реформы» были учтены наверху. Президенты России и РТ на встрече в Сочи 25 мая 2006 г. согласовали сотрудничество в пограничной сфере и программу помощи Таджикистану в становлении погранслужбы этой республики.

Можно сказать, что отношения двух стран строятся сегодня на: а) заинтересованности крупного российского бизнеса государственных и негосударственных компаний в таджикском рынке электроэнергии и алюминия; б) важности военного компонента, имеющего для России как глобально-стратегическое (комплекс «Нурек»), так и региональное значение – 4-я база.

* * *

Подводя итоги рассмотрению текущего состояния и эволюции образов России и Китая на территории «постсоветской» (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан), мы пришли к следующим выводам.

1. Острота проблем поддержания трансграничной безопасности, противостояния гегемонизму США, а главное – обеспечения экономических интересов, становится мощным фактором позитивизации образов России и КНР на центральноазиатском пространстве. Несмотря на отдельные несовпадения российских и китайских экономических интересов между собой, а также отдельное их несоответствие устремлениям самих центральноазиатских государств, нет оснований говорить о том, что эти расхождения

являются определяющими при формировании «итоговых» образов РФ и КНР в регионе на данном этапе. Ключевым «имиджмейкерским» фактором остается взаимовыгодность хозяйственного взаимодействия Китая с государствами региона на двустороннем уровне, с одной стороны, и сотрудничество России с теми же странами (так же в двустороннем формате) – с другой.

2. При сопоставлении китайского и российского имиджей в ЦАР заметна специфика восприятия России и Китая центрально-азиатскими элитами и народами региона. Особенности сложившегося российского образа связаны: а) с общностью культурно-языковых традиций, которая прослеживается и сегодня; б) более крепкими (по сравнению с Китаем) общими историческими и экономическими корнями; в) более сильными позициями России в сфере региональной безопасности. Особенности китайского образа в ЦА определяются: а) большими возможностями экономики КНР на современном этапе по сравнению с потенциалом национального хозяйства РФ, успехами китайских реформ и эффективностью антикризисной программы КНР; б) наличием на ближайшую перспективу крупных финансово-инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры и других сфер хозяйства государств региона, а также достижением осязаемых положительных результатов на промежуточных этапах реализации этих проектов и в итоге в) более сильными позициями Китая в сфере экономического сотрудничества.

3. К отрицательным факторам, влияющим на формирование образа КНР в ЦА, следует отнести сохраняющиеся опасения слабых государств региона (Таджикистана и Киргизстана) по поводу возможности бесконтрольного расширения китайского хозяйственного присутствия в экономиках их стран и превращения последних в сырьевой придаток Поднебесной, вплоть до полного «размывания» национальных экономик. На формирование же российского образа отрицательно влияет запаздывание РФ (по сравнению с Китаем) в деле выдвижения и реализации экономических проектов.

«Мир и политика», М., 2010 г., № 2, с. 24–36.

А. Курбаналиев,

политолог

(Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)

ТУРЕЦКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI В.

История дагестано-турецких отношений уходит в далекое прошлое. Хотя эти отношения не были простыми, но они развивались в соответствии с логикой своего времени. На современном этапе исторического развития отношения между Дагестаном и Турцией развиваются в рамках международных договоров Российской Федерации с Турецкой Республикой. Дагестано-турецкие отношения развиваются как в гуманитарной, так и в экономической сферах. Торгово-экономические связи Дагестана и Турции развиваются в основном на уровне хозяйствующих субъектов, между представителями малого и среднего бизнеса.

В деловом сотрудничестве с Россией Турция все больше внимания уделяет ее южным регионам, что объясняется рядом причин объективного характера. Установленный обеими сторонами упрощенный порядок визового обслуживания, минимальные ставки таможенных платежей за турецкий импорт также играют стимулирующую роль в российско-турецком торговом сотрудничестве на Юге России. В деловом общении с южными регионами России Турция подчеркивает свою этническую и религиозную близость к некоторым народам северокавказских республик, наличие у ряда этносов данного региона родственных связей с так называемой «черкесской» диаспорой в Турции.

Созданные в структурах управления субъектов Федерации подразделения, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, проявляют немалый интерес к налаживанию деловых связей с представителями турецкого бизнеса. В свою очередь, турецкая сторона практикует поездки предпринимателей в южные российские регионы. Естественно, Турция уделяет большое внимание торговому бизнесу. Причем наряду с традиционными экспортными товарами (кондитерские изделия, кожа, моющие средства) в последнее время в южные регионы России осуществляются поставки технологического оборудования и машин турецкого производства. Турецкие компании проявляют большую заинтересованность в налаживании экономического сотрудничества с Дагестаном.

В настоящее время на территории Дагестана действует 26 совместных предприятий, созданных с участием турецкого капитала. По данному показателю Турция занимает первое место, значительно опережая такие страны, как Азербайджан, Казахстан и Объединенные Арабские Эмираты. Внешнеторговый оборот Дагестана с Турцией из года в год имеет тенденцию роста. Например, если в 2001 г. внешнеторговый оборот составлял 1,396 млн. долл., то в 2007 г. он уже составил 6,893 млн. долл., т.е. за шесть лет вырос в пять раз. Турция занимает четвертое место по объему товарооборота с Дагестаном после Азербайджана, Ирана и Мальты. Дагестанский экспорт в основном состоит из алюминия и изделий из него, молочных сепараторов, шкур крупного и мелкого рогатого скота и др. товаров. В свою очередь из Турции в Дагестан импортируются хлебобулочное оборудование, сельскохозяйственная техника, телевизоры, холодильники, мебель, стройматериалы, продукты неорганической химии, кондитерские изделия.

Таким образом, Турция является одним из основных внешнеторговых партнеров Дагестана. Товарооборот между республиками в последние годы имеет положительную тенденцию. Однако турецкий экспорт значительно превалирует во внешнеторговом обороте между республиками. Это позволяет сделать вывод, что дагестанская продукция маловостребована и недостаточно пользуется популярностью в Турции.

В последние годы между Дагестаном и Турцией также налажено и транспортное сообщение. В частности, с 2004 г. между Махачкалой и Стамбулом осуществляются регулярные чартерные рейсы. Сотрудничество между Дагестаном и Турцией, как уже отмечалось, осуществляется и в гуманитарной сфере. Так, в частности, при факультете востоковедения Дагестанского государственного университета (ДГУ) в апреле 2005 г. был открыт Центр турецкого языка и культуры, финансирование которого осуществляется Международным казахо-турецким университетом им. Ахмета Ясави. Турецкая исламская благотворительная организация «Торос» открыла свои колледжи в Махачкале, Дербенте и Ботлихе. В Дербенте также осуществляет свою деятельность Международный дагестано-турецкий гуманитарный институт. ДГУ сотрудничает с университетом им. Ататюрка и университетом Гази, Центр востоковедения Дагестанского научного центра Российской академии наук (ДНЦ РАН) взаимодействует с Культурным центром им. Ататюрка в Анкаре в рамках проекта «Энциклопедия деятелей литературы тюркского мира».

Устанавливаются связи и между религиозными учреждениями республик. С помощью Турции в Махачкале построена Центральная мечеть (1997). В Стамбуле открыто представительство Духовного управления мусульман Дагестана, а в ряде районов Дагестана функционируют религиозные школы, обучение в которых ведут турецкие духовные лица. Одним из немаловажных факторов развития дагестано-турецких отношений является проживание в Турции около 500 тыс. выходцев из Дагестана.

Развитию деловых отношений способствуют и побратимские связи между городами Дагестана и Турции: Махачкала – Ялова. В рамках побратимских отношений в турецком городе Ялова издается ежеквартальный журнал «Дагестан». Данное издание, возглавляемое Шихабутдном Озденем, является источником культурного общества «Дагестанцы», функционирующего в Ялове с 1995 г. Культурные общества подобного рода, созданные представителями дагестанской диаспоры, действуют и в других городах Турции – Анкаре, Стамбуле, Балыкесире, Анталии, Муше, Измире, Бурсе, Кахраманмараше, Инеголе. Многие из них также выпускают собственные газеты и журналы. Благодаря подобным изданиям дагестанские соотечественники получают информацию об общественно-политической ситуации в Дагестане, о жизни дагестанцев, проживающих в других странах. Однако культурные общества постоянно сталкиваются с проблемой отсутствия финансовых средств, в основном периодические издания выпускаются благодаря добровольным взносам представителей дагестанской диаспоры.

Следует отметить, что основными причинами интенсивных процессов сотрудничества между республиками являются наличие этнорелигиозного фактора и проживание дагестанских соотечественников на территории Турции.

*«Нижегородский журнал международных исследований»,
Н. Новгород, 2009 г., осень-зима, с. 163–166.*

В. Ахмедов,
востоковед
**ВОЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИСЛАМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

В последние годы под влиянием процессов глобализации и модернизации население ближневосточных государств становится все более политизированным. Вместе с тем актуализируются

групповые интересы. Внутренние противоречия ярче всего проявляются в углубляющихся этноконфессиональных конфликтах. Их идейной основой нередко становится религия. Последнее обстоятельство обусловлено ростом влияния внешних факторов на происходящие в регионе процессы. Столкновения на этнической или религиозной почве представляют серьезную угрозу безопасности и целостности ближневосточных стран, что предопределяет необходимость задействования армии в урегулировании этноконфессиональных конфликтов.

Сейчас во многих государствах Ближнего Востока религия и религиозные деятели заметно влияют на формирование идентичности, характер власти, межобщинные отношения, решение проблемы прав человека и роли женщины в обществе и расширяют правоприменительную практику религиозного законодательства в ущерб светскому судопроизводству. В арабо-мусульманских государствах Ближнего Востока армия продолжает оказывать значительное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства и жизнь общества. Характер отношений власти и религии, армии и власти определяет роль религиозных институтов в вооруженных силах. Именно армия в конечном счете используется властью для разрешения этноконфессиональных конфликтов. В условиях расширяющегося применения вооруженных сил против террористических и экстремистских элементов роль армии в обществе возрастает. Недавний опыт ряда арабских стран показывает, что лишь обладая дееспособными вооруженными силами и органами безопасности, а также решимостью применить их в гражданском конфликте, государство может приостановить политическую экспансию исламизма.

Жесткая линия военного руководства Алжира в 1992–1999 гг. позволила не только ослабить волну террора, развязанного экстремистским крылом Фронта исламского спасения (ФИС), но и принудить экстремистов к переговорам о национальном примирении. В Египте попытки дестабилизировать внутривосточную ситуацию, предпринятые в 1990-х годах рядом исламских организаций экстремистской направленности, были пресечены светским режимом Хосни Мубарака благодаря опоре на армию и силы безопасности.

Этнический национализм и религиозный экстремизм разрушительны и для самой армии. Проникая через организационные структуры в воинские формирования, они способны нарушить сплоченность армейских рядов, ведь, подпав под влияние идей ра-

дикального ислама, некоторые командиры боевых подразделений могут направить боевую технику против собственного командования, властей и соседних народов.

Большинство ученых, изучавших офицерские корпуса армий полиэтнических и поликонфессиональных стран, приходят к выводу, что военная служба, социализация военнослужащих, их профессиональный опыт ослабляют связи с традиционной общиной. Армия в этих странах является «плавильным котлом», в котором офицеры обретают общенациональную секулярную идентичность. Немалое влияние на укрепление светской составляющей в современных институтах, в том числе армии, в ряде государств Ближнего Востока, особенно в Турции, наряду с чисто внутренними факторами оказал опыт стран Европы и России.

Светские национально ориентированные офицеры менее подвержены влиянию политических течений конфессионального и этнического характера и весьма влиятельны в деле интегрирования армейских рядов. Приверженность таких офицеров армии как гаранту национального суверенитета и национальная (а не общинная) самоидентификация снижают вероятность несанкционированного вмешательства армии в политику и процессы, спровоцированные этноконфессиональными факторами. Благодаря этому армия может служить действенным регулятором такого рода конфликтов, поскольку она способна выступать сравнительно беспристрастным арбитром и посредником. Согласно исследованиям, с задачей обеспечения национальной интеграции неплохо справлялись именно военные режимы, а также те страны, где у власти находилась коалиция военных и гражданских руководителей, опиравшаяся на сильную секулярную армию. Так, в Сирии во второй половине 1970-х годов, когда организация «Братья-мусульмане» перешла от политической и просветительской деятельности к вооруженной борьбе с правительством, поставив страну перед угрозой раскола на религиозной почве, власти смогли принять весьма жесткие меры и пресечь деятельность этой организации. Финалом стала войсковая операция в г. Хама в 1982 г. Тогда ценой многочисленных жертв среди жителей этого города был ликвидирован вооруженный оплот «братьев», а само движение в стране окончательно разгромлено.

Бытует представление, что военные, занимающие доминирующее положение в институтах власти, определяют характер принимаемых решений. Однако нельзя не учитывать того, что армия – это слепок общества. Поскольку в офицерском корпусе

представлены основные группы общества, он не избавлен от внеармейских противоречий. В большинстве стран Ближнего Востока народы все еще расколоты по конфессиональному, этническому, региональному, племенному признакам. После 1945 г. и до начала 1970-х годов в странах Ближнего Востока и Северной Африки было отмечено по крайней мере девять острых конфликтов на этой почве.

Внутри вооруженных сил этих государств складывались сообщества, противоборствовавшие на идеологической и этноконфессиональной основе. Военные перевороты там были результатом противостояния различных этнических, религиозных, классовых и земляческих группировок. В одной только Сирии за 22 года (1949–1971) произошло восемь военных переворотов. В первые годы после обретения политической независимости из-за принятой ранее французами системы рекрутирования офицерский корпус сирийской армии отличала высокая степень конфессионального дисбаланса. Так, офицеры – выходцы из этноконфессиональных меньшинств, как правило, становились активными участниками военных переворотов. Хусни Аз-Заим, Сами Хинауи и Адиб Шишекли, организаторы трех переворотов 1949 г., представляли курдское меньшинство Сирии.

В тех странах, где офицеры принадлежали к одной из групп населения, светский характер и национальная ориентированность офицерского корпуса также могли быть весьма ограниченными. Единство в родах войск складывалось не в результате усвоения секулярных и общенациональных ценностей, а на основе чувства исключительности той или иной группы. В Ираке времен Саддама Хусейна элитные части формировались в основном из представителей суннитских племен, проживавших в тех местах, откуда был родом иракский лидер. Такая же практика была в Сирии, где эти части комплектовались из алавитов клана Асадов. Когда такие офицеры вмешиваются в политику, они способствуют разжиганию этноконфессиональных конфликтов, действуя в интересах своей конфессии или этнической группы, а придя к власти, не могут погасить их. События в Судане, Пакистане, Ираке свидетельствуют о том, что эта практика приводит к дезинтеграции государства по этноконфессиональному признаку. В годы правления военных в вооруженных столкновениях в названных странах погибло несколько миллионов человек.

С момента своего создания в 1947 г. Пакистан постоянно сталкивался с проблемой поддержания национального единства.

Несмотря на этнические, религиозные и языковые различия, потенциально чреватые столкновениями, в 1947–1958 гг., в период правления гражданских властей, конфликтов удавалось избегать. В годы правления военных (1958–1971) традиционные разногласия вылились в открытое противостояние, переросшее на востоке Пакистана в гражданскую войну, которая закончилась образованием из восточных районов независимого государства Бангладеш. В качестве примера рассмотрим также суданские события. Когда в результате военного переворота 17 ноября 1958 г. к власти в Судане пришло правительство генерала Ибрагима Аббуда, традиционные противоречия уже перешли в острый конфликт, спровоцированный шовинистической политикой правительства Абдаллаха Халиля и разразившийся на фоне провалов в экономической деятельности. В нем участвовали мусульмане-северяне, более светлые по цвету кожи, составлявшие около 70% населения, которым противостояли темнокожие южане, частью исповедовавшие христианство, а частью – традиционные верования. В последние годы правления гражданских властей противоречия на расовой и религиозной основе приобрели в Судане ярко выраженный характер. На Юге были отмечены спорадические вспышки насилия против «северян» – представителей власти, а в армейских частях – мятежи выходцев с Юга против их начальников – офицеров-северян.

Однако именно при военном правительстве этот конфликт перерос в открытую гражданскую войну. Представленный исключительно «северянами», офицерский корпус наотрез отказался выполнять требования жителей Юга о более справедливом представительстве в органах власти и пропорциональном выделении бюджетных средств на развитие южных районов страны. Военные в большей мере, чем гражданское правительство, действовали в интересах экономически и политически господствовавшего Севера. Одновременно они пытались нейтрализовать этноконфессиональные противоречия и навязать стране «национальное единство». Эти мероприятия проходили под лозунгом «суданизации» Юга. Христианские школы и миссии закрывались, иностранные миссионеры изгонялись. В южных районах началось широкое строительство мечетей и медресе, а управление по делам религий занималось пропагандой ислама. Арабский язык был объявлен единственным и в системе образования, и в управлении. Эти мероприятия, преследовавшие цель укрепления национального единства, произвели обратный эффект. Спустя два года после прихода к власти военных большинство южан переселились в соседние

страны. Затем началось восстание. Именно после того как военные решили, что единственным решением задачи национальной интеграции является усиление репрессий и проведение силовых акций, это восстание переросло в гражданскую войну. Когда в 1964 г. военное правительство Аббуда пало, Судан оказался политически дезинтегрированным.

Второе правительство военных, пришедшее к власти 25 мая 1969 г., было сформировано новой политической силой – «свободными» офицерами, представлявшими младших и средних офицеров – выходцев из мелкобуржуазных слоев. Оно извлекло ряд уроков из провала своих предшественников. Военные стали проводить компромиссную линию и демонстрировать более гибкие подходы в вопросах обеспечения национального единства. Южанам была предоставлена большая самостоятельность на федеральном уровне, они получили места в местных органах власти и даже заняли ряд постов в армии и правительстве; на развитие Юга стали выделяться ассигнования. Пришедший к власти в ходе июльских событий 1971 г. Джафар Нимейри заключил соглашение с лидерами повстанцев о прекращении вооруженного противостояния. Согласно Аддис-Абебскому соглашению от 28 февраля 1972 г. Юг получил определенную автономию в рамках единого Судана.

Вся эта проблематика по-прежнему актуальна. Следует отметить, что и в тех случаях, когда офицерский корпус имеет «смешанный» характер, солидарность военных невысока. Приниженное положение отдельных общин, их ревность по отношению к «привилегированным» конфессиям, взаимное недоверие и фракционность могут привести к расколу офицерского корпуса. Часто провоцирующей становится практика назначений и продвижений по службе, которая в армии с присущей ей дисциплиной и принципом единоначалия воспринимается более остро, чем в гражданской среде. Сейчас в большинстве армий арабских стран практически невозможно добиться того, чтобы продвижение по службе зависело не только от выслуги лет, но и от учета личных качеств и профессиональных достоинств и чтобы при этом обеспечивалось пропорциональное представительство в офицерском корпусе различных этносов и конфессий. Многое определяется и уровнем образования, который у большинства населения в государствах региона остается весьма невысоким. Имеющие среднее и высшее образование как основу назначений по службе поддерживают, как правило, принцип меритократии. Те же, чей образовательный ста-

тус ниже, выступают за систему представительства, считая, что должности следует распределять пропорционально численности конфессиональных групп. Повышение одного из офицеров затрагивает интересы других и общины в целом. Поэтому военные поддерживают тот или иной принцип исходя из общинных представлений: повышение в звании за личные заслуги офицера привилегированной религиозной общины может быть расценено представителями иных конфессий как ущемление их общинных интересов.

В конце 2007 г. в Сирии в ряде военных училищ, расположенных в г. Хомс и его пригородах, произошла серия мятежей, на подавление которых власти вынуждены были бросить элитные части Управления военной контрразведки (УВКР) и Управления контрразведки ВВС и ПВО. Основной причиной недовольства поднявших мятеж курсантов и преподавателей, в большинстве своем – офицеров-суннитов, стало привилегированное положение их коллег – алавитов, в частности, преимущества, которыми те пользовались при получении отпусков, продвижении по службе и поощрениях. В конфликт был вынужден вмешаться сирийский президент Башар Асад, который отдал приказ начальнику Генерального штаба ВС САР Али Хабибу временно закрыть эти учебные заведения. Начальнику УВКР Асефу Шаукату было дано поручение тщательно разобраться в этом инциденте и провести дополнительное расследование в отношении всех курсантов и преподавателей. Башар Асад также рекомендовал Шаукату в дальнейшем решительно отклонять рапорты на обучение в военно-учебных заведениях всех офицеров, в связи с которыми на этапе предварительной проверки возникали малейшие сомнения в их благонадежности.

Жизненные ценности офицеров, сформировавшиеся в детстве и подростковом возрасте, связаны с их локальным этническим и религиозным происхождением. У взрослых эти ценности несколько ослабевают под воздействием новой самоидентификации, которая, однако, не способна полностью заместить приверженность офицеров их традиции. Когда в стране возникает этнический или религиозный конфликт, связи с традиционным сообществом, актуализируясь, способны перевесить профессиональную сплоченность офицерского корпуса и чувство национального единства. Например в Ливане, где мусульманское население на рубеже 1970-х годов по численности стало превосходить христианское, офицерский корпус был практически весь представлен выходцами

из христианских общин. В годы гражданской войны (1976–1991) армии, занявшей позицию невмешательства в межобщинные споры, удалось избежать участия на чьей-либо стороне. Это не помешало мусульманам создать собственные вооруженные формирования наподобие христианской милиции. Армия же в период острых внутривосточных разногласий предпочитала отсиживаться в казармах.

Следует иметь в виду, что управленческий стиль военных, приходящих к власти или имеющих на нее влияние, показывает, что они не всегда адекватно воспринимают политические реалии. Они нередко считают, что острые этнические или религиозные конфликты можно решать так же, как военные и технические вопросы – методом «лобовой» атаки, силовым путем. Игнорирование политических, экономических, социальных и культурных параметров не позволяет военным обеспечить урегулирование этих конфликтов.

Практически три месяца осенью-зимой 2007 г. армия навела порядок на севере Ливана, в местечке Нахр аль-Барид, штурмуя палестинские лагеря, в которых обосновались вооруженные формирования воинствующих исламистов. Победа вооруженных сил Ливана над повстанцами из Фатх аль-Ислам, несомненно, укрепила в стране авторитет ливанской армии и ее командующего Мишеля Сулеймана, который в мае 2008 г. был единодушно избран на пост президента Ливана. Однако проблемы остались. Каким образом ранее практически никому не известной организации удалось за столь короткий срок превратиться из малочисленной группировки в столь мощную боевую единицу, на борьбу с которой потребовалось несколько месяцев? Ливанские военные «зачистили» район Нахр аль-Барид от мятежников. Но можно ли уверенно утверждать, что армия контролирует подземные убежища, которых так много на севере Ливана, ведь там могут скрываться, дожидаясь своего часа, уцелевшие повстанцы? Не стоит ли в ближайшее время опасаться новой вспышки насилия в пограничных с Сирией северных районах страны? Это поставит сирийские власти перед весьма затруднительным выбором: сохранять нейтралитет при угрозе вспышки терроризма на своих границах или оказать помощь ливанским коллегам, перейдя границу Ливана? Отсутствие у ливанских властей, занятых острой внутривосточной борьбой, ясных и четких ответов на поставленные вопросы в 2007 г. привело к тому, что уже менее чем через год им пришлось искать на них ответы не без помощи обеспокоенных сирийских

соседей. С такими же проблемами сегодня сталкиваются и другие арабо-мусульманские страны Ближнего Востока. В Йемене армия, которая когда-то способствовала объединению Юга и Севера в одно государство, сегодня может стать косвенной причиной раскола страны в результате войны с исламской оппозицией.

Как правило, военные оценивают компромиссы, сделки и сотрудничество с оппозиционными группировками отрицательно. Скорее они склонны устанавливать искусственный этноконфессиональный баланс, как это было сделано Хафизом Асадом в Сирии. Но отличительной особенностью режима Асада была хрупкость возведенной им властной конструкции, основу которой составляли сложные сочленения межобщинных, клановых и семейных блоков, построенных, в свою очередь, на взаимных внутриэлитных и межличностных обязательствах. На протяжении трех десятков лет только недюжинная воля и политическая прозорливость Асада, его упорство, гибкость и способность к маневрированию позволяли сохранять найденный баланс сил. Коалиционная поддержка власти была действенной только при соблюдении ряда неизменных условий: участия членов коалиции в управлении государством, удовлетворении основных социально-экономических потребностей различных групп населения и сохранении баланса сил между различными частями этой коалиции. Реальная опасность для власти заключалась не столько во внешних врагах, сколько в нарушении целостности созданной Х. Асадом конструкции, которая стала подвергаться эрозии после его кончины.

В нынешних условиях активизации исламской идеологии на Ближнем Востоке прежнее понятие светского национально ориентированного офицера эволюционировало и носит скорее условный характер. Светское мировоззрение и чувство общенациональной самоидентификации, с одной стороны, и приверженность традиционным ценностям – с другой, мирно сосуществуют в военной среде лишь до тех пор, пока этнические и религиозные различия не перерастают в острые конфликты. Вероятность того, что военные исключительно по-прежнему будут привержены светской идеологии и национальным идеалам и с этих позиций выступят в роли непредвзятого посредника или арбитра, серьезно снижается. В лучшем случае боязнь утратить собственные привилегии может заставить офицерский корпус выступить гарантом единства страны и выразителем идеи общенационального согласия.

В условиях нарастающей исламизации арабских стран, с одной стороны, и усиливающегося стремления различных политиче-

ских сил к переустройству общества с использованием элементов либерализма и демократии – с другой, действия военных будут во многом определяться характером правящего режима и его отношением к присутствию религиозных институтов в армии. Так, в Турецкой Республике времен Ататюрка, где религия была отделена от государства, в условиях радикального республиканского режима власти достаточно терпимо относились к добровольному соблюдению солдатами в частном порядке ритуалов и некоторых базовых норм и правил ислама, но в политико-воспитательной работе в армии к нормам исламской морали не апеллировали. Светский характер турецких вооруженных сил рассматривался как одно из важных завоеваний республиканского строя. В Турции армия выполняла интеграционную роль, объединяя людей из различных районов, разного происхождения и социального уровня в единую нацию. Турецкие военные оказались настолько решительны и непримиримы к исламизму, что смогли заставить премьер-министра Наджмеддина Эрбакана, лидера исламистской партии, уволить своих сторонников из армии. Военные внимательно следили за попытками Партии национального порядка установить в стране шариатское правление. Партия трижды (в 1971, 1980 и 1998 гг.) запрещалась военными или под их давлением, хотя затем снова возрождалась под другими именами. Одновременно армия боролась с исламистами в собственных рядах. Так, только в 1994–1996 гг. из нее были уволены как сторонники «шариатского правления» 556 офицеров.

Однако в 2002 г., после победы на парламентских выборах в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), чья идеология во многом базировалась на принципах ислама, и прихода к власти премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана, ситуация стала постепенно меняться. Используя действующую в стране «особую» форму демократии, Эрдоган без нарушений Конституции сумел существенно ослабить влияние военных на политику страны, что вызвало серьезную обеспокоенность турецкого генералитета. При всем том армия все еще сохраняет секуляристский характер.

В государствах, где религия не была так решительно отделена от государства, религиозные ритуалы могли включаться в официальные воинские церемонии. Однако религия не определяла лояльность армии правящему режиму. В Сирии власти на официальном уровне декларировали свою приверженность исламу, но на деле стремились искоренить религиозные институты в армейской среде.

Сирийское командование ограничивалось тем, что по праздникам присутствовало вместе с президентом в мечети Омейядов.

Приход к власти в Сирии нового президента Башара Асада несколько изменил отношение руководства к политическому исламу, в том числе к роли ислама в армии и обществе. В 2003 г. был издан указ, согласно которому военнослужащим срочной службы разрешалось молиться в военных лагерях. Рост политического ислама в САР ставил перед сирийским руководством вопрос о неизбежности допуска представителей патриотического исламского движения к участию в государственных делах. Однако подходить к решению этого вопроса власти намеревались очень осторожно и избирательно. В этой связи обращает на себя внимание трехдневная конференция «Сирия и международные вызовы», которая прошла в Высшей военной академии САР в конце марта 2006 г. Характерно, что министр обороны САР Хасан Туркмани не только контролировал ход подготовки данной конференции, но и принял в ее работе личное участие. Наряду с военной верхушкой Сирии на этом форуме было достаточно широко представлено сирийское духовенство: шейх Ахмед Хасун, архиепископ Исидор Батыха, шейх Мухаммад Хабаши и др.

Стержневой темой дискуссий стала проблема политического ислама в Сирии и его взаимоотношений с армией. Сам факт организации подобной конференции, ее повестка дня показали принципиально новый подход военного руководства Сирии к проблемам политического ислама. Очевидно, что сирийские военачальники готовы тщательнее и глубже разбираться в позициях представителей разных религиозно-политических течений по вопросу о политической роли исламских движений и их влиянии на национальные вооруженные силы. Наибольший отклик вызвал доклад депутата сирийского парламента М. Хабаши под названием «Сирия противостоит вызовам. Миссия исламской улицы». Докладчик, в частности, критиковал поведение отдельных командиров армейских частей, которые, как он считает, демонстрируют пренебрежительное отношение к религии и в морально-воспитательной работе с личным составом делают упор на факторе личного мужества. По мнению Хабаши, это может отрицательно сказаться на моральном и боевом духе сирийских солдат и офицеров. Речь идет прежде всего о выходцах из традиционных, малоимущих слоев общества, составляющих более половины личного состава сирийских вооруженных сил. Умаление роли религии в воспитательной работе, считает Хабаши, может подтолкнуть военных на путь

экстремизма. Пока в регулярных армейских частях сохраняется запрет на совершение молитв и упоминание призыва «Аллах Акбар» во время боевых тренировок, вероятность этого будет расти. М. Хабаш даже поставил вопрос: насколько эффективно может укрепить моральный дух сирийских военнослужащих военная маршевая музыка, особенно в условиях реального боя?

В последние десятилетия отношение властей к исламским организациям в большинстве современных арабо-мусульманских стран Ближнего Востока было неоднозначно. Сегодня политические элиты многих государств региона трансформируют авторитарную модель государственного управления, делая ее более либеральной. Без этого достаточно сложно обеспечить стабильность существующих режимов, особенно в условиях мирового финансового кризиса и падения цен на нефть. Правительства большинства стран региона признали актуальность фактора политического ислама и пытаются адаптировать его умеренное крыло к действующей государственной системе (преимущественно в социальной и интеллектуальной сфере), жестко противодействуя любым попыткам исламистов влиять на политические решения.

Многие режимы в арабо-мусульманских странах Ближнего Востока оказываются сегодня в непрестом положении. Вовне они поддерживают палестинское движение «Хамас», ливанскую партию «Хизбалла», отряды исламского сопротивления Ирака и Афганистана, однако внутри собственных стран нередко проводят жесткие репрессии против исламской оппозиции (даже умеренной). Естественно, такое двойственное отношение к исламу оказывает определенное воздействие на умонастроения в армиях, в которых многие офицеры весьма сочувственно относятся к действиям исламского сопротивления в Палестине, Ливане, Ираке и Афганистане и даже завидуют его победам в условиях полного бездействия своих армий перед лицом внешних угроз. Подобное положение вряд ли удастся поддерживать долго. Возросшая в последнее время религиозность многих солдат и офицеров со временем может из «частного дела» превратиться в политическую идею и дать импульс к поиску новой коллективной идентичности, сделав их союзниками исламской оппозиции действующей власти. Нельзя исключать и возможность того, что власти, стремясь сохранить свои позиции, спровоцируют столкновение с умеренными исламистами армии и спецслужб.

Очень скоро арабским руководителям придется решать, что для их власти и стабильности в стране представляет большую уг-

розу: политический диалог с умеренным исламом при спорадических (возможно, неизбежных) вспышках насилия со стороны исламских радикалов или подавление умеренного ислама и война с радикальными исламистами с участием армии и спецслужб. Последствия такой войны могут оказаться абсолютно непредсказуемыми и для самих режимов, и для региона в целом. Если же удастся сгладить существующие расхождения между отношением власти к исламу, с одной стороны, и его восприятием в обществе и армии – с другой, то угроза этноконфессиональных конфликтов, возможно, отодвинется на второй план.

«Восток (Oriens)», М., 2010 г., № 3, с. 80–87.

А. Бочковская,

востоковед

«СУФИЙСКИЙ РЕНЕССАНС» В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЖАБА)

С рубежа XX–XXI вв. в разных странах индийского общества наблюдается рост интереса к суфизму. Опубликованы многочисленные научные работы, посвященные всевозможным, в том числе историческим, аспектам проявления в Индии этого мистико-аскетического направления ислама. Появилось немало художественных и документальных фильмов, новых пьес и театральных постановок, затрагивающих суфийскую тематику, а в индийском кинематографе с его неизменной вокально-хореографической составляющей в последние годы возникла «мода» на использование суфийских (нередко – псевдосуфийских) песнопений и музыки. «Суфийский ренессанс» прослеживается как на общеиндийском, так и на региональном уровнях, в особенности в тех штатах Индии, где ощутима доля мусульманского населения и/или сохранились мусульманские святыни.

В этой связи особый интерес представляет Пенджаб с его крайне незначительным количеством мусульман (1,6% от общей численности населения штата). Со времен Средневековья область Пенджаб выступала в качестве буферного района на пути проникновения ислама в Индию, и суфизм оказался одним из основных каналов его «мирного» распространения в Южной Азии. Успех суфийских проповедников был во многом предопределен формой их «пропагандистской» деятельности. Они общались с индийцами на местных языках, широко задействовали фольклорные

образы, а внешние эффекты (музыка, песни, танцы, демонстрация «чудес» факирами и прочее) в значительной степени способствовали привлечению внимания жителей Индостана к «чужому» вероучению и создавали благоприятную среду для восприятия последнего в качестве почти что «своего». Результатом синтеза суфизма и средневекового бхакти в Пятиречье стало появление новой религии – сикхизма.

Представляется, что в росте внимания индийцев к суфизму как «наиболее толерантному направлению в исламе» внешняя атрибутика играет определяющую роль. В современном сикхско-индусском Панджабе наблюдается небывалый всплеск интереса к песенно-музыкальным традициям суфиев. Стихи шейха Фариды, Булле-шаха и других известнейших проповедников и поэтов обретают второе рождение. Необычайной популярностью в штате пользуются певцы-каввали, исполняющие суфийские поэтические произведения. Гробницы (мазары, даргах) суфийских пиров-«святых» становятся центрами массового поклонения и паломничества, а потомки пиров, присматривающие за мусульманскими святынями, воспринимаются в качестве «наследников» духовной энергии и ее хранителей, идейных (а иногда и политических) лидеров локального масштаба.

Растущая популярность суфийских традиций в немусульманском штате, непосредственно граничащем с Пакистаном, заставляет местные власти держать ситуацию под постоянным контролем. Несмотря на непреходящие сложности в отношениях Индии и Пакистана, в последнее десятилетие в Панджабе на регулярной основе проходили научные и общественные семинары по суфизму с участием пакистанских специалистов, организовывались многочисленные музыкальные фестивали с приглашением пакистанских каввали. Под эгидой правительства штата в 2003 г. в Панджабе был создан Суфийский фонд (Sufi Foundation of India), призванный «сохранять и пропагандировать суфийские традиции Индии посредством обращения к музыке и танцу».

Повышенный интерес к суфизму в современном Панджабе привлекает внимание социологов, политологов и журналистов, поскольку за ним скрывается целый комплекс назревших и требующих безотлагательного решения социальных проблем, нередко имеющих общеиндийское звучание. Ключевое место в нем занимает конфликт между панджабскими далитами (бывшими «неприкасаемыми», составляющими почти треть населения Панджаба) и высококастовыми сикхами, по преимуществу принадлежащими к

касте джатов. Стремление далитов изменить свой социальный статус и добиться иного, более уважительного, отношения со стороны общества все чаще и чаще проявляется в обращении к суфизму, рассматриваемому в качестве универсальной идеологии протеста против несвободы и нетерпимости, пути к эмансипации. При этом речь идет не об обращении далитов в иную веру и отказе от собственной религии, а о протестном использовании элементов иного, более привлекательного или «удобного» на данный момент религиозно-философского учения. Причина обращения к суфизму, а не к сикхизму (что, казалось бы, более логично на земле сикхизма – религии, постулировавшей равенство всех каст) заключается в «отторжении» сикхизмом низкокастовых, становящемся все более явным в XXI в.

*«Ломоносовские чтения. Востоковедение»,
М., 2010 г., апрель, с. 12–14.*

Ю. Матвеев,

востоковед

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНДИЙСКОГО ШТАТА ДЖАММУ И КАШМИР

«Кашмирский вопрос» уже более полувека находится в центре внимания мирового сообщества. Сразу после обретения Индией и Пакистаном независимости в 1947 г. на первый план вышел их спор за территорию бывшего княжества Джамму и Кашмир, и исследования по этой проблеме в основном были посвящены внешней ее составляющей.

К началу 1949 г. в результате индийско-пакистанской войны (1947–1948) из-за Джамму и Кашмира бывшее княжество оказалось разделено между двумя государствами линией прекращения огня (в 1972 г. преобразована в Линию контроля). Территория под контролем Индии вошла в состав штата Джамму и Кашмир, получившего особый статус в соответствии с Конституцией. Контролируемая Пакистаном территория включает формально самоуправляющийся Азад Кашмир и Северные территории прямого подчинения. Индийско-пакистанский спор относительно принадлежности Джамму и Кашмира продолжается. Сегодня под контролем Индии находится около 46% территории бывшего княжества, Пакистана – 35%. С 1960-х годов 19% территории удерживает Китай.

Взрыв сепаратизма и экстремизма, произошедший в индийском штате Джамму и Кашмир на рубеже 1980–1990-х годов, поставил вопрос о детальном рассмотрении политических процессов в штате и воздействии на них этноконфессиональных факторов. Важной особенностью штата является его сложная этноконфессиональная структура. Большинство населения составляют кашмирцы-мусульмане, компактно расселенные в одном из регионов (Кашмире) и практически не представленные в двух других – Джамму и Ладакхе, где преобладают догры-индусы и ладакхи-буддисты соответственно.

В условиях социально-экономической отсталости и неразвитости институтов гражданского общества политическое сознание населения Джамму и Кашмира формируется под значительным воздействием традиционных факторов, а политический процесс определяется узкогрупповыми интересами и соответствующими им стереотипами поведения отдельных этноконфессиональных общностей.

Проявление этого процесса заметно на двух уровнях – с одной стороны, во взаимодействии находящихся у власти сил кашмирского этнонационализма с центральным правительством, с другой – в отношениях кашмирцев с другими этническими группами в штате.

Баланс сил в этноконфессиональном сообществе в Джамму и Кашмире со временем менялся. Ключевым событием стал кризис власти в штате на рубеже 1980–1990-х годов, сопровождавшийся длительной (до 1996 г.) приостановкой действия институтов представительной демократии и беспрецедентным ростом вооруженного сепаратизма и религиозного экстремизма. Такая ситуация была вызвана, прежде всего, неспособностью основных политических сил в штате реагировать на настроения в обществе на фоне ухудшающейся экономической обстановки и растущих социальных дисбалансов. При все большей вовлеченности населения в политический процесс это привело к подъему коммуналистских настроений и быстрой радикализации масс. Особый статус штата в Индийском Союзе был к этому времени значительно урезан и многими кашмирцами более не воспринимался как путь реализации своих групповых интересов, большое распространение среди них получили сепаратистские тенденции как на кашмирской этнонациональной, так и на исламской конфессиональной основе.

Вспышка насилия и как результат срыв демократического процесса имели серьезные последствия для развития штата. Не-

смотря на снижение числа вооруженных столкновений и терактов в последние годы сохраняется сосуществование конституционных и неконституционных форм политической активности, ключевую роль в поддержании стабильности продолжают играть многочисленные индийские военные подразделения.

Важные перестановки произошли на политическом поле, включая перераспределение сил в лагере кашмирских этнонационалистов, умеренная часть которых теперь представлена двумя основными партиями – Национальной конференцией и Народной демократической партией. Они сохраняют власть в штате после выборов 1996, 2002 и 2008 гг., но при этом база их поддержки заметно сократилась по сравнению с докризисным периодом, с одной стороны, за счет радикально настроенных этнонациональных сил сепаратистского толка, с другой – за счет коммуналистских сил. И те, и другие, несмотря на разрозненность, демонстрируют стойкое нежелание участвовать в легитимном политическом процессе.

Одним из последствий политического кризиса в Джамму и Кашмире стало усиление влияния Пакистана, который оказал масштабную поддержку вооруженному сепаратистскому движению и воспользовался ситуацией для того, чтобы укрепить пропакистанские коммуналистские организации в штате и привнести на его почву идеологию джихада. В условиях роста насилия и экстремизма еще более напряженными стали отношения кашмирцев с этническими меньшинствами штата, которые начали выдвигать все более жесткие требования по учету своих интересов вплоть до трансформации соответствующих регионов (Джамму, Ладакх) в отдельные субъекты Индийского Союза.

Несмотря на определенные успехи федерального правительства в подавлении насилия и возобновлении легитимных форм политической активности, ситуация в Джамму и Кашмире остается крайне неустойчивой и характеризуется низким уровнем доверия общества к существующим институтам власти. Хотя правительства в центре и в штате признают необходимость реформирования политической системы штата, население не вовлечено в выработку соответствующих решений (в том числе о возможной трансформации его статуса в рамках Союза), по-прежнему не налажены механизмы урегулирования противоречий между основными группами. В результате конфликты на этноконфессиональной почве продолжают (при растущем влиянии конфессиональной составляющей), зачастую принимая экстремистские формы. Представляется, что этноконфессиональные факторы будут в ближайшей и средне-

срочной перспективе играть определяющую роль в развитии политической обстановки в штате, способствуя сохранению напряженности в отношениях основных общностей и подрывая стабильность в штате и в южноазиатском регионе в целом.

*«Ломоносовские чтения. Востоковедение»,
М., 2010 г., апрель, с. 22–24.*

Вячеслав Белокреницкий,
востоковед
**ПРЕРЫВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ПЕРЕХОДА, ВЗРЫВ АГРЕССИИ
И ЭКСТРЕМИЗМА... НЕ ИСКЛЮЧАЮТСЯ**

Статья А.В. Акимова, как и его книга «2300 год. Глобальные проблемы и Россия» вызывают большой интерес. В статье, которая в конденсированном виде излагает основное (далеко не все) содержание книги, автор выделяет три аспекта темы будущего развития человечества.

Во-первых, собственно демографический процесс, исследуемый на длительную перспективу (три столетия).

Во-вторых, прогноз топливно-энергетических потребностей, где демографические ряды выступают в качестве независимых переменных, а также расчеты ресурсов воды и земли для обеспечения будущих продовольственных потребностей.

В-третьих, различные сценарии цивилизационного воздействия в будущем в свете нарастающей интенсивности международных миграций и с упором на взаимодействие европейской цивилизации с неевропейскими.

Темы, поднятые в статье, по большому счету неисчерпаемы, и нужно поблагодарить редакцию журнала «Восток (Oriens)» за организацию дискуссии по ним. В наибольшей мере меня заинтересовал первый и последний из выделенных сюжетов. Для начала хотелось бы вспомнить, что, когда Александр Владимирович Акимов, приглашенный для работы в Институт востоковедения известным отечественным демографом Ярополком Николаевичем Гузеватым, делал в начале 1980-х годов свои первые доклады на межотдельской группе по проблемам народонаселения, некоторым из нас, участникам обсуждений, казалось, что демографический процесс и прогноз его изменений слишком жестко увязываются у

него с социально-экономическими характеристиками. Сам выбранный автором и его прежними коллегами по Центральному экономико-математическому институту критерий соотношения социально-экономических и демографических переменных представлялся несколько условным. Речь шла о соотношении числа занятых вне сельского хозяйства и общей численности населения. Несмотря на критику, А.В. Акимов остался верен своей методике, с течением времени усовершенствовал ее, произвел большое число оригинальных расчетов, результаты которых представлены помимо докладов и статей в двух пользующихся заслуженным вниманием монографиях.

Нужно признать, что тщательное ознакомление с методикой автора снимает вопросы относительно ее механистичности, жесткости взаимосвязей между социально-экономическими и демографическими переменными. Как следует из последней книги, автор выделяет 23 типовых режима демографического развития, в котором главное место занимает переход от высокого уровня рождаемости и смертности к низкому (так называемый демографический переход). При этом состоянию экономической слаборазвитости, показателем чего служит низкая занятость рабочей силы вне аграрной сферы (менее 150 человек на 1000 жителей), соответствуют 11 реальных режимов естественного движения населения, найденные по аналогии, по историческим прецедентам стран и регионов, относящихся ко второй половине XX в. (развитию после Второй мировой войны, в постколониальную эпоху). Соответствующими промежуточному между низким и высоким уровнем развития состоянию экономики (от 150 до 250 человек занятых вне сельского хозяйства) найдено шесть типов (модификаций основных режимов демографического перехода), а высокоразвитой экономике (более 250 человек) присущи еще шесть типов демографического развития. Таким образом, методика автора не предполагает автоматической корреляции между социально-экономическими и демографическими параметрами. На фоне определенных экономических перемен наблюдается разнообразие вариантов, связанное с государственной демографической политикой и социокультурными особенностями той или иной страны или группы стран (региона).

Произведенные автором расчеты на перспективу показывают высокую точность: это можно утверждать, основываясь на ретроспективной оценке имеющихся расчетов численности населения за прошедшие годы и на сопоставлении полученных прогнозных оценок с другими. Основная часть прогнозов делается в мире на

базе принятого демографическим департаментом ООН метода передвижки по возрастам с учетом возрастных коэффициентов дожития и уровня рождаемости. Он считается наиболее надежным, особенно при оценке тенденций на относительно небольшую временную перспективу. К методу передвижки по возрастам прибегают и другие ведущие демографические службы мира, в частности Бюро цenzов США.

Методика А.В. Акимова демонстрирует возможности иных подходов к оценке демографического будущего, что само по себе может быть отнесено к значительным научным достижениям. Ценность произведенных автором расчетов усиливается тем обстоятельством, что при общем совпадении представлений о мировой демографической эволюции на ближайшие столетия, связанной с тем, что в их основе лежит теория демографического перехода, оценки на ближайшие полвека несколько разнятся. Так, если по среднему прогнозу А.В. Акимова число жителей на земле в 2050 г. будет равно 10,7 млрд. человек, а по его реальному, скорректированному логическим путем сценарию численность возрастет до 10,1 млрд. человек, то, по последним (коррекция 2006 г.) оценкам демографов ООН, количество людей достигнет к середине XXI в. 9,2 млрд., а по расчетам 2002 г., на которые ссылается автор в обсуждаемой статье, оно оценивалось в 8,9 млрд. человек по среднему, наиболее вероятному сценарию.

Разницу в 1–2 млрд. человек можно и не считать принципиальной, но она заметна. Сам автор отмечает, что варианты прогноза ООН предусматривают более медленный рост населения в первую половину текущего столетия, чем его варианты, и отмечает, что прогноз ведущей международной организации предполагает беспрецедентно быстрые (т.е. не имеющие исторических аналогов) демографические изменения.

Ввиду того что наибольшее практическое значение имеют как раз прогнозы на близкое время, стоит, наверное, задаться вопросом, в чем причина таких расхождений. Демографы ООН, Бюро цenzов США и других национальных школ, в том числе и отечественных, отводят большую роль демографической инерции, так называемому популяционному моменту (накопленной массе населения). При этом варьируемой переменной выступает на современном историческом этапе рождаемость, так как смертность уже достигла низких показателей во всех обществах и цивилизациях, за исключением самых примитивных, прежде всего африканских и некоторых островных тихоокеанских. При такой экстраполяции на

будущее выявившихся к настоящему времени тенденций большое значение приобретают два аспекта, не всегда напрямую связанных с социально-экономической ситуацией, а именно открытость внешнему миру, доступность как информации о современных средствах планирования семьи, так и их самих с учетом цены. По всей видимости, именно взрыв информации по этим вопросам и легкость методов ограничения рождаемости, охватившие за последние два-три десятилетия как среднеразвитые, так и низкоразвитые страны и регионы, отразились на спонтанном, глубоком и почти повсеместном спаде рождаемости. Наблюдаемое снижение и обусловило беспрецедентно высокие темпы сокращения естественного движения населения в прогнозных расчетах ООН и других демографических служб.

Между тем методика А.В. Акимова, построенная на исторических аналогиях, прецедентах, мало приспособлена для учета самых поздних по времени эталонных вариантов демографического развития. Отсюда, видимо, и расхождение в оценках на перспективу. Вместе с тем используемая им прогнозная кривая на перспективу трех столетий в принципе не отличается от других долгосрочных прогнозов и включает фазу затухающего взлета, стабилизации и падения численности жителей на Земле. Объясняется это, видимо, тем, что автор исходит из параллельных закономерностей своего рода «экономического перехода», т.е. перехода от высокой занятости в сельском хозяйстве к низкой, за которым скрывается трансформация аграрных и замкнутых отдельных крупных ареалов в неаграрные, промышленные и сервисные. То же совпадение наблюдается между расчетами А.В. Акимова и международных служб в плане соотношения динамики демографических потенциалов более развитых (Европа, Северная Америка и Океания) и менее развитых регионов, прежде всего Азии и Африки. Приведенные в статье расчеты демонстрируют усиление демографического отрыва, причем очень быстрое и глубокое в отдельных вариантах азиатско-африканского ареала от европейско-североамериканского, т.е. условного Востока от условного Запада, или Юга от Севера, при неуклонном сокращении демографического потенциала, лидировавшего в экономическом плане на протяжении трех последних веков христианско-европейского региона.

Тут уместно заметить, что наблюдаемый в последние десятилетия сдвиг в сфере планирования семьи в низких и средненизких по доходам странах и ареалах далеко не полностью нивелирует культурно-социальные и религиозно-моральные отличия. По

имеющимся сведениям, быстро выросла (главным образом за десятилетия 1980-х и 1990-х годов) доля замужних женщин, применяющих современные средства контрацепции в Иордании (с 15 до 40%), Марокко (с 1 до 50%), других североафриканских странах и Египте (с 24 до 56%), куда менее заметны были перемены в Сирии, Саудовской Аравии и других странах Аравийского полуострова. В Турции процент применяющих современные средства предохранения от беременности увеличился с 22 в 1963 до 64% в 1998 г., а в Иране – с 3 в 1969 г. до 73% в 1997 г. По этому показателю Иран оказался впереди Индии (43% в 1998–1999 гг.), Бангладеш (40% в 1999–2000 гг.) и Пакистана (24% по 1996–1997 гг.). На «пакистанском» или еще меньшем уровне находились соответствующие показатели большинства стран Африки южнее Сахары и некоторых государств ЮВА (Мьянма, Лаос и Камбоджа). Хотя использование современных контрацептивных методов далеко не прямо соотносится с демографическим ростом, оно, несомненно, влияет на его показатель.

Из приведенных данных видно, что различия, причем весьма существенные, наблюдаются не только между мусульманскими и немусульманскими государствами, но и внутри этих групп. Объясняются они, по-видимому, двумя обстоятельствами: возможностями применения средств, экономическим фактором и социальным, гендерным, связанным с положением женщины в семье и обществе. При этом ошибочно считать, что отношение в исламе к ограничению рождаемости принципиально отличается от подходов, свойственных другим религиозным системам. Исходно все религии, во всяком случае авраамические, одобряли высокую рождаемость и многодетную семью. В современную эпоху отношение религиозных ортодоксов не изменилось, но планирование размеров семьи, особенно традиционными, «естественными» способами, не запрещается. Ситуация в исламском мире ничем в этом смысле как будто не отличается, хотя далеко не все мусульманские богословы одобряют практику ограничения рождаемости, особенно импортными, «западными» средствами.

Основным для различий между сообществами мусульман и немусульман представляется второе обстоятельство, связанное с гендерным фактором. Разумеется, и в немусульманских традиционных сообществах женщины обладают низким общественным статусом, а свобода в решении своей личной судьбы и возможности передвижения ограничены. Женщины работают в поле, выполняя тяжелую работу, трудятся дома, часто не имеют права го-

лоса в семейных делах. Таково почти повсеместно и независимо от религии положение в Африке. В Индии положение невестки в больших семьях бывает столь тяжело, что нередко случаи их самоубийств. Считается вместе с тем, что при общем приниженном положении женщин в бедных восточных обществах наиболее остра проблема гендерного неравенства и женского бесправия среди мусульман, причем она в той или иной мере сохраняется и в городских сообществах, не меняясь зачастую даже при переходе от низкой к высокой ступени на материальной и социальной лестнице.

При этом мусульманские сообщества, конечно, не единообразны. Они различаются между собой по многим признакам, обусловленным культурными традициями, хозяйственными особенностями, историей и современным геополитическим положением. Если представить себе исламский ареал в виде гигантского круга, то в его центре окажется родина религии – пустыни Аравийского полуострова. Здесь исторически сложился самый строгий исламский канон и до сих пор распространены обычаи затворничества женщин, их замкнутого, «невидимого» для внешнего мира образа жизни. Двигаясь в разных направлениях от историко-географического центра ислама, мы находим модификации эталонно-архаичной арабо-мусульманской модели. На севере это персидский, кавказский и поволжский варианты, на северо-западе – восточносредиземноморский, турецкий и балканский, на северо-востоке – афганский и центральноазиатский, еще восточнее располагается индостанский ислам, а на юго-востоке – малайско-индонезийский, наконец, в Африке распространен южный, полуарабский и неарабский варианты, а к западу – арабо-африканские образцы. Положение женщин в различных частях исламского ареала отличается от того, что характеризует его в центре, делая в ряде случаев не слишком большой или даже незначительной разницу между общественно-семейным статусом мусульманки и ее соседки-немусульманки. Однако религия все же оказывает влияние на положение женщин и через него влияет на демографические процессы.

Убедительный пример дает Индия. Мусульмане в этой стране в 1951 г., уже после отделения Пакистана, составляли 10% населения. Каждая последующая перепись населения, проводящаяся раз в 10 лет, отмечала рост доли мусульман, которая ныне достигает почти 15%. Обеспокоенная перспективой оказаться потесненными мусульманами, индусская общественность побудила прави-

тельство назначить специальную комиссию по выяснению причин такого феномена. Та представила доклад, из которого следует, что факторы повышенного темпа роста мусульманского населения многообразны, но само явление устойчиво и его трудно изменить.

В чем бы ни состояли причины, доля мусульман в мировом населении неуклонно увеличивается на протяжении уже двух столетий и особенно быстро после окончания Второй мировой войны. По оценкам на 1950 г., мусульмане составляли 13–15% жителей планеты, а в 2000 г. – уже 19–22%. Доля мусульман к середине XXI столетия может, согласно некоторым прогнозам, увеличиться до 30–35%, иными словами, каждый третий житель планеты будет принадлежать к общине последователей пророка Мухаммада.

Все это, кстати, в полной мере согласуется с приводимыми в обсуждаемой статье расчетами. В ней отмечается, что демографическое развитие стран Азии и Африки не будет равномерным. Хотя наиболее населенным регионом пока остается Восточная Азия, уже к 2050 г. она утратит свои позиции, ибо Китай становится развитой страной в демографическом отношении во многом, заметим от себя, под влиянием политических факторов. У Индии и других государств Южной Азии нет сильных государственно-политических рычагов воздействия на воспроизводство населения, и потому инерционный рост выводит Южную Азию с ее постоянно растущим мусульманским населением в бесспорные демографические лидеры. Второй ареал с избыточным населением – Африка южнее Сахары, где тоже наблюдается увеличение доли мусульман.

Несколько недооценивает, по моему мнению, А.В. Акимов демографический потенциал других регионов с преимущественно мусульманским населением. Успех Ирана, где суммарная фертильность (среднее число рождений на женщину) снизилась до 2,0, необходимо оценивать осторожно, так как эту страну отличает традиционно довольно высокое место женщин в семье и огромное воздействие политической власти. При изменении государственных установок может кардинально измениться и демографическая ситуация. Но и при сохранении нынешних тенденций число жителей в странах Ближнего Востока и Северной Африки (от Ирана до Мавритании) вырастет с 400 млн. (округленно) в 2000 г. до 600 млн. к 2030 г., приблизится либо превысит 800 млн. человек в 2050 г.

Нет нужды говорить, что все расчеты на перспективу имеют достаточно условный характер и даже инерционные демографиче-

ские процессы в реальности могут быть нарушены непредвиденными обстоятельствами. Прогнозирование необходимо, однако, для того чтобы подготовиться к ожидаемым переменам, наступающим в случае достаточно плавного течения исторических событий. Прогнозы нужны для подготовки к вероятному будущему предупреждению опасностей, которые можно уловить и в какой-то мере отвести или уменьшить.

Если с этой точки зрения подойти к рассмотренным в статье А.В. Акимова вариантам взаимодействия цивилизаций с учетом международных миграций и долгосрочных демографических перспектив, то вырисовывается в целом весьма благоприятная с рациональных позиций картина. Четыре сценарных варианта из пяти, за исключением сценария «злые соседи», перерастающего в «человек западный – исчезающий вид», исходят из торжества научно-технического прогресса и сохранения за западной, европейской в основе цивилизацией ведущих позиций. С экономической точки зрения такая проекция кажется наиболее правдоподобной. Но политическая составляющая мирового развития при этом, по сути, совершенно не учитывается. Причем дело не в том, что автор по недосмотру упускает ее из виду, а в том, что варианты взаимодействия цивилизаций, которых у него фактически две – западная, развитая, и все остальные, развивающиеся, – специально, по-видимому, ограничены взаимодействием в результате миграций населения, перемещения людей без учета государственных границ и геополитических коллизий. Это обстоятельство придает вариантам цивилизационного взаимодействия некоторую узость и однолинейность.

При общей оптимистичности, которую вселяет демографический прогноз, предрекающий постепенное ослабление давления растущей массы людей на природные ресурсы, произведенные А.В. Акимовым нормативные расчеты потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) показывают, что может обнаружиться их нехватка за горизонтом 75–80 лет.

В еще большей степени тревожна ситуация с ресурсами пресной воды, глобальный дефицит которой, по мнению автора, грозит уже в ближайшие десятилетия. Нехватка воды для орошения может вызвать продовольственный кризис. Дефицит сельскохозяйственных земель особенно опасен в условиях неравномерности в их географическом распределении. Это повышает вероятность возникновения острых локальных кризисов и конфликтов по поводу использования имеющейся для орошения воды. При этом почти

все проблемы такого рода возникают в бедных и чаще всего мусульманских ареалах либо на стыках этого ареала с другими.

Отвлекаясь на общие темы, замечу, что демографические прогнозы на длительную перспективу, предсказывающие неизбежное сокращение численности землян, вызывают вопрос: насколько обоснованно предположение о завершающей фазе наблюдаемого ныне демографического перехода как о последней в истории человеческой популяции? Иными словами, не последует ли за стадией низкой смертности и рождаемости новая модель сочетания этих ключевых демографических показателей? Следует также иметь в виду, что во всех прогнозных расчетах демографическое поведение развивающихся цивилизаций подчиняется тем же закономерностям, что и развитых. Пойдет ли так дело в реальности, сказать трудно. Ведь не исключено, что, прежде чем демографический переход станет реальностью во всеобщем масштабе, его может прервать взрыв агрессии, экстремизма, политико-психологических изломов, патологий, выливающихся в борьбу разных в корневой основе цивилизаций. Уже сегодня мы наблюдаем определенное противостояние западной, гендерно раскрепощенной, во многом гедонистической цивилизации и патриархально-партократической по истокам и устремлениям исламской цивилизации, сопротивляющейся навязываемым ей извне ценностям свободы, личного достоинства и женской эмансипации, или, как сейчас говорят, придания женщинам силы (*empowering women*). Все это возвращает нас к вечным вариациям на тему войны и мира, от которых можно уйти, сосредоточившись на историческом бэкграунде в виде социально-экономических процессов и научно-технического прогресса.

«Восток (Oriens)», М., 2010 г., № 3.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 10 (220)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 6/Х-2010 г. Формат 60x84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена

Усл. печ. л. 9,25 Уч.-изд. л. 8,5

Тираж 500 экз. Заказ № 167

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)

